

Кир Булычев

Город наверху

ПРОЛОГ

Зал Совета директоров много лет не ремонтировали, священные фрески, которыми был расписан потолок, почти выцвели, пошли замысловатыми пятнами сырости, придававшими загадочность батальным сценам.

Господин директор Спел разглядывал потолок, словно стараясь угадать смысл в изображениях. Он не хотел показывать, что интересуется происходящим.

Господин директор Мекиль, начальник полиции, уже заканчивал свою разгромную речь, и до слуха Спела долетали лишь отрывки фраз: «...преступно нарушив Порядок, инженер Лемень... опорочив честное имя одного из самых уважаемых семейств, инженер Лемень...»

Мекиль, по прозвищу Мокрица, имел в виду семейство Спелов. Инженер Лемень вознамерился жениться на дочери Спела.

Шестнадцать директоров, сидевших в жестких деревянных креслах вокруг массивного, отполированного локтями стола, слушали внимательно, и каждый из них старался понять, какую угрозу для них таит гневная речь Мокрицы. Тощий, мрачный, похожий на летучую мышь, Первый директор Калгар задумчиво крутил пальцами колокольчик. Его не устраивало усиление позиции начальника полиции.

Калгар покосился на Спела. Тот разглядывал фрески на потолке. Он не посмел пойти против Мокрицы и теперь делает вид, что слова Мекиля его не касаются.

Мокрица кончил говорить. Директора зашевелились. Кто-то кашлянул. Калгар поднялся. Он был Первым директором, и ему проводить голосование.

– Господин Спел, – сказал Калгар. – Согласны ли вы, что нарушитель Порядка инженер Лемень заслуживает смерти в Огненной Бездне?

Спел наклонил голову.

– Господин генерал-директор?

Сверкающая нашивками туша колыхнулась.

– Без сомнения.

– Господин директор шахт?

Директор шахт долго жевал губами, изображая работу мысли. Калгар подумал, что Мокрица заплатил ему, но недостаточно.

– Полагаю, что поступки инженера Лемени выходят, так сказать, за рамки... А его идеи о существовании Города Наверху?

– Мы судим Лемени не за идеи, а за нарушение Порядка, – перебил его Мекиль.

– Да, – сказал директор шахт быстро. – Да, да.

– Господин директор коммуникаций?

У директора коммуникаций болит печень. Он морщится, прислушиваясь к боли, достает флакон с лекарством и машет свободной рукой – конечно, что там обсуждать...

Когда последний из директоров проголосовал за смерть Лемени, Калгар отцепил висящий на нагрудной цепи небольшой ключ от Переговорной.

– Тогда, – сказал он, – в согласии с традициями и Порядком мы должны сделать Всеобщее оповещение. Господин директор Спел!

Хранитель ключа от Переговорной, директор Спел, медленно поднялся.

Мокрица смотрел на директоров. Это был час его торжества.

У двери Спел обернулся. У черной портьеры, скрывающей вход в зал заседаний, среди чиновников, жрецов, лакеев и охраны стоял его сын в форме офицера тайной стражи. Спел-старший встретился с ним взглядом. Спел-младший незаметно кивнул.

Глава 1 ТЕМНЫЕ КОРИДОРЫ

Крони проснулся раньше обычного. За порогом шуршали шаги, скрипели голоса, слышались вздохи и тяжелый кашель – ночная смена шла с асбестовой фабрики. Обычно он просыпался, когда шаги затихали. Просыпался от тишины. Крони вспомнил, что будет сегодня. Он пойдет вниз.

Крони сбросил рваное одеяло и ступил босиком на пол. Лампада перед дешевой статуэткой бога Реда совсем погасла. Поджигая пальцы сухих мускулистых ног, чтобы не так обжигало холодом камня, Крони подошел к столу, нащупал банку с земляным маслом и подлил в лампаду. Стало светлее и как будто теплее. Прозрачные пауки кинулись прочь из круга света, попрятались по темным углам.

Крони поглядел в осколок зеркала, прислоненный к ногам статуэтки. Осколок редко удостаивался такой чести. Лицо не уместилось в нем, – Крони увидел лишь светлый глаз, клочок рано поседевших жестких волос, тонкий нос, тень которого скрывала запавшую щеку и глубокую морщину, спускающуюся к углу бледных губ. Со вчерашнего дня на лице остались полосы сажи. Крони решил умыться.

Он собрался, взял сундучок с инструментами, завернул в тряпку и сунул в карман липкий холодный кусок вчерашней каши. Башмаки стояли у порога. Крони задул лампаду.

У ручейка, наполнявшего круглый бассейн, уже собрались женщины. Некоторые стирали, другие пришли за водой, но не торопились уйти.

– Иди отсюда, – зашумели они, когда увидели, что Крони раздевается у края бассейна. – Ты нам всю воду испортишь, вонючий трубарь.

Крони не стал с ними разговаривать. Он сел на край бассейна и опустил ноги в холодную мыльную воду.

– Сейчас мужа позову, – пригрозила Ратни, жена квартального стражника.

– Позови, – поддержали ее женщины. – Пускай моется в луже.

Крони достал из сундучка кусок мыла.

– Зачем тебе столько мыла? – спросила старуха, которая жила над Крони. – Оставь мне.

– Не бери, – сердилась Ратни. – У него мыло поганое.

– Такое же, как у всех, – сказал Крони.

– От него плохо пахнет, – сказала незнакомая девушка.

– Ты-то сама здесь не по праву! – крикнула старуха, которая надеялась, что Крони

отломит ей мыла.

– Дура, – сказала Ратни. – Не знает, что мой племянник женился.

Женщины засмеялись и стали издеваться над старухой, потому что племянник Ратни женился очень выгодно и его жена пришла сверху, из семьи мастера.

Крони решил не окунаться. Он нагнулся и намылил шею и голову.

Какая-то из женщин, он не видел кто, чтобы выслужиться перед Ратни, подкралась сзади и вылила на него ушат с мыльной водой. Крони от неожиданности съежился, свалился в воду, и его штаны промокли. Женщины потешались над ним. Одна хотела сбросить в воду и его сундучок, но старуха села на него. Она еще надеялась, что Крони отдаст ей мыло.

Крони, чертыхаясь, вылез из воды и отошел в черную нишу, чтобы выжать штаны. В нише воняло испражнениями. Когда он вернулся к бассейну, старуха слезла с сундучка и, ничего не говоря, протянула корявую руку. Крони отдал ей кусок мыла, который не выпустил, когда упал в бассейн. Он подобрал сундучок и пошел, приглаживая мокрые волосы. Сзади женщины кричали старухе, чтобы она отдала им мыло.

– Тебе все равно подышать скоро.

Старуха отругивалась.

В другой день Крони взбесился бы от такой неудачи, но сегодня было иначе. Он дождался грузового лифта и поклонился стражнику. Стражник отвернулся. Здраваться с трубарем он не хотел. Но знал его уже лет шесть и не обижал. Лифт пошел вниз.

Крони ехал раньше, чем обычно, и потому в лифте оказались не те, с кем он ездил всегда. Крони вдруг подумал, что в своей жизни он встречал очень немного людей. Одних и тех же. С кем работает, с кем ездит и кое-кого из соседей. Некоторых еще не видел, о некоторых только слышал. А еще есть люди, которых трудно считать людьми, потому что они подобны наводнению или обвалу. Это сборщик или те, кто приходит с месячным обыском. Или человек от ростовщика. Крони знал, что почти все на уровне живут так же. Только у старухи меньше знакомых, а у господина Ратни больше.

Лифт останавливался. В него входили новые люди. Он уже был переполнен, и Крони слышал, как трещали старые тросы. Стражник не имел права впускать столько людей, но ему не хотелось гонять лифт лишний раз.

– Когда-нибудь мы оборвемся, – сказал тихо седой техник.

Техник был старый, но, видно, хотел жить. Раньше Крони было все равно, жить или умереть. Наверно, потому, что он был молод.

Крони ничего не ответил, он боялся, что стражник услышит. Те, кто стояли рядом и слышали, тоже молчали. Лифт проехал без остановки следующий уровень, кто-то крикнул через решетку: – Вы куда? Мы опоздаем.

– Надо раньше вставать! – ухмыльнулся стражник.

Крони через головы соседей смотрел на разноцветные потеки на стенах шахты лифта. Поверх других тянулась узкая красная полоса. Прорвало трубу в красильной мастерской, подумал трубарь.

Увидев двух торговков с корзинами, стражник остановил лифт.

– Некуда, нам и так тесно, – проворчал кто-то сзади.

Торговки сунули стражнику по монете, но ему этого было мало. Он взял у них из корзин по белому сладкому корню. Торговки попробовали втиснуться в лифт, но корзины мешали. Стражник схватил ближних пассажиров и вышвырнул их из лифта.

– На следующем захвачу, – сказал он.

– Ты чего так рано? – спросил мастер.

Мастер сидел за столиком и чиркал куском графита по плану какого-то сектора.

– Я вымыться хотел, а меня женщины не пустили.

Мастер был не плохой, добрый, с ним можно было говорить.

– В квартальном бассейне купаться задумал? – спросил он. – Грязная твоя рожа.

– А вы как догадались?

– Чего тут догадываться. Мало у тебя луж на участке?
– Вы правы, мастер, – сказал Крони. – В лифте я видел красный подтек. Наверно, в красильной мастерской труба течет.
– Знаю, – сказал мастер. – Ты пятый, кто мне говорит об этом. Даже сам управляющий звонил.

Мастер показал измазанным графитом пальцем на крышку переговорной трубы.
– Я туда уже послал людей. Сегодня пройди немного за участок, посмотри, нельзя ли отключить восьмую или девятую линии. Они все равно почти не тянут.
– Как же? А если основная отключится?

Мастер пожал плечами:

– Приказ господина Калгара.

Вошли обходчики ночной смены. Они были в грязи и злы как черти.

– Запаяли? – спросил мастер.

– Завтра снова лопнет, – сказал старший обходчик.

Они сели на корточки у стены, и старший сразу задремал.

– Я пошел, – сказал Крони.

Он взял в углу моток проволоки.

– Напарника ждать не будешь?

– Нам все равно в разные отсеки.

– Верно.

– Башмаки бы залатал, – сказал ночной обходчик.

– Они еще крепкие, – сказал Крони.

– Спину ломит, – сказал другой обходчик.

– Пожалуйся директору Калгару, – сказал мастер.

Обходчик выругался. У стены было темно, и он казался кучей тряпья.

Крони вышел из конторы и закрыл за собой дверь. За матовым стеклом, заклеенным серой лентой, покачивались темные силуэты. Обходчики поднялись и докладывали мастеру о поломках.

Все люди работают вместе. На фабриках или в конторе, в казарме или на теплостанции. Только трубари и крысоловы проводят дни, не видя ни одного человека. Трубарей можно презирать и не пускать в общий бассейн, но без них мир давно бы погиб. Если посчитать, сколько труб залатал Крони, сколько прорывов нашел, сколько намотал изоляции и сколько прочистил пробок, то можно сказать, что Крони нужнее, чем сам господин директор Калгар.

В прошлом году ему в голову не пришло бы подумать о том, что его можно сравнивать с кем-нибудь из чистых. Мир, в котором он жил, был в незапамятные времена разумно и строго устроен богом Редом, вышедшим из красной тьмы, чтобы научить людей одеваться и освещать себе путь. Бог передал свой волшебный светильник чистым, и они, движимые благими мыслями, поделились светом со своими младшими братьями. Они кормили и одевали грязных, давали им работу и наказывали строго, но любя. Так устроен мир, таким он был вечно и пребудет до того дня, когда Огненная Бездна заберет к себе своих детей.

Крони остановился на площадке, дальше которой простые люди не ходили. Там могли бывать только техники и трубари. Ступив за ржавую решетку, Крони становился выше квартального и даже выше господина офицера. Никто из них не бывал в бесконечных улицах служебного города. Крони положил сундучок на пол, снял с плеча проволоку и присел перед статуей бога Реда, освещенной электрической лампой. Колени бога блестели от масла – его задабривали трубари, уходившие на дежурство.

Крони открыл решетку своим ключом. Длинный служебный туннель, чуть загибаясь влево, уходил вдаль. Под потолком через каждые сто шагов висели тусклые лампы. Провисая, тянулись по стенам кабели и трубы. Трубы потолще шли по полу. Крони стоял и прислушивался к их голосам. Он привык на слух определять, как идут дела. Вроде бы все в порядке.

Только вздыхает труба, по которой течет горячая вода к грибницам.

Крони задержался, чтобы сменить изоляцию на кабеле № 1. Похоже, его грызли крысы. Кабель № 1 должен всегда быть в порядке. Это линия связи между главным уровнем и станцией. И что крысам здесь нужно? Крони вытащил из ниши в стене банку и посыпал отравой вдоль стены. Отрава покрывала весь пол в туннеле белесым слоем, но крысы не обращали на нее внимания.

Крони задержался у вертикальной шахты и внимательно осмотрел те места, где кабели и трубы расходились вверх и вниз. На сгибах чаще всего бывали утечки.

Дальше Крони следовало идти вперед, до третьего поворота, где кончался его участок, и там спуститься вниз. Но Крони миновал лестницу и прошел еще шагов триста, за пределы служебного участка. Это уже было проступком. Трубарям не положено в одиночку ходить в дальние коридоры.

Раньше в шахте ходил лифт, теперь он висел между уровнями, о нем давно забыли, и кто-то давным-давно пробил в его крыше и днище дыры, чтобы можно было пробираться на нижний ярус.

В шахте было совсем темно, и Крони зажег фонарь и, чтобы освободить руки, прикрепил его на лоб. Протискиваясь сквозь ржавый скелет лифта, Крони разорвал куртку и огорчился, потому что новую ему получать только через восемьдесят дней.

Крони наклонился над дырой и сбросил сундучок вниз, ближе к стенке. Сундучок звякнул. Тогда Крони повис на руках и прыгнул следом. Он стоял на широком карнизе, образованном бетонной плитой, обвалившейся со стены шахты и так застрявшей. Крони прислушивался. Стояла тишина, невыносимая для обычного горожанина, тишина, понятная и привычная трубарю. Где-то далеко с потолка сорвалась капля воды и шелкнула о мокрый пол. Этот сектор был давно покинут, и там жили лишь привидения.

Обходчики, которые бывали на этих ярусах несколько лет назад, говорили еще, что крысы там ходят стаями и не дай бог попасться – загрызут. Но инженер Рази сказал, что, кроме трубаря, никому не найти библиотеки. Трубари привыкли ходить в одиночку по пустым коридорам, у них не было страха перед пустой темнотой. Крони был трубарем. У Крони был служебный ключ к решетке.

Крони лег на край плиты и нагнул голову, чтобы свет фонаря падал вниз. Ему показалось, что на дне колодца мелькнула светлая тень.

Крони прикрепил конец провода к краю плиты. Он подумал, не оставить ли здесь сундучок, но побоялся расстаться с ним.

Он прислушивался. Там, внизу, раздавался шорох, будто стая крыс бежала по туннелю. Можно вернуться и сказать инженеру Рази, что путь к нижним ярусам закрыт. Инженер не сможет проверить. Но трубарем двигало большее, чем желание угодить инженеру.

Крони подергал за провод и начал спускаться, повесив сундучок через плечо и наклоняя голову так, чтобы луч света был все время обращен вниз.

Подошвы башмаков гулко ударились о пол. По дну туннеля тек ручеек, и правая нога сразу промокла – подошва ее сильно отставала и шлепала при ходьбе. Крони отступил на шаг, прижался к стене и повел головой. Луч света скользнул по стенам с обрывками кабелей и растворился в глубине туннеля. Идти надо было налево, до большого зала.

Позавчера, после Чтения, они сидели с инженером и инвалидом с асбестовой фабрики. Инвалиду рассказывал о библиотеке его отец, который молодым участвовал в большой облаве на крыс и заблудился в туннелях нижних ярусов. Он блуждал там три дня и видел много странных вещей, о которых даже не смел вспоминать. И он видел ход в библиотеку за домами Предков.

– Мало шансов, – говорил тогда инженер, – что от нее что-нибудь сохранилось. Крысы – раз. Влага – два, непредвиденные обстоятельства – три.

Рази говорил четко, негромко, как положено инженеру, которого слушаются не возражая.

– Внимательно осмотри помещения, которые тебе встретятся, – говорил ему инженер. – Они нам могут пригодиться.

Уточнять инженер не стал. А Крони не спрашивал, потому что его незнание было велико.

Крони шел по туннелю. Вода под ногами была холодна, от нее поднимались запахи, и трубарь угадывал по ним, откуда собирался ручеек. Пахло стиральным мылом от квартальных бассейнов, кислотой, отработанным маслом, помоями. Крони представил себе, как ручеек собирается по каплям, сочащимся из трещин в трубах, и, спускаясь с яруса на ярус, находит путь к Бездне.

Сзади послышался шорох, словно капля воды скатилась по стене. Для другого – ничего не значащий звук в туннеле, наполненном шорохами и стуком капель. Но слух Крони сразу выделил его из сотни других шепотов города, и он прыжком развернулся, стараясь в то же время прижаться к стене.

За ним шла большая крыса. Она не спешила и, когда луч фонаря достиг ее, присела и стала ждать, пока Крони пойдет дальше. В движениях крысы была неприятная осмысленность.

Он пошел быстрее, он должен дойти до домов Предков. Крони не знал, что такое дома Предков, а инженер Рази сказал лишь, что центр города когда-то, наверное, был именно там. Сравнительно близко от теплостанции и на надежной глубине. Рази подозревал, что город строился наоборот, не так, как сейчас. Грязные жили выше. Это было странно и даже нелепо, но Крони уже понимал, что странности города создавались людьми и если ты решил поверить кому-то, то все, что знал раньше, можешь подвергнуть сомнению.

Маленький оборванный человек спешил по черному туннелю, луч фонаря делал его видимым в темноте, но отказаться от света было еще страшнее. Крысы, мокрицы, жуки, черви и привидения умели видеть без глаз. Крони, хоть и был куда лучше приспособлен к такому путешествию, чем другие, в полной темноте становился бессильным и беззащитным.

Крыса семенила сзади. Присаживалась и ждала, если Крони оборачивался. Крони кинул в нее камнем. Камень не долетел, и крыса только наклонила голову, словно догадалась, что камень не долетит. Так они и шли. Может, час, может, немного меньше.

И тут впереди забрезжил свет. Зеленый, тусклый, словно отражение в глубокой воде. Крони пошел медленней. Света в этих местах не должно быть. Теперь он жалел, что взял с собой сундучок. Пользы от него никакой, а бежать мешает. Крони положил ладонь на рукоять ножа, чтобы успокоиться, хотя понимал, что нож не спасет его от крыс. Впереди не только дома Предков. Там могли остаться души Предков, а тот, кто встретился с умершей душой, никогда не вернется назад. И Крони понял, как удивительно уютен его дом, и он уже не чувствовал раздражения против госпожи Ратни, которая защищала Порядок и не желала ему зла. Крони понял, что дальше идти нельзя. Никакой библиотеки нет. Инженер заманил его сюда, инженер обманул его, инженер просто сумасшедший. В мире нет ничего, кроме Города и Бездны...

Крони обернулся, размышляя, как вернуться назад, чтобы крыса в него не вцепилась.

Но крыса была не одна. Их было уже три, и они вели себя как загонщики. Только в отличие от загонщиков они не суежились, не кричали и не били в жестянки. Они ждали. И когда Крони сделал несколько быстрых шагов им навстречу, не дрогнули, а присели на задние лапы, голые хвосты их были напряжены и приподняты, как перед прыжком.

И Крони не осмелился идти дальше. Вместо этого он повернулся и, наклонив голову, чтобы светить фонарем под ноги и не поскользнуться на мокрице, побежал к зеленому свету. Это было неразумно, но Крони не в силах был преодолеть страх и отвращение перед крысами.

Туннель оборвался неожиданно. Крони казалось, что еще долго бежать к зеленому свету, но свет обманул его. Свет был тусклым. Зеленым изнутри отсвечивала и мерцала стена. Стена была изъедена миллионами ходов, и зеленые светящиеся гусеницы, переползая по ходам, вылезая на поверхность стены, складывались в общее мерцание, настолько яркое, что в его свете были видны дома на улице и высокий потолок ее, со свисающими оттуда давно потухшими разбитыми светильниками. Потолок был покрашен когда-то голубой

краской, лоскуты которой, падая вниз, устилали землю, словно маленькие озера.

Здесь можно было обойтись и без фонаря. К Крони вернулось спокойствие. Крысы куда-то исчезли, видно, остались в туннеле.

Значит, инженер Рази был прав. Крони добрался до домов Предков. Дома, углубленные в скалу, выступали наружу облупленными фасадами. В некоторых окнах сохранились куски стекла. Стекло ценилось в городе дорого, и Крони решил, что на обратном пути возьмет несколько осколков: из них делали зеркала.

Крони подошел к двери ближайшего из домов и заглянул внутрь. Когда-то пол дома был покрыт толстым слоем пластика, но, уходя, хозяева сорвали его, и осталась ржавая металлическая решетка. Передняя комната была велика. Крони никогда не приходилось бывать в такой большой комнате. По стене, стараясь скрыться от луча света, ползла мокрица. Крони знал: если люди жили где-то, то, как бы тщательно они ни собирали свои вещи, уезжая, как бы ни жгли и ни разоряли их жилище враги, в нем всегда найдутся следы человеческого жилья. И если Крони сталкивался в своих обходах с местами, где жили люди, он осматривал их внимательно, потому что забытое или ненужное много лет назад могло сегодня дорого стоить. Когда-то было больше металлов и стекла, когда-то умели делать хороший, крепкий пластик. И не ценили этих вещей.

Осторожно ступая по решетке, чтобы не провалиться в подпол, и светя время от времени вниз, Крони пересек комнату и вошел в следующую, вырубленную в скале. В углу под решеткой что-то блеснуло. Крони нагнулся. Посыпанный ржавой трухой, скалился череп. Когда-то здесь случился взрыв, проломивший решетку, и человек упал внутрь. Крони откатил череп в сторону и поднял стальную каску. Она почти не проржавела. Посередине ее был гребень с насечками и впереди длинный прямой козырек. Крони напялил каску. Она была чуть велика, и из остатков подкладки торчали острые винты. Крони вытащил из чемоданчика молоток, загнул им винты, потом подложил в каску тряпок. Так надежней.

Он посветил вниз, но ничего больше, кроме горстки костей и обрывков изгрызенного тряпья, не увидел. На всякий случай он присел, спустил ногу и разгреб носком кости и тряпье. И не зря. Там лежал большой широкий нож. Такой нож должен стоить бешеных денег. Крони никогда не расстанется с таким ножом. Его надо спрятать в надежном месте, чтобы не увидели агенты.

Крони почувствовал, что в спину ему кто-то смотрит. Он обернулся. В дверях стояло привидение. Высокое, голубое, светящееся безликое привидение. Крони охнул, потерял равновесие и упал, ударившись локтем о череп. Крони знал, что умрет, потому что его отыскал бывший хозяин пустого дома, злой дух, видеть который нельзя.

Но ничего не произошло. Темно. Тихо, фонарь погас. Хорошо, если выключился, а не разбился. Без фонаря не выберешься отсюда.

Нога болела. Прихрамывая, Крони пересек по решетке переднюю комнату и выглянул из дверного проема. Улица была все так же освещена мерцанием, привидения нигде не было, но зато Крони увидел, что поперек улицы, отрезая ему возвращение к туннелю, в ряд сидели крысы. Крони погрозил им ножом. Крысы не пошевелились. Они ждали. Крони щелкнул выключателем фонаря, фонарь загорелся.

С потолка сорвалась капля и гулко разбилась о каску. Крони ступил на голубой лоскут краски, упавший с потолка улицы, поскользнулся, удержался на ногах и пошел дальше вдоль ряда пустых домов, глядевших на него черными дырами дверных проемов. Его догнал топот ножек. Крони успел полоснуть лучом света и увидел, что одна из крыс метнулась к нему, словно ее послали вперед спугнуть его, заставить побежать туда, куда его гнала стая. Крони взмахнул ножом, и крыса отскочила.

Крысы вновь уселись в ряд.

Но как только он двинулся вперед, сразу три кинулись вслед, и, зная уже о смертоносной силе ножа, они не приближались к Крони, а скалили зубы, прыгали совсем рядом, увертывались от взмахов лезвия и через минуту или две добились своего – Крони бросился бежать. Он велел себе, приказывал не бежать, потому что именно этого хотели от

него крысы. Но ноги бежали сами, и ему пришлось слушаться их, чтобы не упасть. Сундучок бил по боку, каска стала тяжелой и съехала набок, башмаки скользили по голубым лоскутам... Одна из крыс вцепилась в ногу и сразу отпрыгнула. Она лишь подгоняла его.

И тут Крони понял, куда его гнала стая. Впереди, поперек узкого прохода, куда он забежал, цепью сидели белые крысы. Такие же, как его преследователи. Загонщики добились своего...

Трубарь огляделся. Сзади был вход в дом. Крони поднялся на две каменные ступеньки и остановился в проеме. Если на него не нападут сзади, он сможет отбиваться.

И тут крысы бросились на него всей стаей. Они, видно, были озлоблены оттого, что он не попался в ловушку. Они прыгали на него, как пауки-охотники, и он рубил не глядя, не обращая внимания на то, как они кусают его, рвут одежду, выхватывают клочья из куртки. Но каждый толчок, каждый новый натиск стаи заставлял Крони отступать на шаг, чтобы крысы не успели забежать сзади.

Крони позволил себе кинуть взгляд назад. Коридор был достаточно узок, по нему можно было отступать, не опасаясь, что крысы тебя окружают. И он стал пятиться.

Спина его уперлась во что-то твердое. Свободной рукой Крони ощупал стенку, еще не понимая, что она – конец всем его надеждам. Стена была сложена из неровных камней и уходила вверх. Тогда Крони снова бросился на крыс.

Они были готовы к его атаке. Давя друг дружку, шипя и скалясь, крысы быстро откатились вглубь коридора, но, когда Крони вернулся к завалу, тут же бросились вперед.

Им овладело тупое отчаяние, когда хочется только одного – сесть, закрыть глаза, а там будь что будет. И стая ощутила, что противник сдал...

Но тут Крони сообразил, что не сможет сесть, крысы все равно не дадут передохнуть. И стремление добиться у крыс права присесть, отдохнуть, для чего надо было расшвырять стаю, испугать ее, придало Крони отчаянную силу. Он рубил, топтал, расшвыривал крыс ногами – он не мог испугать их – крысы в стае лишены страха, но выросший между ним и стаей барьер из мертвых тел на какую-то минуту замедлил наступление. Тогда Крони обернулся к стене и стал искать в ней щель. Он бил по камням, толкал их и вдруг почувствовал, что одна из глыб поддается, кренится, проваливается внутрь. А когда, скользя по глыбам подошвами, цепляясь одеждой, отбиваясь от вновь ринувшихся на него крыс, он подтянулся, то провалился в следующее помещение. Он почти не почувствовал удара о каменный пол. Хотелось лежать и не двигаться... Как будто в полусне, Крони встал, нащупал руками глыбу, вывалившуюся из завала, поднял ее и затолкал в черное отверстие.

А потом он опустился на пол, вытянул ноги и забылся. Невыключенный фонарь светил вверх, высвечивал над головой желтый круг. И, может, из-за того, что глаза ощущали этот свет сквозь сомкнутые веки, Крони чудилось, что он идет по другому, светлому, теплomu городу, над которым всегда горит яркий огонь.

Крони открыл глаза. Он увидел золотой круг над головой и сначала не мог понять, почему над ним столько золота. Он попытался повернуть голову, и круг метнулся в сторону, скользнул, вытянувшись по стене, и Крони сразу все вспомнил.

Он прислушался. Сначала был шорох, попискивание – шорох был понятен и утешителен. Крысы не могли отказаться от добычи и скреблись в каменную преграду. Потом он услышал вздох. Совсем рядом. Крони замер. Какое еще чудовище подстерегает его в темноте? И почему оно не бросилось до сих пор? Крони провел руками по холодному полу. Пальцы натолкнулись на гладкую поверхность лезвия. Крони нащупал рукоять. Так было надежнее. Потом подтянул локти и приподнял голову. Луч света уперся в дальнюю стену. Крони сел. Тогда он увидел кучу тряпья в углу каменного мешка. Куча шевельнулась, замерла, и снова раздался длинный, прерывистый вздох. Крони встал на четвереньки и, держа нож перед собой, приблизился к куче тряпья.

Из тряпок выглядывала часть лица – серые волосы, острый, будто выпиленный из мела нос. Дрогнуло голубое веко, и открылся блестящий, горячий, безумный глаз. Худая,

дрожащая рука приподнялась в оборонительном жесте, длинные ногти целились в лицо Крони, но рука была бессильна и упала, будто растаяла в ветхой рвани.

Открылся рот, беззубый и черный. Человек хотел сказать что-то, но получился лишь хрип. И Крони не сразу разобрал слова:

– Уйди... солдат...

– Я не солдат, – сказал Крони. – Я трубарь.

– Трубарь... – прохрипел человек. – Пить...

Крони понял, что и сам хочет пить. Смертельно хочется пить.

– Где здесь вода? – спросил он.

– Дальше, там...

Человек смог показать глазами вглубь комнаты. Крони поднялся с колен и, держась за стену, пошел, пока не услышал журчание тонкой струйки воды, текущей в трещине. Крони подставил каску и долго ждал, пока на дне наберется немного воды, и тут же выпил ее. Потом снова подставил каску под струйку и стал думать. Здесь живет человек. Это странно, потому что человек не может жить в этих местах.

Человек ждал Крони. Свет фонаря отразился в его зрачках.

– Вот, принес, – сказал Крони, чтобы разогнать тишину.

Он наклонился и приподнял легкую, горячую голову человека. Тот пил долго. Вода стекала из углов губ, и Крони подумал, что лишь малая часть воды попадает человеку в горло. Но много он выпить и не мог. Человек закрыл глаза, устал, голова его вяло откинулась, и Крони испугался, что он умер.

– погоди, – сказал он, будто хотел остановить его, удержать, чтобы не уходил во мрак, из которого никто не возвращается.

– Я здесь, – сказал человек неожиданно ясным и твердым голосом. – Я давно не пил. Я не знаю, когда я пил.

Из-под сомкнутых век выкатились маленькие слезы, и мокрые дорожки протянулись до впадин щек.

– Ты, наверно, голоден, – сказал Крони. – У меня есть еда.

– Спасибо, – сказал человек, не открывая глаз. – Мне уже не нужно. Я устал. Я умер.

– Ты живой, – сказал Крони и тут же понял свою неправду. Конечно, человек уже переступил грань, за которой нет жизни.

– Я счастлив, – повторил человек. – Я напился. И напился из рук человека. Ты не поймешь, как страшно умереть одному и знать, что они обязательно доберутся до тебя...

– Ты слышал, как я пришел сюда? – спросил Крони.

– Да. Только я не знал, что это человек. Я думал, что они прорвались. Я ждал, что они нападут.

– Я давно пришел? – спросил Крони, боясь, что в ответ услышит «три дня».

– Недавно, – сказал человек. – Ты лежал минут десять.

– Мне снился сон, – сказал Крони. – Мне снилось, что я нашел другой город.

– Другого города нет. Я тоже мечтал о городе, в котором не надо дрожать и ждать смерти.

– Ты думаешь, что наш город один на свете?

– Да, – сказал человек убежденно. – Наш город один. Я прошел до самой Бездны. Я видел, как пляшут привидения, и видел Белого Паука. Я знаю червей, которые прожигают стены, и знаю путь к Огненному Озеру. Но города нет.

– Ты знаешь путь к библиотеке? – спросил Крони. Он хотел спросить путь обратно, к людям, по которому можно пройти, не встретив крыс. Но спросил про библиотеку.

– Дай мне еще воды, – сказал человек. – У меня все внутри горит.

Крони поднес к его губам каску. Человек пил долго, и Крони тоже захотелось пить.

– Библиотека – это место, где лежат старые книги, – сказал Крони. – В книгах сказано о Городе Наверху.

– Кому нужны книги? – сказал человек и замолчал. Тишина была долгой, и Крони

снова услышал, как за стенкой царапаются крысы. Потом человек спросил: – Ты ищешь путь к библиотеке?

– Да.

– Зачем тебе книги? Ты трубарь. Ты не учился.

Крони не учился. Год он провел в подмастерьях. Он немного умел читать, разбирался в схемах подземных переходов и знал ровно столько, сколько нужно, чтобы стать хорошим трубарем. Потом, за годы работы, он выучился слышать трубы и узнал о том, как электричество идет по кабелям от станции к городу.

– А я учился, – сказал человек и снова замолчал, ему с каждой минутой труднее было говорить. – Книги... их читают крысы.

Человек засмеялся, забулькал, дыхание прервалось, и тут же, словно боясь не успеть, он заговорил быстро и настойчиво:

– Я был инженером. Я нарушил Порядок. Я любил дочь господина Спела. Мокрица выследил нас. Меня должны были отдать Бездне... Я жил здесь, я все видел, я знаю, где кипящее озеро...

Он вдруг приподнял голову и спросил громко и строго:

– Как она живет? Как здоровье уважаемой юной госпожи Геры Спел? Она счастлива?

Крони не успел подхватить человека, и голова его гулко, словно пустая, ударилась о тонкий слой тряпья. Крони понял, что человек сейчас умрет.

– Как пройти к библиотеке? – наклонился он к нему. Дышит? Дышит ли еще? – Как пройти к библиотеке?

Губы человека шевельнулись:

– Иди к привидениям... иди дальше, за дверь...

И все.

Крысы скреблись в завал. Человек жил здесь без света, крался по коридорам, прятался, боялся, хотел жить. Смерть шла к нему, и он не знал, куда деться от смерти.

Крони разгреб тряпье и нащупал на груди человека железку – опознавательный знак, с его номером и именем. Когда человек умирает, с него снимают знак. Так принято. Трубарь сунул знак в карман. Потом посветил по углам комнаты – черепки, кучка камней, сложенных кругом и черных изнутри, наверно, очаг, железный штырь – оружие. Крони увидел свой сундучок. Он совсем забыл о нем, а увидев, обрадовался, как старому знакомому. Крони проверил, надежно ли держится глыба, – не хотел, чтобы крысы добрались до того человека. И ушел не оглядываясь.

За ручейком, где Крони набирал воду, он натолкнулся на дверь. Он сначала даже не понял, что дверь стальная. Надо было случиться чуду, чтобы кто-то забыл, уходя отсюда, дверь из настоящей стали.

За дверью было пусто. В лицо чуть тянуло холодным воздухом, и Крони понял, что впереди большое открытое пространство.

...Это был странный зал. Такого Крони никогда не видел. Он был высок, и три стены его были гладкими, словно отполированными. А четвертую занимал блестящий, не потускневший от времени щит. В щите было много отверстий, там когда-то находились приборы, механизмы, и все это было вынуто, выдернуто, выхвачено, вырезано, отовсюду торчали концы проводов, гнутые стержни – когда уходили отсюда, то не заботились о чистоте и порядке – хватали, сваливали на тележки и увозили. И Крони знал, что увозили на тележках, потому что одна, у которой отломилось колесо, стояла неподалеку от щита, и на ней были навалены круглые приборы со стрелками и цифрами, блестящие ящички и коробки, стеклянные трубки, мотки разноцветных проводов и лампы.

Такое богатство потрясло Крони. Каждая металлическая коробочка, если выбросить из нее начинку, стоит больше, чем Крони зарабатывает за месяц. Другим вещам Крони просто не представлял цены... Из-под груды приборов выглядывал угол материи. Крони потянул на себя. Материя была тонкой, как паутина, мягкой и удивительно крепкой. Жаль, что кусок невелик. Крони раскрыл сундучок и положил сложенную ткань внутрь. Потом не удержался

и подобрал несколько коробочек с торчащими из них проводами. Оставил сундучок, заглянул в тележку. И тут его постигло разочарование человека, который только что сытно, но просто, без претензий пообедал и ему несут на стол громадное блюдо с лакомствами. Ткани в тележке оказался целый рулон. Там был и ящик с инструментами, тонкими, как у зубного врача, там были мотки проволоки в мягкой изоляции... Крони вытряхнул из сундучка свое добро, отмотал локтей десять ткани и отрезал ножом. Высыпал инструменты. Он кидал в сундучок вещи, стараясь, чтобы они были невелики, новы и блестящи. Сундучок не закрывался. Крони выбрасывал вещи оттуда и рассовывал по карманам. Ему трудно было оторваться, трудно уйти. Он забыл о библиотеке, забыл о том, как будет возвращаться наверх. Он «обжирался» блестящими вещами.

...Крони перевел дух. Ему повезло. Он богат на всю жизнь. Он мог забыть о другом городе и библиотеке, потому что богатому человеку не нужно мечтать о том, чего нет...

Привидение стояло рядом и смотрело на то, как богатый трубарь рассовывает добычу по карманам. Привидение не угрожало ему, но сделало то, чего от привидения никак нельзя было ожидать. Оно наклонилось и подобрало с пола оброненный Крони кусок каши. Самой обыкновенной каши, которую варят из плесени и лишайников и добавляют для вкуса мелких орешков, растущих на стенках. Привидение крутило кусок каши, обнюхивало его. У привидения были руки, не похожие на руки людей, голова без глаз и рта. Рот раскрывался на груди, и Крони был потрясен. Привидение ело его кашу. Привидение могло есть, и это означало, что светящийся столб, означающий верную смерть для того, кто увидит его, не был духом. Духи не могут есть.

Трубарь вспомнил о последних словах умирающего человека, которые счел бредом. Тот сказал: «Иди к привидениям».

И Крони спросил тогда:

– Где библиотека?

Привидение стало отступать и положило на камень остаток каши, будто опомнилось и испугалось. Крони подумал, что оно должно понимать язык людей.

– Ешь, мне не жалко, – повторил Крони. Он не стал подниматься. Он сидел на корточках, и руки оглаживали карманы, набитые барахлом.

И тогда привидение сделало шаг обратно, подобрало остаток каши, и комок исчез в открывшейся в груди дыре. Крони мог поклясться, что только что рот привидения был совсем в другом месте. Пяди на две ниже. Но способность человека удивляться тоже имеет предел. Привидение, которое слушается человека, уже не потрясало.

– Я тебе еще дам, – сказал Крони, не доверяя привидению и желая задобрить его. Может, это все-таки ловушка? Может, оно приставлено к этим вещам, чтобы охранять их?

– Дорогу к библиотеке показать можешь?

Привидение поняло. Поплыло перед Крони, который подобрал сундучок, нож и пошел следом. В луче фонаря привидение казалось совсем бледным, будто сделанным из пара. Ног у него не было. Ничего у него не было, что положено иметь нормальному человеку. Но кашу оно ело. Крони нащупал в кармане еще кусок. Подумал: отдам. Они, наверное, кашу редко видят.

Они снова углубились в коридор, по потолку которого тянулась проволока, а под ногами секции труб. Сундучок оттягивал руку. Крони нахмурился. Только что думал об одном – вернуться скорей домой, стать богатым. И вот уже снова идет к библиотеке, хотя с каждым шагом, с каждой минутой возвращение становится более опасным. Сдалась ему эта библиотека! Не нужна она никому. Крони ругал себя, уговаривал, а сам послушно шел за столбом голубого дыма, опускаясь все глубже, внутрь городских подземелий, все ближе к Огненной Бездне. «Нет, из таких, как ты, Крони, – услышал он голос старшего мастера, – из таких, как ты, инженеров не получается. Нет в твоём мозгу к этому устойчивости».

Они стояли в тупике. Под ногами пол из квадратных плит.

– Куда ты привел меня? – испугался Крони.

Привидение съежилось в шар, опустилось над одним из квадратов.

Крони подошел поближе. Привидение отодвинулось. Плита отозвалась под ногой гулко. Там было пусто.

– Понял, – сказал Крони. Чуть было не добавил «подержи сундучок». Попытался сунуть пальцы в щель между плитами, но щель была узкой. – Палку бы, – сказал Крони привидению.

Оно не двинулось с места.

Крони вспомнил, что какие-то стержни валялись в последнем коридоре, которым они сюда шли.

– Я сейчас, – сказал он.

Он сунул стержень в щель, и плита поддалась почти сразу. Крони изловчился, подхватил ее за край и откинул.

– Здесь глубоко? – спросил Крони.

Он и не ждал ответа, лег на край. Луч достиг дна. Изнутри веяло сухим теплом, о котором так мечтаешь, вернувшись с работы. Пол был недалеко. Обычный этаж, локтей десять. Привидение скользнуло рядом, провалилось вниз и отошло от дыры. Лишь по голубому отблеску Крони мог угадать, что оно его поджидает.

Крони спрыгнул вниз. Пол больно ударил по пяткам. Луч метнулся по стенам коридора. Какого за сегодняшний день? Пол был теплым.

Привидение уже двинулось по коридору, и тут же Крони сделал еще одно удивительное открытие. Более удивительное, чем встреча с привидением или спасение от стаи крыс.

Стены коридора несли следы огня, будто кто-то пробежал по ним с горящим дымным факелом в руке. Но в остальном здесь все оставалось таким, как если бы люди ушли отсюда только вчера. Здесь было сухо и все сохранилось. И пластик на стенах, и пластиковый ковер под ногами, и двери, настоящие двери разных цветов, большие и маленькие, и лампы под потолком, закрытые стеклянными колпаками. Сундучок, который только что был сокровищем, сразу потерял ценность. Надо было бежать отсюда, надо было договориться с нужными людьми – устроить сюда поход, приучить привидений, чтобы отгоняли крыс. Они любят кашу? Ради Реда, они получают столько каши, что обожрут ее. И Крони будет жить не в камерке нижнего города, у него будет дом на верхнем уровне. Сам господин директор Калгар будет кланяться ему и позовет в свой личный лифт. Крони будет объедаться сладкими грибами и женится на какой-нибудь прекрасной юной благородной девушке, и никто не посмеет его выгнать или казнить. Госпожа Ратни будет выходить утром из своего домика и кланяться господину Крони и сама будет приглашать его купаться в квартальном бассейне... Тут Крони подивился тому, как глупо бредет его мысль. Ведь если у него будет дом наверху, на уровне чистых, зачем ему купаться в квартальном бассейне и встречаться по утрам с госпожой Ратни? Он забудет о ее ничтожном существовании. Ведь, говорят, сам Калгар когда-то был беден. И отец его работал на фабрике. Калгар стоял во главе шайки, которая воровала медь с рудника... хотя, наверно, это ложь. Это из зависти говорили трубари. Господин Калгар родился на уровне чистых. Поглядели бы вы на его руки. А может, скоро будут также говорить и о Крони: «Поглядите на его руки, разве он когда-нибудь мог быть трубарем?»

Крони шел, мечтал, но в глубине души знал, что никогда не станет чистым. План его был невыполним – ему никогда не обмануть жуликов. Им все и достанется. К тому же он не был уверен, что хочет быть господином Калгаром и жить в доме господина Калгара. Великая тайна, овладевшая Крони, сказочная до начала путешествия, сейчас уже была куда реальнее и важнее, чем все старые, поломанные сокровища, лежавшие в этих коридорах. Сокровищ было слишком много. Крони мог легко осознать свое богатство, пока оно умещалось в сундучке. Но такое богатство...

И Крони не стал заглядывать в комнаты и в боковые коридоры. Он спешил за голубым столбом. Тот двигался уверенно мимо открытых и притворенных дверей, мимо брошенных касок и портьер, сотканых из блестящих тканей, мимо открытых ящиков, в которых

хранились какие-то приборы, мимо брошенных кучей винтовок и длинных ящиков с патронами к ним, мимо опрокинутых металлических стульев и зеленых бутылей...

Привидение остановилось у закрытой двери. Оно ждало, когда Крони догонит его.

– Здесь? – спросил Крони.

Привидение стояло неподвижно.

Крони толкнул дверь и оказался в библиотеке.

Здесь было так жарко, что сразу высохли губы. Луч фонаря блуждал между высокими рамами, на которых покоились металлические полки. Книги стояли, лежали на полках, горами громоздились на полу. Крони знал, какими должны быть книги, потому что видел книгу Порядка и клялся на книге Закона, когда его принимали на работу.

Крони взял с полки одну из книг и увидел, что она обгорела. Поэтому был черным переплет и обрез страниц. Крони держал книгу, и он был горд собой, потому что он прошел там, где не проходил еще никто, и нашел библиотеку. Теперь он держит в руках книгу.

Крони раскрыл ее, и страницы рассыпались в пыль. Черное облако трухи медленно осыпалось на пол. Другая книга рассыпалась даже раньше, чем он успел поднять ее с полки. Она стала кучкой серого пепла, в котором чернели обгорелые клочки бумаги.

Когда-то в библиотеке был страшный жар. Огонь почему-то не вспыхнул, но все здесь обуглилось, распалось, разрушилась связь в вещах, и бумага потеряла прочность.

Крони шел между полок, не обращая внимания на жару и духоту, и привидение отступало перед ним. Он дотрагивался до книг, иногда пытался поднять книгу с полки. Но если книга не распадалась в руке, она гибла, стоило ее открыть.

Надо же идти так долго и найти пепелище! В отчаянии Крони смахнул с полки целый ряд книг, рука завязла в трухе, и привидение вытянулось к нему голубым червем и обожгло электричеством. Не больно, но обожгло. Привидение не хотело, чтобы человек убивал книги.

Крони не обиделся на привидение.

– Прости, – сказал он. – Книги умерли.

Привидение успокоилось.

Трубарь достал из груды трухи три странички, обгорелые по краям, положил их в карман. Пусть будет хоть какое-то доказательство, что в библиотеке он был.

Другой на месте Крони не стал бы расстраиваться. Разве можно сравнить какие-то книги с настоящей добычей.

Но Крони бесцельно брел по жаркому коридору, удаляясь от библиотеки, и не видел разбросанных вокруг богатств.

Привидение обогнало Крони, чуть коснувшись его, и по всему телу пробежал холодный озноб. К привидению Крони привык. И даже к странностям его.

Крони нащупал в кармане кусок каши. Маленький кусок, последний. Но есть Крони не хотелось. Он выпил бы воды.

Крони протянул кусок привидению.

– Хоть бы ты говорить мог, – сказал Крони. – Может, другая библиотека была?

Но сам уже знал, что вряд ли была вторая.

– Устал я, – сказал Крони. – Ты не подскажешь, как выбраться отсюда?

Когда все кончилось, возбуждение не сразу оставило Крони. Он возвращался к действительности толчками, будто прорывал одну за другой бумажные перегородки.

Сундучок с каждым шагом становился все тяжелее.

Привидение вновь поплыло вперед, но через несколько минут замерло у стены и начало вливаться в нее, расплывшись, расплзшись по ней, и постепенно исчезло в стене, как вода, пролившаяся в трещину.

Когда Крони дошел до того места, он и в самом деле увидел трещину. В глубине ее голубел след привидения.

– Эй! – крикнул Крони, прижимая каску к трещине. – Ты куда? Я же здесь не пройду.

Но голубой отсвет уже растворился в темноте. Луч фонаря, ослабевший без подзарядки, желтый и неверный, терялся в захламенном коридоре, и от его желтого света

тишина еще напряженнее и беспросветней мрак. Человек устал, он отдал бы все сокровища своего сундучка за то, чтобы увидеть, как тусклой цепочкой горят лампы в служебном коридоре. И он уже не верит, что когда-нибудь увидит их, потому что за день он спускался так долго и так далеко ушел от известных ему мест, что отыскать путь обратно не сможет. А если следовать по собственным же следам, то препятствий не одолеть. Ему не взобраться наверх там, где квадратная плита, ему страшно вернуться в камеру, где лежит мертвец, и разобрать завал. Что же остается человеку в таком случае? Он должен идти вперед.

У Крони разболелась спина, сводило мышцы ног. Он решил отдохнуть. Прошло столько времени, что, часом раньше, часом позже, возвращаться все равно поздно. В коридоре он останавливаться не хотел – тут в любую минуту могла пробежать случайная крыса. Надо отыскать комнату. С дверью.

Такая комната нашлась шагов через сто. Крони проверил, надежно ли закрывается дверь, потом посмотрел, не прячется ли кто-нибудь внутри. В комнате стоял стол, несколько стульев.

Крони прикрыл дверь и сел на стул. Стул скрипнул, но выдержал. Стул был удобный, такой бы принести домой. Стала мучить жара и жажда. И чем дольше сидел Крони в безделье, тем больше хотелось пить.

Он решил было вздремнуть, но ничего из этого не вышло – во рту было сухо и язык в нем не помещался. Он старался думать о другом, а перед глазами стоял ручеек и слышно было, как струйка льется в каску.

Кто был здесь последним? – думал Крони. Кто сидел за этим столом и, уходя, бросил под стол пистолет? Крони, не вставая, протянул руку и подобрал его. Пистолет был небольшой, ладно скроенный, рукоять вливалась в ладонь. Крони никогда не держал в руке пистолет, но, конечно, знал, как он действует. Каждый мальчишка знал об этом. Пистолет есть у квартального стражника. Раз Крони видел, как квартальный застрелил жулика. Человек прибежал с другого этажа, и за ним гнались агенты. А квартальный застрелил его.

Крони вытянул руку с пистолетом, прицелился в угол комнаты и нажал на спуск. Он не ожидал, что пистолет выстрелит: ведь он валялся здесь много лет. Пистолет дернулся в руке, комнату осветило яркой вспышкой, что-то рухнуло, и в ноздри ворвался едкий запах огня и пыли. Первым движением было отделаться от пистолета, выбросить его, но рука не хотела расставаться с оружием, пальцы крепко держали рукоять.

Крони поднялся и подошел к стене, куда был направлен выстрел. Пуля пробила пластиковую обшивку, разорвала сетку, которой пластик крепился к камню, и в самом камне образовалось углубление с расплавленными краями. Удивительна была сила, заключенная в маленькой и удобной машинке, спавшая столько лет, чтобы проснуться по первому приказу.

Крони посмотрел вокруг, не осталось ли где еще патронов для пистолета. Он обошел стол, отодвинул стулья. Две обоймы с патронами отыскились в среднем ящике. В нижнем были бумаги, книжка планов – Крони подумал, что если это старые планы города, то они очень нужны, и взял книжку. Странная вещь – везение. В библиотеке тысячи книг, и все они погибли. Здесь всего одна, но целая.

Уходя, Крони еще раз пробежал лучом фонаря по стенам и увидел картину. Она была небольшой, цветной. Крони приблизился, оперев в нее луч фонаря.

На картине был изображен Город.

Тот Город, о котором говорил инженер Рази, в который трубарь Крони поверил настолько, что пошел разыскивать библиотеку.

Вчера Крони был просто трубарем. Он, правда, бывал на Чтениях и слышал о Запретном. Но сегодня Крони знал, как выглядит Город. И он покажет его другим. Крони снял картину со стены. Он быстро шел по коридору, будто знал, куда идти.

Лифтовая шахта попалась скоро. Но она была пуста и уходила черным колодцем вниз и вверх. Трубарь оглянулся. Недалеко от лифтового колодца всегда бывает аварийная лестница.

Нашлась и лестница. Она была вырублена в скале. Через несколько ступенек

обнаружилось, что она завалена на уровне того же этажа, где была потайная плита. Но Крони решил, что завал не должен быть непреодолимым. Скоро он отыскал прут, которым расшатал обломки бетонных плит. Он еще успел отскочить в сторону. Бетонная крошка и куски плит обрушились на лестницу, и Крони, когда осела пыль, пошел выше. Все у него получалось, и спина больше не болела, и ноги не ломило.

Крони поднялся еще на два этажа и заметил в отдалении тусклый свет.

Идти к свету пришлось долго. В туннеле когда-то ходили поезда. Теперь он был набит пустыми вагонетками, сошедшими с рельсов. Пришлось протискиваться между ними и стеной, а потом ползти в узкой щели под самым потолком. А когда Крони преодолел и это препятствие, оказалось, что свет пробивается сквозь круглое отверстие в конце туннеля, которое горело, словно открытая дверца печи.

Было так жарко, что Крони провел пальцами по щеке – не потрескалась ли кожа. И все-таки Крони дошел до красного круга, из которого доносился неровный пыхтящий шум.

Отверстие на уровне головы было затянуто обгорелой, черной решеткой. Прикрывая рукавом лицо, Крони заглянул в отверстие и успел разглядеть огромную полость, на дне которой пузырилось, волновалось, высовывало горячие языки, пыхтело, рычало и вздыхало огненное варево. Отсветы огня полыхали на стенах, которые уходили вверх и смыкались где-то в невидимой высоте. Туда поднимались клубы серого дыма и вытягивались, как в печную трубу. Кое-где в стенах полости виднелись отверстия – входы в туннели и коридоры. Когда-то здесь тоже был город, но часть его обрушилась внутрь, или, наоборот, языки Огненной Бездны пробили, просверлили толщу города и расплавили ее. И масштабы катастрофы преисполнили Крони благоговением перед мощью Бездны, от гнева которой не укрыться и не вымолить прощения.

Больше стоять у Бездны было нельзя. Крони боялся, что загорится одежда и вытекут глаза.

Он поспешил обратно, прополз через вагонетки и нашел лестницу. Через несколько пролетов лестница кончилась. На этот раз завал был основателен, не приходилось и мечтать о том, чтобы разобрать его. Крони опустился на этаж ниже и попал в бесконечный лабиринт пустых ходов, залов, покинутых комнат. Как-то невдалеке мелькнула тень крысы, и Крони выстрелил в ту сторону, мстя за тот страх, который заставила его испытать крысиная стая. Он не стал смотреть, попал ли, и поспешил дальше, движимый лишь одной целью – выбраться наверх. Через час ему повезло – он натолкнулся на лужу стоячей, вонючей воды и напился. Вскоре попался кабель, бегущий вверх по узкой шахте. Кабель был под током – значит, наверху окраины города, внизу – этажи теплостанции...

Глава 2

ЗНАК ИНЖЕНЕРА ЛЕМЕНЯ

Выйдя из лифта, Крони с минуту стоял в нерешительности. То ли идти домой, спрятать вещи, то ли отметить у мастера – ведь пропал без вести трубарь, могут искать. А потом понял – все равно придется говорить, что заблудился или напали крысы. Поташат в участок, будут допрашивать, еще избыют. Так лучше, чтобы ничего с собой не было. И домой опасно заходить. Надо прямо идти на Чтение. Там он отдаст все инженеру, расскажет и вместе решат. Всегда важно знать, куда пойти, кому довериться. Раньше, пока он не бывал на Чтении, трубарь жил совсем один. Как многие.

Крони шел по еле освещенным улицам к дому, в котором проходило Чтение. Он очень устал, и запахи улицы, тяжелые, надоевшие запахи человеческого жилья и помоев, хлорированной воды, подгоревшей каши и грибов, звуки женской перебранки, вой детишек – обычная жизнь, о которой он так мечтал, блуждая по темным коридорам, казалась скучной и жалкой. Даже странно, что он стремился к ней недавно. И голода не было. Только тупая боль в животе.

Каменные ступени вели вверх между сложенных из мелких обломков стенок, и за этой

щелью скрывался темный туннель – переулочек. Крони остановился. Никого сзади нет. Он переложил сундучок в левую руку.

Крони три раза стукнул в дверь. Подождал и стукнул еще два раза.

Худая девочка со спутанными волосами открыла дверь на два пальца и спросила:

– Чего надо?

– Я к лифтовому мастеру Кгеду, – сказал Крони. – Зубы лечить.

– Ты сегодня поздно, дяденька, – сказала девочка. – Чего мне принес?

– Ничего нету, – сказал Крони. – Даже кашу отдал.

– Кому отдал кашу?

– Привидению. Оно тебе привет передавало.

Девочка тоненько взвизгнула. Крони отстранил ее и прошел в низкий, узкий коридор. Через пять шагов справа дверь. Крони толкнул ее.

Чтение было в самом разгаре.

Инженер Рази увидел Крони, но не прервал своей речи. Остальные оборачивались. Крони тихонько сел рядом с парнишкой из рудничной школы, который всегда сторонился трубаря, потому что был чистенький.

– Нам твердят... – продолжал между тем Рази, и Крони постарался не отвлекаться, прислушаться к его словам, хотя знал, что его новости куда важнее слов самого инженера Рази. Это было приятно сознавать, но Крони не спешил. Куда спешить, когда ты среди своих и сундучок лежит на коленях.

– Нас уверяют, – словно издали донесся голос инженера, – что такой Порядок установлен издавна. Нас уверяют, что не кто иной, как бог Ред и другие боги, велели одним людям жить в вечной полутьме, в грязи, в страхе потерять кусок каши, умирать от болезней и смотреть, как умирают их дети. Да и много ли детей в наших черных катакомбах? С каждым годом их становится все меньше...

В комнате было человек пятнадцать. Крони всех их знал или видел раньше. Лампа под черным колпаком висела прямо над узкой головой Рази, и оттого его одутловатое лицо казалось резким, рубленным, решительным.

Когда Крони в первый раз говорил с Рази, он старался не смотреть на него. Ему страшно было подумать о том, что настоящий инженер, который живет на верхнем ярусе и одевается так чисто, может сидеть рядом с трубарем. Инженер был врагом Порядка, и каждый из пятнадцати, собравшихся здесь, мог пойти в участок, сказать об этом и получить новую комнату или даже подняться на ярус. Но этого не случилось, и Крони знал, что будет первым, кто бросится защищать своего инженера. Потому что в городе, может, сто, может, и больше инженеров, но Рази один.

Вообще-то лицо у Рази доброе. Только маленькое. Крони никогда еще не видел такого маленького инженера. Инженеры хорошо едят, и у них не бывает нарывов. Они не кашляют и не слепнут. Поэтому инженеры всегда выше ростом и крепче, чем трубари, ткачи или рудокопы. Но инженер Рази был тщедушным, как ткач. У него была прозрачная кожа, и под ней видны вены. Он рано облысел, и оттого не поймешь, сколько ему лет, старый он или молодой. Говорил он всегда тихо и медленно, будто каждое слово сначала повторял про себя. Но иногда он заводился, и голос его становился громким и четким – голосом другого человека, большого и сильного, руки казались длиннее, и пальцы подчеркивали слова, ставили точки в конце фраз или взмечались восклицательными знаками.

– Детей слишком много, – сказал шахтер, похожий на кусок угля, такой же крепкий и бесформенный, – только мрут они.

Но инженер не слышал его.

– Нам твердят, что люди созданы для жизни в темноте. Так зачем им глаза?

– Чтобы видеть, – ответил кто-то из темноты. – Не будет глаз, как мы вас увидим?

– А в темноте наши глаза не видят, – сказал инженер. – Крысы обходятся без глаз. Мокрицы обходятся без глаз.

– Привидения тоже, – сказал Крони.

– Ну, привидения здесь ни при чем, Крони. Это выдумка, чтобы люди не совали свой нос в пустые коридоры.

– Привидения есть, – сказал Крони. – Я кормил одного.

Все рассмеялись. Даже инженер Рази улыбнулся. Девчонка сунула растрепанную голову в дверь и спросила сердито:

– Хотите, чтобы на улице услышали?

– Чем кормил? – спросил шахтер.

– Чем? Кашей, конечно, – сказал Крони.

– Кашей! – захлебывался молоденький ученик рудничной школы.

А Крони подумал, что коридоры, в которых он провел день, лежат совсем рядом. Любой может туда попасть. Нетрудно. Правда, неизвестно, останешься ли в живых. Но попасть можно. Просто никто не интересуется.

– Успокойтесь, – сказал Рази. – Я продолжаю. Почему у некоторых людей кожа темнее, у других светлее, зачем у одних темные глаза, а у других – светлые? Почему у меня были светлые волосы, а у Крони волосы темные? Кому нужны в темноте эти цвета и оттенки? Вы говорите, что бог дал глаза людям, чтобы они видели, а они в темноте видеть не умеют. Значит, бог придумал и электрические лампы, и масляные светильники? И сразу дал людям?

– Огонь пришел из Бездны, – сказал парикмахер Беги, который был очень образованным, умел читать, учился в школе и должен был стать чиновником, но почему-то не стал.

– А до этого? – спросил инженер. – До этого люди бродили по коридорам и тыкались носами друг в друга? Нет, люди раньше жили в другом месте. Давно, так давно, что все забыли об этом. Мы живем в домах, вырубленных в скалах, ходим по улицам, переделанным из пещер. Но что было раньше? До того, как появился город? Где жили люди раньше?

Крони уже слышал об этом. За годы скитаний по служебным туннелям он сам додумался до многого из того, о чем говорил инженер. Он знал, что город раньше был обширнее, чем сейчас. Что людей в нем было больше и больше всяких вещей.

– Посмотрите, как плохо работают системы снабжения в нашем городе. Трубарь скажет вам, что все время приходится заменять трубы и кабели. Что с каждым днем все труднее находить замену, и мы все время посылаем специальные отряды в заброшенные уровни, чтобы отыскать там оборудование и вещи, забытые когда-то давно. А что это значит? Во-первых, город когда-то был больше, чем сейчас. Во-вторых, вещи, которых нам не хватает и которые мы не можем делать, например кабели или изоляцию для них, были изготовлены или не в городе, или секрет их изготовления потерян и забыт.

– Правильно, – сказал шахтер. – Мы в прошлом месяце вышли в сектор, о котором никто не знал. Сразу инженер агентов вызвал и нас выгнали. Мы еще удивлялись, откуда за шахтой улица.

– Я утверждаю, что люди раньше жили в другом месте. Много лет назад они пришли сюда и построили город. Их было больше, чем сейчас, и жили они лучше. Но человек не может всегда жить в таком месте, как наш город. Люди постепенно вымирают. Люди обязаны вернуться к себе домой. Куда?

– В Город Наверху, – сказал Крони.

– Да. И я верю, что раньше был Город Наверху. Там, где светло, где не узкие и темные коридоры, а обширные пространства, где от земли до потолка тысячи локтей...

– Ой, – сказала в восторге девчонка, которая подслушивала.

– Я привел сегодня к нам ученого человека, уважаемого Рал-Родди, который знает больше, чем все чистые, вместе взятые. Он вычислил время, когда мы попали сюда, и знает, где и какой был наш город раньше.

Этого старика Крони раньше не замечал. Он сидел в темноте, за спиной Рази, слушал, сгорбившись на стуле, и лицо его было таким серым, что сливалось со стеной.

Рази сел, и старик вышел вперед, наклонился над столом так, чтобы упереть в стол широкие кисти. Глаза старика были спрятаны глубоко под бровями и казались темными

ямами.

– Я давно не говорил с людьми, – сказал старик.

Все, кто был в комнате, затаили дух. К инженеру Рази уже привыкли, он был почти свой. С инженером можно было не соглашаться и даже спорить.

А в старике было что-то окончательное. То, что он скажет, окажется правдой. И в нее надо будет поверить, хочешь ты или нет.

– Люди нашли меня, и я благодарен судьбе за то, что перед смертью могу еще раз сказать правду.

Слова старика были тяжелыми, их можно было держать в руках и ощущать вес.

– Человек был рожден там.

Старик оторвал одну руку от стола и показал ею вверх, и все глазами проследили за движением руки.

– Вам лгут, что мир создан богом Редом и был такой всегда. Мир был другой. Если подняться до последних уровней и пробить землю, то можно выйти к колыбели человечества. Мы обитаем, как крысы, в подполье мира. Настоящий мир в тысячу раз больше нашего. Чтобы добраться до его потолка, надо подниматься целый день по лестнице. В том, верхнем мире никогда не бывает темно. Раскаленный огонь находится на потолке. Но это не тяжелый огонь. Он бесплотен и ярок, и оттого там всегда потолок светится золотом.

Старик опустил руку, закашлялся. Все молчали.

– Но почему этот мир, громадный и прекрасный, был оставлен людьми? Потому что люди оказались недостойны его. Они ссорились, воевали друг с другом. Они убивали детей и женщин, они грабили слабых. И слабые убегали от власти сильных. И тогда сильные поняли, что им нужно загнать людей в клетки, откуда нет выхода. И слабые будут послушны. Сильные ушли вниз, под землю, и увели за собой всех. И живут внизу, и забыли о том, что есть другой мир, и есть свет, и деревья, и реки, золотые от верхнего света. Так я сказал. Я знаю.

Старик медленно опустился на стул и как будто растворился в тени. Только его дыхание, глубокое, как дыхание машины, заполняло комнату.

– А что такое деревья? – тихо спросил юный школяр.

– Это громадные сухие лишайники, – сказал старик. – Они вырастают на много локтей в высоту и закрывают от яркого света людей, если им пришла пора отдохнуть.

– Это не совсем лишайники, – сказал тихо Крони, у которого в чемодане лежала картина. – Они как столб и расширяются вверх.

– Молчи, – оборвал Крони инженер. – Ты опять фантазируешь.

Он не захотел, чтобы старик обиделся.

– Я не фантазирую, – сказал Крони. – И потолок там не золотой. Он голубого цвета с белыми пятнами.

– Крони сегодня в ударе, – сказал веселый Трукоз, писарь с ткацкой фабрики. – Он не трубарь, а сказочник.

Старик ничего не сказал. Он привык, что ему не верят. А Крони не спешил показывать картину. Он покажет ее только инженеру. Только ему, а потом уже они решат, что делать. Есть дела общие, которые касаются всех. Есть дела свои, которыми опасно делиться с другими. Люди с трудом верят в новое. Крони верил легко, и все считали его фантазером. Даже Рази.

Поднялся очень худой, сухорукий человек с желтыми глазами, кипящий подавляемой яростью. Он латал миски и чашки в мастерской на тринадцатом ярусе.

– Мы тратим понапрасну время! – крикнул он. – Всегда тратим время, болтаем, болтаем, скоро старые будем. Дайте мне бомбу, и я взорву всю эту тюрьму.

– Подожди, – пытался остановить его Рази.

– Я уже второй год жду. И Мроки ждет. И второй бородач ждет. А чего ждем? Новых сказок о верхнем городе? Да мне плевать на золотой потолок. Ты мне дай оружие, и я перестреляю всех чистых.

– Тебя раньше перестреляют, – сказал писарь.

Голоса переплетались клубком. Голова Крони гудела от усталости.

– Успокойтесь, – уговаривал инженер Рази. – Вы думаете, что не было раньше горячих голов, которые хватили камень или палку?

– Были, – прогудел из темноты старик. – Я тоже был одним из них. Только давно, очень давно. Мы шли по лифтовым шахтам, а они бросали вниз гранаты с газом. А потом кинули зачинщиков в Огненную Бездну. Они опускали их туда на стальных тросах медленно, чтобы подольше слышать их крики...

– У нас нет оружия, – сказал Рази. – Мы не уверены в том, что за нами пойдут. Многие ли поддержат нас даже на бедных уровнях?

– Нет, – сказал Крони. – В нашем квартале мало кто пойдет.

– Можно послать верных людей, и они доберутся до директоров.

– Убьют их, и что дальше? Будут новые директора.

– И их убить, – настаивал Сухорукий.

– Мы должны учить людей, объяснять им, что так дальше жить нельзя. Мы должны собирать оружие... – твердил Рази.

– Оружие достать можно, – сказал Крони.

– Фантазер Крони, – засмеялся писарь.

Терпение Крони лопнуло. Он выхватил из кармана пистолет.

– Я знаю, где оружие, я знаю, где ящики с патронами! Вы привыкли к тому, что трубарь необразованный, трубарь дурак, от трубаря можно ждать только сказок! Так слушайте мои сказки...

И он вдруг увидел себя со стороны. Оборванный, грязный человек машет пистолетом в полутемной комнате. Люди отшатнулись от него, растерялись, может, не поняли даже, что у него в руке, но испугались крика и жестов.

– И я знаю... – сказал он тихо.

Инженер Рази уже был рядом. Он протянул руку и сказал:

– Дай сюда. Это не игрушка.

– Пусть скажет, где оружие, – сказал Сухорукий. – Это армейский пистолет. Я знаю.

Рази думал. Потом поднял руку.

– Погодите, – сказал он. – Надо поговорить. Я не хочу сказать, что не доверяю вам. Но оружие – это очень важно. А вдруг среди нас окажется человек слабый и Власть узнает об этом? Склад оружия может изменить все. Судьбу всего города. Я прошу разрешения уйти в заднюю комнату. Вместе с трубарем. Пусть он расскажет мне одному.

Рази взял Крони за локоть тонкими несильными пальцами и повел за перегородку. Он включил лампочку. Инженер сел на ящик и показал Крони на второй.

– Ты был сегодня внизу? – спросил он.

– Да. Я не хотел говорить раньше, но так получилось.

– Поздно жалеть, – сказал Рази.

За перегородку зашел старик.

– Мне можно, – сказал он. – Считается, что меня давно нет в живых. А я могу пригодиться.

– Конечно, – сказал инженер. – Говори, Крони. Только коротко.

– Может, подождем, пока все разойдутся?

– Нет. Люди будут ждать, что мы им скажем.

Крони положил на стол сундучок. Открыл его. Сверху лежала картинка. Он выложил ее на стол.

– Там был голубой потолок, – сказал Крони.

Старик наклонился над картиной так, что седые космы почти касались высоких домов и зеленых деревьев.

– Это может быть условность, – сказал старик. – Художнику казалось, что голубой лучше сочетается с белыми домами. Условность.

– Это разве нарисовано? – спросил инженер. – Мне кажется, что это скопировано с действительности каким-то механическим способом.

– Это Город Наверху, – сказал старик. – В нем люди жили раньше.

Старик гладил картину дрожащей ладонью, а Крони захотелось остановить его, потому что ладонь была грязной, почти черной, и картина могла испачкаться.

– Ты нашел библиотеку? – спросил инженер Рази.

– Я нашел библиотеку, но там очень жарко. Книги рассыпаются. Но одну я принес...

Он достал книгу.

– Вот все, что я смог оттуда принести.

Рази быстро листал страницы.

– Это старая книга, – сказал старик. – Настоящая старая книга. Ее печатали наверху...

– Очень интересно, – сказал Рази. – Здесь есть планы секторов. Надо смотреть. Рассказывай дальше.

– Я был в городе Предков и в заброшенных секторах. Привидение показало мне путь туда, где не было раньше людей.

– Опять привидение, – отмахнулся Рази.

– Ладно, – сказал Крони. – Я знаю, что привидений нет, но я его кашей кормил. Оружие лежит недалеко от библиотеки.

Крони попытался объяснить, но объяснения получились бестолковыми. Рази слушал минуты две, потом сказал:

– Сложно. И крысы, и мертвец, и Огненная Бездна...

– Там были сектора. Я слышал, – сказал старик. – Часть города провалилась в Бездну... За перегородкой слышался грохот, словно свалили целый ряд стульев.

– А-а-а! – крикнул кто-то коротко.

Крик оборвался, и вместо него возник шум борьбы, ругательства и голос:

– Лампу!

Звон. Удары. Голос:

– Ни с места. Будем стрелять!

Кто-то тут же вломился за перегородку и спросил отрывисто:

– Здесь? Кто здесь?

Рази уже тянул Крони за руку вглубь, опрокидывая ящики. Сзади был топот и треск.

Рази, падая вперед, протаскивал Крони в какую-то щель, сундучок застревал, и казалось, что кто-то его держит. Они бежали по узким каменным ходам, свалились по темной скользкой лестнице, отсчитывая ребрами и локтями ступеньки, и оказались в переулке, за углом большого дома, обитого ржавыми железными листами.

– Беги домой, – прошептал Рази. – Завтра в это же время у лавки Мосили.

– Стой, – сказал Крони, – Я...

– До завтра. Беги, – инженер мелькнул под тусклым фонарем и пропал между домами.

Крони остался стоять. Он понимал, что нужно бежать дальше отсюда, что здесь опасно, что в любую секунду преследователи могут найти тот ход, которым они убежали из дома. Но беда в том, что Крони не знал, куда бежать. Он не успел сказать Рази, что опоздал вернуться со смены, что его уже ищут, что он не может идти домой, потому что дома уже, наверно, побывал квартальный.

Судьба в течение считанных минут переворачивала жизнь Крони вверх ногами, выкручивала наизнанку. Он пережил окончательное одиночество, когда боролся с крысиной стаей, он познал общение с привидением, в существование которого не верит ни один разумный человек, он вернулся к людям и ощутил свою значимость среди других и тут же вновь оказался один, совершенно один. Нужно отыскать убежище. До завтра. А завтра инженер Рази что-нибудь придумает.

На улице тихо. Горожане уgomонились, заснули дети, и перестали ругаться хозяйки. Скоро погасят верхние лампы, и тогда лишь воры и стражники будут бродить по переулкам,

и простому человеку лучше не высовывать носа наружу.

Крони подхватил сундучок и вышел на улицу. Фонари, которые всегда казались такими тусклыми, светили ослепительно. Он старался идти не спеша, как усталый трубарь, возвращающийся с обхода. Хотя сам не мог бы сказать, устал или нет. Он был по ту сторону усталости.

– Стой, – сказали ему в спину.

Сказали негромко, с уверенностью, что он не убежит. И Крони смог преодолеть стремление к рывку, родившееся в ногах, желание прыгнуть в сторону и бежать по узким переулкам, спрятаться в темном углу.

Крони стоял и молил бога, чтобы это оказались грабители. Он знал, что грабители не нападают на трубарей. Что взять в сундучке у трубаря? И грабители не говорят «стой» так уверенно, словно никто не посмеет им сопротивляться.

– Лицом к стене, – сказал тот же голос. – Упрись руками.

Крони не хотел выпускать из рук сундучок. Он поднял его.

– Сундук на землю.

Крони подчинился. Он стоял в неудобной позе, отставив ноги от стены и упираясь в нее ладонями. И он видел, как к сундучку протянулась рука. На рукаве были нашивки стражника.

Крони был прав. Воры не нападают на трубарей.

Его привели в участок. Квартальный Ратни, толстая свинья с худой маленькой головкой, при виде его покачал укоризненно головой, потому что всегда изображал из себя строгого, ворчливого, но справедливого отца всего квартала.

– Ай-ай, – сказал он, – трубарь Крони. А ты что делал в такой плохой компании? Нет, не зря моя жена еще сегодня утром просила тебя наказать. Наказал бы я тебя и спас от тяжкого преступления.

– Куда его? – спросил стражник.

– Пускай пока посидит в камере, – сказал Ратни. – Потом за ним придут...

Полицейский толкнул Крони в спину, и тот рухнул на каменный пол камеры, полной стонов, вздохов, приглушенных голосов. Кто-то знакомый Крони, но никак не угадать кто, кричал:

– Это ошибка! Выпустите меня немедленно! Я буду жаловаться!

Решетка взвизгнула, возвращаясь на место. Шаги стражников угасли за ярким четырехугольником двери в переднюю дежурку.

– Кто здесь? – спросил Крони, стоя на коленях.

– А ты кто?

– Это ты, Сухорукий? – прошептал Крони. – Это я, трубарь.

– Не знаю трубаря, – ответил голос Сухорукого. Сухорукий говорил громко и зло.

И навстречу поднялся глухой голос, словно из пещеры:

– Правильно, здесь никто друг друга не знает. Странно, что вас не научили этому раньше.

Говорил старик. Крони узнал его. Значит, и старик попался. Старик был прав. Если кто-нибудь попадает, учит инженер Рази, помните, что вы оказались здесь случайно, что не знаете ни о каком Чтении. Это в ваших интересах. Чистосердечное раскаяние всегда усугубляет вину. Признайтесь, что вы вор, и вас продержат неделю и вышвырнут наружу – кому охота кормить вора? Признайтесь, что вы были на Чтении, и вы окажетесь в нижнем руднике, где человек выдерживает месяц. А может, вас и не доведут до рудника.

– Я никого не знаю, – сказал Крони.

– Правильно. Они наверняка подсадили сюда свою птичку. Мы ее не видим, а она слушает, – сказал старик. – Спокойной ночи, молодые люди. До утра никого не вызовут. Сейчас они сами пойдут отдыхать. Не забывайте, что стражник тоже человек. У него жена и дети, и он спешит домой. Премия, которую он получит за поимку кучки бездельников, которая планировала ограбление служебного туннеля, ничтожна. Ее не хватит и на неделю

безбедной жизни.

Никто не ответил старику, но Крони понял то, что поняли и остальные. Они собрались, чтобы ограбить служебный туннель.

– И я ничего не знаю, – раздался голос. Крони узнал школяра. – Я шел к знакомой девушке и потерял дорогу. Я спросил, как идти, в первом же доме, и тут ворвались стражники. Меня ждут дома. Мой папа начальник шахты. Тут все могут подтвердить, что я только что пришел.

– Он ко мне шел, – отозвалась растрепанная девчонка, что открывала дверь. – Он меня любит.

Она захихикала. Потом вдруг заревела в голос.

– Молчи, – сказал сонно старик. – Ты мне мешаешь спать.

Крони решил, что и ему следует поспать. Укладываясь, он сказал негромко, зная, что все его слышат:

– А я трубарь. Я шел по улице, а меня вдруг остановили. Даже не знаю, почему остановили. Облава, что ли, была?

– И я не знаю, – сказал старик. – Никто не знает.

Ярким светом брызнул в лицо открывшийся проем двери, и черный силуэт стражника появился на пороге.

– Кто здесь трубарь? – спросил стражник.

Крони не ответил. Он уже начал задремывать, пригнулся у кого-то под боком.

– Трубарь Крони, выходи.

Фонарь начал шарить по лицам.

– Эй, квартальный, – позвал стражник. – Покажи нам своего трубаря. Что-то он стесняется выйти.

Ратни хмыкнул, и его толстая туша заслонила дверь.

Тогда Крони поднялся и сказал:

– Я трубарь. Заснул я. Простите, господин квартальный.

– Он не простой трубарь, – сказал Ратни. – Я давно обратил на него пристальное внимание. Если вы заглянете в число черных отметок, которыми я отмечаю его имя в регистре, вы узнаете всю глубину моих подозрений.

Крони подумал, что, пока он дремал в камере, квартальный высыпал в регистр весь свой запас черных отметок.

– Ясно, квартальный, – сказал стражник. Он отступил в сторону, чтобы Крони мог пройти, и оказалось, что он высок, одного роста с трубарем, правда, поуже в плечах, зато у него была хорошо отмытая голубая кожа и длинное, узкое лицо с маленьким мягким ртом. Иногда дети чистых идут в стражу, чтобы сохранять Порядок.

– Ну вот, трубарь, ты и попался, – сказал стражник совсем весело и показал белые, хорошие зубы.

– Не понимаю я, – сказал Крони, – шел по улице, домой шел.

– Придется нам, трубарь, прогуляться, – сказал стражник. – Вместе с сундучком. А в сундучке у тебя такое, что даже квартальный никогда не видал. Чудеса, да и только.

– Если вы о сундучке, то все это я нашел в туннеле. На меня напали крысы.

– Поторапливайся, – обрезал стражник.

Идти было недалеко. Почти напротив квартального участка в скале была замаскирована стальная дверь. Трубарь знал о ней и даже как-то выходил к шахте специального лифта, когда там была поломка. Но обычно простых трубарей туда не пускали. У тайной стражи были свои ремонтники. Спел открыл лифт ключом, висевшим у него на шее. Этим лифтом пользовались, если надо быстро перебросить стражу с уровня на уровень.

Спел не глядя нажал на третью сверху кнопку.

Хоть не по своей воле, но побываю там, подумал Крони, и, будто угадав его мысли, Спел сказал:

– Так бы никогда тебе наверх не попасть, трубарь вонючий. Благодарю тайную стражу.

Крони сказал:

– Благодарю низжайше.

За что получил по шее.

Лифт несясь вверх быстро, почти не скрипел, и дверь в нем отворилась тоже без скрипа, столь привычного, если часто ездить на лифте.

У выхода уже ждал еще один стражник. В чистой форме и блестящих башмаках. Он поклонился господину Спелу. Тот заломил за спину руку Крони, и они быстро, почти бегом поспешили вдоль пустынной улицы, устланной квадратными плитками – белыми и голубыми. Улица была подметена, двери домов темнели на фоне покрашенных в светлую краску гладких фасадов, далеко выступающих из скалы. Потолок улицы тоже был высок, вдвое выше, чем внизу, и покрашен голубым.

Крони провели в третий дом от лифта, в котором было много света, даже больше, чем в квартальном участке, и лампы были прикрыты матовыми колпаками. Правда, один или два колпака были разбиты и склеены – глаз трубаря всегда наметан, когда дело касается поломок.

Крони ввели в белое пустое помещение и велели ждать. Господин Спел ушел за белую дверь, а когда вернулся – улыбнулся широко и почти дружески.

– Давай, – сказал он, – иди, трубарь. Будет тебе мытье.

Крони понял его неправильно. Сжался, думал, будут бить. Но следующая комната была жаркой, влажной, с длинной низкой скамьей. В другом конце – трубы с расширениями на конце, нависшие под потолком. Крони нерешительно оглянулся на Спела. Тот был злой, но веселый.

– Раздевайся, – сказал Спел. – Мыться будешь. Что я тебе сказал? Думал, будем бить? Не надейся. Ты сам не понимаешь, какая ты большая птица. Ну, раздевайся, сколько говорить надо?

И Спел влепил Крони в ухо. Это был понятный разговор стражника с трубарем. Без злобы влепил, но больно.

Крони потряс головой и стал послушно раздеваться.

– Все снимай, – сказал Спел. – Ты когда-нибудь душ видел?

– Что?

– Вот трубочист немытый. Сколько в тебе насекомых!

– Не такой уж я грязный, ваша милость, – сказал Крони.

– Я бы сам вымылся, – сказал Спел. – У вас побываешь, неделю чешешься.

Когда Крони разделся, Спел концом палки осторожно подтолкнул его к трубам.

– Смотреть страшно, какие бывают грязные люди, – сказал Спел весело. – И как вас только Бездна не заберет?

Крони было неудобно стоять голым перед стражником. Спел палкой загнал Крони в кабину, включил воду, и она хлынула сверху острыми тонкими струями, как из проржавевшей трубы. Спел отступил и задернул пластиковую шторку.

– Если горячо, – сказал он, – поверни правый кран налево.

– Хорошо, – сказал Крони. Вода сбивала, срывала с тела слой грязи и пыли. – А мыла нету?

– Он обнаглел, – сказал Спел. – Он думает, что его пригласили на Совет директоров.

Кусок мыла шлепнулся в стенку и скользнул на пол. Крони подобрал его. Горячая вода смывала усталость. Крони открыл рот и напился – вода была чистая, сладковатая. Куда лучше, чем в бассейне.

– Выключаю воду, – сказал Спел. – Твое барахло принесли.

– А куда его носили?

– Его через паровую камеру пропустили. Считай, что в чистое переоденешься.

Спел выключил воду, хорошо, Крони успел смыть мыло. Спел кинул ему свернутое в рулон полотенце. Женщине на целое платье.

Куртка, штаны, башмаки Крони – все лежало здесь, пахнущее паром, жалкое,

неприглядное в этой светлой комнате.

– А ты ничего, здоровый, – сказал Спел. – Тебе бы в тайной страже служить, а не бунтовать.

– А я не бунтую, господин, – сказал покорно Крони.

Он одевался не спеша. Вещи были как чужие.

– Смотри-ка, напялил свои тряпки, – сказал Спел с искренним удивлением, – и нет человека. Трубарь, и все тут.

– Тебя в эти тряпки одень, тоже станешь трубарем, – сказал Крони.

– Бить не буду, – засмеялся Спел, увидев, что рука Крони поднялась к голове, защищая ее от неминуемого удара. – Интересный ты человек. Знаешь, что будут бить, а говоришь.

– Я всегда так, – сказал Крони. – Меня фантазером зовут.

– Кто зовет? – невинно спросил Спел.

– А... – и Крони замолчал.

– Ну и молчи, – сказал Спел. – Мы и без тебя все знаем. На Чтении тебя так зовут. Потому что ты особо опасный преступник. Ты хочешь всех нас взорвать. И других подбиваешь.

– Я? Вы ошибаетесь, господин стражник!

– Ты, крыса. Иди!

Спел толкнул Крони в приемную и остановил перед большой, высокой двустворчатой дверью.

– Можно? – спросил он, заглядывая туда.

– Вводи, – ответил низкий голос, и Крони представил себе толстого мужчину, похожего на квартального Ратни, только с массивной головой и бровями, как у старика.

За обширным, с комнату Крони, столом сидел маленький, но очень широкий человек. Главной чертой его лица был выпуклый, нависающий лоб, который, казалось, выдавил наружу глаза, и они, голубые и очень светлые, совсем без ресниц, были приклеены снаружи. От черного мундира, простого, как тога жреца, до редких волос, расчесанных посередине, человек олицетворял Порядок.

– А вот и мы, – сказал он ласково. – Трубарь Крони. Рад. Очень рад. А меня зовут Мекилем, а прозвище у меня Мокрица. Непохоже, правда? Казалось бы, обидное прозвище, а непохоже.

– Непохоже, – согласился Крони.

– А ты, я вижу, наивен и оттого нагл, – сказал Мекиль. – Ты знаешь, кто я такой?

– Господин Мекиль по прозвищу Мокрица, – сказал Крони.

Спел ткнул ему в шею кулаком.

– Они меня всегда бьют, – сказал Крони. – Что скажу, сразу бьют.

– Кто они? – Голос стал совсем ласковым.

– Господин стражник Спел.

– А зачем ты на него жалуешься? Тебе разве никогда не говорили, что господин Мокрица не знает жалости?

– Я с вами не встречался раньше, господин Мекиль, – сказал Крони.

– Ты сообразителен. Если бы назвал меня сейчас Мокрицей, я бы приказал Спелу вышибить из тебя дух.

– Так точно, господин Мокрица. – Какой-то черт тянул Крони за язык. Ведь все могло обойтись, если бы не это слово.

Спел колотил его палкой и рукой одновременно.

Будто взбесился. Крони скорчился, закрыл голову.

– Хватит, – сказал Мекиль. – Иди к столу.

Крони с трудом выпрямился, в глазах круги.

– Не надо было тебе, Спел, так стараться. Я верю, что ты хороший мальчик и далеко пойдешь. А этот Крони мне нравится.

– Мне тоже, господин Мекиль, – сказал Спел. – Его учить надо.

– Ой, как ты прав, как ты прав! Он ведь по незнанию попался в лапы агитаторов, врагов, нечестивцев, которые не верят во всемогущего бога Реда и которым он носит оружие.

– Какое оружие? – удивился Крони.

– Которое ты нашел сегодня утром и забыл сообщить мастеру. Подвел ты его. Он, наивный, полагал, что делает хорошо, скрыв от нас, что ты не вернулся со смены. Сам послал трубарей тебя искать, а нам не сообщил. И его пришлось наказать. Очень плохо. Он сидит в темнице, а его дети голодают.

Мокрица был искренне расстроен. Ну прямо до слез.

– Отпустите его, – сказал Крони.

– Каждый, кто имеет секрет, – виноват. Каждый, кто не проявляет послушания, – виноват. Откуда это?

– Из книги Закона, – сказал Крони.

– Значит, мастер виноват. И мы с тобой ничего не можем поделать. Ясно?

Крони молчал. Как тут мастеру поможешь?

– А теперь расскажи нам, дорогой, кто послал тебя искать библиотеку и что ты там нашел?

– Но я же совершенно случайно, – начал Крони.

– погоди. И еще меня интересует, какого цвета небо в Городе Наверху. Я очень любопытен, мой мальчик.

Значит, на Чтении был человек Мекиля. Или кто-то сознался. Но об инженере Рази они пока не спрашивают. Может, его и не поймали.

– Я был в подземелье, – сказал Крони. Что скрывать? Об этом он говорил при всех. – Я заблудился, и на меня напала стая крыс.

– Ай-ай, как страшно, – сказал Мокрица. – Стая крыс. Что-то раньше они не нападали, да еще стаей.

– А на меня напали, – сказал Крони. – Я бежал от них и заблудился. Я блуждал целый день и выбрался наружу только вечером. И вот когда я шел домой...

– И не отметился на службе? Прямо домой пошел? Никогда не поверю, что хороший трубарь пойдет домой и не отметится на работе. Продолжай, мой мальчик.

– Значит, я заблудился под землей, – сказал Крони. – И выбрался только к вечеру. И когда я шел...

– Хватит, – сказал Мокрица устало. – Какой ты все-таки скучный человек. Без всякого воображения. Я бы на твоём месте придумал замечательную историю, которую нам пришлось бы распутывать долго.

Он перегнулся через стол и нажал кнопку на сером пульте.

Получилась короткая пауза. Крони огляделся. Раньше его внимание было полностью занято Мокрицей. Теперь можно было рассмотреть логово Мокрицы.

Кабинет был почти пуст. Стены были гладкие, светло-коричневые, но трубарь заметил в углах потеки. Видно, где-то и здесь труба была не в порядке. Стена за столом была затянута шторой, и Крони решил, что там еще одна дверь.

Мокрица подошел к задней стене и резким движением поднял штору. Крони ошибся. Там была не дверь. Там было большое окно, за которым пещера с низким потолком. В пещере горел открытый огонь. К железному стулу был привязан Сухорукий. То, что осталось от Сухорукого. Окровавленный обрубок открывал беззвучно рот и рвался со стула. Огонь горел под стулом, и Крони начало мутить. Ему показалось, что он чувствует запах паленого мяса, хотя стекло было толстым.

Мокрица отпустил штору, и она мягко упала обратно. Но Крони не мог оторвать от нее взгляда.

– Там камера пыток, – сказал Мокрица. – Там будешь и ты. А пока мне хочется поговорить с тобой мирно.

Вторая дверь оказалась совсем не там, где Крони ожидал ее увидеть. Мокрица нажал на кнопку, и часть стены отодвинулась.

– Не бойся, – сказал Мокрица. – Идем. А ты, Спел... впрочем, иди и ты, а то этот трубарь может на меня напасть. Ему от этого никакой пользы, а мне обидно.

Следующая комната была невелика, но так же ярко освещена. Посреди нее низкий стол, на нем – сундучок Крони, отдельно – вещи, найденные в нем, наконец, то, что было у трубаря в карманах.

Крони даже удивился такому богатству. Он о многом просто забыл.

Мокрица ткнул пальцем в картину.

– Откуда это? – спросил он. – И что это такое?

– Случайно нашел, когда от крыс убежал.

– Опять ложь, опять обман. Ну, а что здесь нарисовано?

– Это Город Наверху, – сказал Крони.

– Что это значит?

– Раньше люди жили наверху, – сказал Крони. – Где светло и где потолок во много раз выше, чем здесь. Там растут деревья. Вот эти штуки называются деревья.

– А потом? – Мекиль вроде бы заинтересовался.

– А потом чистые, такие, как ваша милость, заставили людей уйти внутрь, сюда, чтобы заставлять их работать. Если много пустого места, каждый может уйти куда захочет.

– И ты веришь, что так и было? – спросил Мекиль, склонив голову набок и разглядывая Крони, будто его увидел впервые.

– Верю, – сказал Крони. – Вот картина.

– Это – выдумка художника, – сказал Мокрица. – Только выдумка. Нет Города Наверху. И не было. Теперь расскажи мне, трубарь, об этом.

Мокрица поддел пальцем обойму от пистолета. Запасную обойму, которая осталась в кармане у Крони.

– Ума не приложу, – сказал Крони. – Никогда не видел, ваша милость.

Мекиль рассуждал вслух, будто ни Крони, ни Спела не было рядом.

– Обойма от армейского пистолета. От старой модели. Трубарь дурак, но не последний. Я верю, что там было оружие. Почему там не быть оружию? Когда эвакуировали сектора, была спешка, кое-что и позабыли. Но даже дурак-трубарь сначала берет пистолет, а потом уж запасную обойму. Он может забыть о запасной обойме и взять пистолет, но не может забыть о пистолете и взять к нему запасную обойму. А куда он дел пистолет?

Вопрос не был обращен прямо к Крони, и потому он не ответил.

Мокрица дотронулся до его руки мягкой, скользкой холодной ладонью:

– Ты плохо слышишь? Где пистолет?

Мокрица поглядел Крони в глаза, и тот на всякий случай зажмурился. Мокрица засмеялся.

Крони открыл глаза. Его никто не бил. Мокрица задумался. И тут Крони удивился. Стражник Спел протянул за спиной Мекиля руку и снял что-то со стола. Снял и спрятал. Что это могло быть?

Стражник ударил Крони палкой по плечу, и удар был слабым. Нарочно слабым, будто Спел и не хотел бить трубаря.

– Не жалея, – сказал Мокрица.

И тогда Крони понял, что утащил со стола полицейский. Это был опознавательный знак того человека, что умер в подземелье.

Спел сказал Крони:

– Ну держись, грязная скотина!

Замахнулся, но удар опять несильный.

Крони на всякий случай взвыл.

– Не убей, – сказал Мокрица. – Что-то тут еще должно было лежать. Вот забыл. – Мокрица разглядывал куски проводов, коробочки, барахло, набранное Крони в подземелье, картину, связку ключей...

Крони почувствовал, как напрягся, замер Спел.

Крони Мокрице не поверил. Опынательные знаки должны тут же передаваться в квартал. Если у тебя чужой знак, значит, ты убил того человека. Или нашел труп. Мокрица о знаке забыть не мог. Но ведь забыл!

– Итак, – сказал Мокрица, – если ты обещаешь вести себя хорошо, мы не будем тебя сегодня мучить. Все устали. Пора спать. Правда?

– Правда, – сказал с облегчением Крони.

– Ой, ты, оказывается, шутник, – удивился Мокрица. – Ты и в самом деле думаешь, что мы отпустим тебя отдыхать, не спросив, кто тебя зaтянул на Чтение, кто послал искать оружие.

– Честное слово, я не искал оружия.

– А что?

– Я заблудился.

– Я верю, что ты не искал оружия. Тем хуже – нам придется узнать, что ты искал. И кстати, когда будешь рассказывать, не забудь вспомнить, кому отдал пистолет. Или там было два пистолета? Пойми меня правильно: я отвечаю за спокойствие и безопасность нашего вечного города. И не могу допустить, чтобы пистолетами владели люди, которые могут иметь вредные замыслы. Отведи его, Спел. Там, у старшего, есть список вопросов, ну, как обычно. Только не до смерти. На твою ответственность. Потом он пойдет вниз, покажет, где оружие. Это очень важно. Да, совсем забыл, – догнал их голос у двери. – Ты не подскажешь мне, Спел, чего не хватает из предметов, изъятых у государственного преступника трубаря Крони?

– Не знаю, Мекиль, – сказал Спел беззаботно. – Я же не чистил его карманов.

– Ну конечно, конечно, прости меня, мальчик.

Для того чтобы попасть в камеру пыток, им пришлось пройти длинным коридором. Крони старался ни о чем не думать и не вызывать в воображении комнату и тело Сухорукого.

Спел шел совсем близко.

– Не оборачивайся, – заговорил стражник быстро. – Делай, как я тебе скажу, но ни слова Мокрице. Меня погубишь и себя не спасешь. Как войдешь в комнату, падай на колени, кричи, что все расскажешь!

– Но я не расскажу.

– От тебя и не потребуется. Это уж моя забота. Только разыграй ужас. Он будет следить за тобой. Да и испугаться тебе нетрудно.

– Нетрудно, – согласился Крони. – А куда ты дел...

– Заткнись.

Охранник распахнул низкую дверь, и из камеры сладко пахло горелым.

Спел ткнул Крони в спину чем-то острым.

Крони ввалился в камеру. Сухорукого не было. Вместо стекла между камерой и кабинетом Мокрицы было темное глубокое зеркало.

Крони и не надо было разыгрывать ужас.

Палачи надвигались с двух сторон, и длинные мокрые веревки волочились за ними по пятнистому полу.

– Не надо! – закричал Крони.

Палачи приближались не спеша, куда им спешить?

Крони рухнул на колени. Все равно не держали ноги.

– Я все скажу, – бормотал он, хотя ему казалось, что кричал. – Я все скажу!

Стало темно, он полетел куда-то в пропасть, к Огненной Бездне, и темнота кружилась, словно огоньки внутри привидения, и Крони пытался ухватиться за что-то, и сквозь толщу камня он слышал чей-то знакомый голос:

– Готов.

И другой голос, гулкий, отражающийся от стен пропасти, спросил:

– Придет в себя?

И первый голос ответил:

– Безнадежно. Он глубоко ушел.

Глубоко, думал Крони, я глубоко улетел.

– Если не очнется, – сказал гулкий голос, – отнесите в камеру.

– Он сломался, – сказал первый голос. – Утром он будет мягкий.

Да, я буду мягким, как паутина, хотел подтвердить Крони, но наступила полная тьма.

– Мне нужно к нему, – сказал далекий гулкий голос.

– Он все еще отключенный, – ответил другой. – Я только что проверял. Господин директор Мекиль очень беспокоится.

– Знаю, я по поручению его милости. Ты меня знаешь.

– Как же не знать.

Оба голоса знакомы. А кто такой господин директор Мекиль? А, ведь это Мокрица. Конечно, это смешная мокрица... Скрежет. Наверно, открывается решетка в служебный туннель. И он вспомнил, что он – трубарь. Как его зовут – не важно. Он трубарь.

Голос был совсем рядом:

– Ты слышишь меня, Крони?

Правильно, подумал он. Меня зовут Крони. Именно так. Трубарь Крони. Очень жалко трубаря Крони. Почему? Он попался. Его убьют.

– Крони! Это я, Спел.

Что-то прохладное дотронулось до носа Крони и взорвалось едким и отвратительным запахом.

Его хотят задушить!

Он рванулся куда-то, но его держали.

– Спокойно, – сказал Спел. – Потерпи. Сейчас ты придешь в себя.

Крони открыл глаза. Спел убрал влажную тряпку. Крони закашлялся.

– Что случи... – попытался спросить он, но закашлялся.

– Молчи, – прошептал Спел. И тут же вслух: – Бредишь, голубчик. Ну мы тебя быстро в норму приведем.

Крони молчал. Память вернулась к нему.

Спел наклонился к самому уху:

– У Мокрицы сюда идет слуховая труба.

Спел вынул из верхнего кармана опознавательный знак. Что-то вертелось в голове, что-то связывающее стражника и того мертвеца. Но что?

– Ты где это нашел? – прошептал Спел. – Ты убил его?

Крони отрицательно покачал головой, и в голову словно вонзились тупые иголки.

– Он был мертвый?

– Нет.

– Господин, – позвал из-за двери стражник, – он очнулся? Его милость велели сразу сообщить.

– Не очнулся, – сказал Спел и ладонью закрыл Крони глаза. – Плох совсем. Бредит.

– Жидкий народ, – сказал с чувством стражник из-за двери.

– Я пошел, – прошептал Спел. – Не открывай глаза. Никто не должен знать, что ты пришел в себя. Как Мекиль уйдет, я вернусь.

Крони было трудно лежать, закрыв глаза, потому что в голове мерно крутилось тяжелое колесо, затягивая в пропасть... Он заснул незаметно и так крепко, что Спелу пришлось долго пинать и расталкивать его.

– Хватит, – огрызнулся Крони, поднимаясь. – Все вы драться мастера.

– А ты разве человек? Тебя только и колотить. Знаем мы, как вас, клопов, на Чтение заманивают. «Ах, все люди равны, и трубарь не виноват, что он трубарь. Это директора виноваты». А вам лестно. И на ваших вонючих спинах кое-кто из инженеров хочет наверх забраться. Так что особенно не надейся. Был ты трубарем вонючим, им и останешься.

– Плевал я на твои слова, – сказал Крони. – Кому я верю, во что верю, кому спину подставляю – мое дело.

– Говорить ты умеешь, – засмеялся Спел. – Научили. Вставай.

Крони поднялся на ноги. Ноги были вялыми.

– Пошли.

– Куда?

– Хуже не будет.

– А с чего я тебе верить должен?

– Ты уже на Мокрицу насмотрелся. Он тебя живым не отпустит.

– А ты отпустишь?

– Не знаю еще.

– Так я здесь останусь.

– Ну и оставайся. Я пошел.

– А я Мокрице скажу, что ты знак взял и ко мне ходил.

Крони не успел мигнуть, как Спел завернул ему руку за спину, так что трубарю пришлось согнуться вдвое, и толкнул к двери.

– Ты думаешь, буду с тобой церемониться? В любой момент могут войти. Мне будет плохо. Тебе – наверняка конец.

– Я сам пойду, – сказал Крони. – Ладно, отпусти.

– Нет, номер не выйдет. Ты мне не веришь – я тебе и подавно. Если кто встретится – я тебя веду на допрос.

У двери валялся мертвый охранник. Он был задушен – лицо синее, голова свернута набок.

– Это ты? – спросил Крони. Смерть была такой жуткой, что начинала кружиться голова.

– Нет, – сказал Спел. – Это ты его задушил. Ты задушил и удрал. И теперь, что бы ты ни говорил Мокрице, никто тебе не поверит. Не я же его задушил. Зачем мне?

– А потом ты меня так же, как этого, да?

– Все может быть. А ну, шевелись!

Они оказались на большой улице. Навстречу шел уборщик. Уборщик отвернулся, опустил голову, чтобы не увидеть лишнего. Спел затолкнул Крони в узкий проход между двумя домами, довел до двери. За ней была лестница в скале. Такая узкая, что двоим не разминуться. Она вертелась спирально. Один оборот, второй...

Спел закрыл дверь на засов, отпустил Крони.

– Считай, что ты спасся, – сказал Спел. – Здесь тебя искать не должны.

– Я у тебя дома? – спросил Крони.

– Нет. Ко мне он может заглянуть.

– Может, – согласился Крони. – Он знает, что ты взял опознавательный знак.

– Ты уверен?

– Да.

– Я – дурак, – сказал Спел. – Как увидел имя – не удержался.

Спел зажег свет. Комната была невелика, но такой Крони еще не приходилось видеть. Он не подозревал, что так может быть. Стены комнаты были обтянуты материей с узорами. Если ее разрезать на платья, то хватило бы всему кварталу. Толстая материя с торчащим ворсом устилала пол.

– Присаживайся, – сказал Спел.

Крони не решался. Сиденья были тоже покрыты материей.

Спел ушел. Было очень тихо, портьера, за которой скрылся молодой офицер, чуть покачивалась. Потом оттуда донеслись приглушенные голоса.

Если когда-нибудь выберусь и расскажу об этом, подумал Крони, никто не поверит. А кому расскажешь? Наверно, только инженер в таких домах бывал.

Портьера отодвинулась, и в комнату вошла высокая девушка.

Девушка была красива, и не с кем было ее сравнить. Такой он раньше не видел. Женщины внизу не бывают молодыми и красивыми. Грань, отделяющая детство, голенастое, крикливое, вечно голодное, от старости – узловатых рук, обтянутых дряблой кожей, пронзительных голосов, корявых, изъеденных стиркой или работой пальцев, шрамов от жестоких побоев мужа – эта грань внизу незаметна.

Девчонки росли, потом неожиданно переезжали в соседнюю конуру, а если повезет, в конуру уровнем выше, и становились старыми женщинами. Они были всегда немыты, оборваны, потому что жили в темноте, а мыла человеку положено один кусок в сорок дней.

Крони мельком видел дочерей и жен торговцев и мастеров. Но, может, не повезло, может, не приглядывался. Не было среди них такой, кого Крони захотел бы увидеть еще раз. Он знал, конечно, что пройдет еще год, может, три, квартальный или мастер скажут: пора тебе взять женщину, трубарь. Но трубарю не просто найти женщину, потому что трубарь беден и грязен.

На вошедшей девушке было длинное платье, ниже колен – внизу платья короткие – так меньше материи уйдет. У нее были длинные волосы – внизу все коротко стриглись – длинные волосы не промоешь и не выгонишь из них насекомых. На руке у девушки был блестящий золотой браслет. И если он был и в самом деле золотой, то столько золота зараз Крони видеть не приходилось – внизу девчонки таскали маленькие медные украшения, которые ловкачи делали из старых гильз или меди, украденной на руднике. Девушка была в сандалиях белого цвета – женщины внизу ходили босиком, и ноги их опухали от сырости и ревматизма. Башмаки были роскошью, и их давали лишь мужчинам, которым надо много ходить. Конечно, у госпожи Ратни есть сандалии, но она их надевает, лишь когда идет в гости, наверх, к новым родственникам или к соседнему квартальному.

Крони выпрямился и стоял в оцепенении. Удивительно, но сначала он увидел одежду, а лишь потом лицо. Это было лучезарное лицо, необыкновенное, доброе и прекрасное. Крони знал, что, будь это Дева Бездны, лицезреть которую – значит встретиться со смертью, он согласен на смерть – только посмотреть сначала.

Голос у девушки был глубокий и спокойный. Она, наверно, вообще не умела визжать. И где ей визжать? У квартального бассейна? Девушка была печальна и не сразу заметила трубаря, она смотрела сквозь него, глаза ее блестели, полные слез.

– Я так и знала, – сказала она словно сама себе, – я так и знала, что он умер. Это странно, что я живу и ты живешь...

– Гера, – громко сказал Спел, – это тот трубарь, который был с Леменем.

– Да? – Девушка словно проснулась. – Как тебе удалось?

– Я ему велел каяться и незаметно вколол снотворное. Получилось, будто он упал в обморок при виде орудий пыток. Даже Мокрица поверил.

– Поверил? Мокрица никому не верит.

– Я все ловко сделал.

– И что он еще тебе рассказал? – Девушка не смотрела на трубаря.

– Сама спроси, Гера.

Гера уселась во второе кресло. Крони остался стоять.

– Расскажи о Лемене. О том, у кого ты взял знак.

И тогда Крони вспомнил.

– Вы – Гера Спел? – спросил он.

– Только сейчас догадался, темнота, – ухмыльнулся Спел.

Гера закашлялась, вынула из широкого рукава белый платок, приложила к губам.

– Значит, он говорил тебе о моей сестре? – спросил Спел.

– Говорил.

– Если говорил, был еще жив, – сказал Спел. – Ты слышишь, сестра?

– Он потом умер, – сказал Крони. – Он умирал, и я принес ему воды. Он мне рассказывал. Потом умер.

– Когда это было?

– Вчера. Конечно, вчера.

– Где?

Гера поднялась с кресла и подошла совсем близко к трубарю. От нее приятно пахло. Наверно, мылом. И глаза у нее были синие, а на платке, который она все еще держала у рта, – красные пятна.

– Глубоко, внизу.

– В заброшенных секторах?

– Рядом с Огненной Бездной. У города Предков.

– Ты там был? – удивился Спел. – Врешь.

– А ваш Мокрица мне поверил.

– Он был жив вчера? – спросила Гера, словно не могла поверить.

– Он умирал, – сказал трубарь. – Я напоил его водой.

– Что он тебе сказал?

– Он мне показал путь дальше.

– Куда?

– Дальше, к привидениям. Привидения помогли мне найти библиотеку.

– Он говорил обо мне? – спросила Гера.

– Говорил.

– Почему он умер? – спросил Спел. – Ты его убил?

– Я никого не убивал.

– Врет, – сказал Спел своей сестре. – Он только что убил стражника.

– Неправда, – сказал Крони. – Стражника убил Спел. Задушил. Я никого не убивал.

– Он сомневается в правдивости слов благородного офицера стражи, – сказал Спел, глядя в потолок. – Мне придется вернуть его в камеру пыток.

– погоди, брат, – сказала Гера. – А почему он умер?

– Он был худой и больной. Вы не были в нижних ярусах. Там нельзя прожить и одного дня.

– А ты знаешь, когда он ушел отсюда? – спросила Гера.

– Нет.

– Больше трех десятков дней назад.

– А чего же вы его не выручили?

– Директора решили, что он должен умереть, потому что нарушил закон, – сказал Спел, кривя маленький красивый рот.

– Он был инженером, – сказала Гера. – Его бы не тронули, если бы не Мокрица. Мокрица боялся Леменя. Тебе этого не понять.

– Не понять, ваша милость? – удивился Крони. – А меня здесь считают чуть ли не за главного заговорщика.

– Не хвались, трубарь, – сказал Спел. – Ты – скот.

– Мы – скоты, – разозлился Крони, – потому что нас держат взаперти. Мы грязные, вонючие, вшивые, с нами разговаривать не хочется, мы не видели книг, и, если бы нас пустить в вашу прекрасную комнату, госпожа, мы сорвали бы со стен всю эту материю и разорвали ее на платья нашим женщинам, которых мы бьем и с которыми обращаемся как со зверями. Но виноваты в этом ваши отцы и ваши деды. Это они отняли у нас Город Наверху, где светло, где текут большие реки и можно мыться каждый день. Там мы ничем бы не отличались от вас.

– Чепуха, – сказала прекрасная Гера Спел. – Мы родились от разных предков. Ваши предки были как черви, копались в грязи. Мы не можем стать одинаковыми.

– Постой-ка, – произнес вдруг Спел, выпрыгивая из кресла. – погоди, как, ты сказал, зовут твоего инженера, который вбил тебе в голову эти мысли?

– Инженер... Зачем тебе знать, стражник? Ты его не поймал. И не поймаешь.

– Рази, – подсказала Гера. – Конечно, это чудак Рази. – Ты помнишь его? Он приходил с Леменем. Ты знаком с Рази, трубарь?

Крони не ответил.

– Вот кому он отдал пистолет! – воскликнул Спел. – Мокрица дорого бы дал за эту весть.

– Забудь о своем Мокрице, – прервала его Гера. – Ты как маятник часов. Ты всегда был такой. Ты бежал к отцу выпрашивать сладости за то, что подсмотрел у нас с покойной сестрой, а потом бежал к нам и говорил, что отец обо всем знает.

– Не обвиняй меня в детских грехах, сестра, – улыбнулся Спел. – Ты хочешь, чтобы я рассказал трубарю о твоих? Он и так слишком ученый. Когда все трубари станут такими, нам с тобой придется вместо них чистить нужники. Твоим ручкам это вредно.

– Когда меня мучил Мокрица, когда отец забыл обо мне, ты мне помог? Ты меня спас? Ты трепетал за свою драгоценную шкуру.

– А кто вытащил Лемю и помог ему убежать?

– Помог, потому что Лемю тоже кое-что знал о тебе.

– И этого трубаря я спас. И привел сюда, – маленький рот Спела дергался как от боли.

– Ваша милость, – вмешался в спор Крони. – Если случится, как мы хотим, то не будет грязных и уродливых людей.

– Ах, перестань, – отмахнулась Гера. – Всегда кто-то остается наверху. И если вы гнилые снаружи, то мы – внутри. Вот и вся разница.

Спел молчал, ему было невесело. Он был зол и не мог оторвать взгляда от красных пятен на платке сестры.

– Да, мы гнилые, – повторил Крони упрямо. – Но как только мы найдем путь наверх, все изменится. Я вам точно говорю.

– Какой еще путь наверх?

Гера снова закашлялась, и мужчины ждали, пока припадок пройдет, не знали, как помочь, и когда Спел все-таки сделал движение к ней, девушка вытянула перед собой руку, останавливая его.

– Туда, где всегда светло. Где потолок высоко и растут деревья, – сказал наконец Крони.

– Где он слышался такой чепухи? – спросила Гера тихо, садясь и скручивая платок.

– У него есть картинка, – сказал Спел. – Какая-то фантазия. Когда он искал оружие, он...

– Я не искал оружие, – сказал Крони, – я искал библиотеку, я искал книги о Городе Наверху. Я верю в Город Наверху. И я слышал ученого человека, старого, который знает об этом городе. Его держали в темнице...

– Сумасшедший Рал-Родди, – сказал Спел сестре, и она кивнула, будто никакого другого имени не ожидала услышать. – Он давно умер.

– Нет, он жив.

– Еще очко в пользу Мокрицы, – сказал Спел. – Если я приду к нему с такими вестями, он меня простит. И за Лемю, и за украденный знак.

– Мокрица никогда никого не прощает. Ты знаешь, – сказала сестра. – Продолжай, трубарь.

Крони стало грустно. Он вдруг понял, что Гера не знает его имени: он для нее – безликий трубарь. Таким и останется.

– Что говорить? – сказал Крони. – Есть картина, она осталась у Мокрицы. Есть город. И если даже меня убьют и инженера Рази убьют, как вашего Лемю, госпожа, все равно будут другие люди. Главное – успеть выйти туда, пока мы не перемерли здесь. Вам, госпожа, тоже плохо под землей.

– Что ты сказал? – вздрогнула Гера, словно Крони задел ее грязной рукой.

– Я трубарь, госпожа, и чувствую влажность воздуха и знаю, сколько воды и откуда в каждой комнате, хоть завяжите мне глаза. Если сорвать эти красивые ткани и поднять ковер с пола, там мокрые пятна и плесень. Вы кашляете, госпожа, как кашляют женщины внизу. Вы сделаны из такой же плоти, что и они. Хотя вы очень красивая, красивее всех женщин в

городе, если вы не уйдете наверх, то умрете.

– И к лучшему, – сказала Гера и улыбнулась, глядя прямо в глаза трубарю, как будто увидела его впервые. – Как тебя зовут, трубарь? – спросила она.

– Крони, – сказал он. – Мой отец тоже был трубарь.

– Мы его поймали на улице, – сказал Спел. – И у него было много опасных вещей. Даже обойма от пистолета.

– Мокрица мог подсадить его на Чтение. Особенно если он следил за Рази и знал о его дружбе с Лемением. А через Лемения он хотел добраться до нас.

– Не думаю, – сказал Спел, похлопывая себя по бедру, по кобуре. – Я не позавидовал бы агенту Мокрицы у тебя в доме.

Крони молчал. Слова девушки были обидны. Если бы его обвинил в предательстве Спел, он бы не обиделся – мужчина должен быть подозрительным. Без этого не проживешь. Но девушка не должна так обижать его.

– Не слушай ее, Крони, – засмеялся вдруг Спел. – Мы все немножко рехнулись. Она не знает, каким ты был грязным, когда я отправил тебя под душ. Никакой агент не мог так измазаться. Трубари наживают эту грязь годами.

И хоть ничего лестного в словах Спела не было, Крони не удержался от улыбки и сказал:

– Теперь я чище и могу пойти в агенты.

– А теперь тебя Мокрица не возьмет. Ты слишком много знаешь. Если ты покажешь ему, где оружие, тебя убьют рядом с оружием. А если не покажешь, оружие найдут без тебя, а тебя задушат здесь.

– Крони, – сказала Гера без злобы. – Ты недавно узнал много такого, о чем твои соседи и другие трубари не знают. И не узнают никогда, потому что нельзя давать знания всем. От знаний получается беспокойство, а от беспокойства – вражда и неутоленность. Так говорят ученые люди. Ты узнал много, и голова твоя не готова для этого. Ты вообразил себя всезнающим. Инженер Рази, которому бы следовало знать больше, не остановил тебя, а, наоборот, подогревал твоё беспокойство, в чем его великое преступление перед Порядком. Пойми, что есть знание для всех, есть знание для инженера, а есть знание для чистых. Есть еще и высшее знание – знание для директоров. На этом держится Порядок.

– Вы, госпожа, обвиняли меня в том, что я говорю не своими словами. Вы говорили мне, что я повторяю слова инженера Рази. А вы повторяете слова своего учителя.

– Конечно, Крони, – согласилась девушка. – Мы все повторяем чужие слова. Но мои учителя знали больше, чем Рази.

– Почему? – спросил Крони. – Рази говорил, что есть Город Наверху. И Город Наверху есть. Старик говорил, что благородные загнали людей под землю, чтобы легче управлять ими. И это, наверно, правда. У инженера своя правда, у вашего учителя своя правда. Мы с инженером...

Крони заметил, как переглянулись брат с сестрой.

– Мы с инженером, – повторил он упрямо, – не верим в то, что этот Порядок – правильный и хороший, потому что он сделан только для вас.

Спел сказал, подождав, пока выговорится трубарь:

– Мы тут сидим, а Крони уже ищет. Нам надо подумать, как нам от него избавиться.

– Нет, – сказала Гера. – Он же не рассказал всего о Лемении.

– А вы не рассказали мне о Городе Наверху, – сказал Крони. – Вы знаете о нем. Все чистые знают о нем и скрывают.

– Расскажи о Лемении. Мне это очень важно. Я думала, что он давно умер. А я расскажу тебе все о Городе Наверху.

Крони постарался вспомнить разговор с Лемением во всех деталях, каждое его слово.

– И это все? – спросила Гера чуть разочарованно. – Он ничего не просил передать мне?

– Только сказал: «Если увидишь Геру Спел...» И умер.

– Но ты можешь поклясться Бездной, что дал ему воды?

– Я клянусь Огненной Бездной и именем бога Реда. Я напоил его и хотел накормить, но он не принял пищи. И он тоже помог мне.

В комнате было тихо. Спел посмотрел на часы.

– Слушай о городе, – сказала Гера.

– Может, обойдемся без этого, сестра? – спросил Спел.

– Я обещала, – сказала Гера. – То, что я тебе скажу, – страшная тайна. Ее могут знать лишь директора, главные жрецы и дети директоров. Даже инженеры не знают об этом.

Спел вытянул ноги в блестящих башмаках и уставился в потолок.

– Этот город был, Крони, – сказала Гера. – Наверху было два города, и они враждовали. Люди в нашем городе были мирными, имели вдоволь пищи и знали Порядок. А жители второго города не знали Порядка, и у них было мало пищи. И они напали на наш город. Это была долгая и страшная война, от дыма и ядов воздух в городе стал плохой. И когда директора поняли, что жить наверху больше нельзя, они решили спасти людей. Они перешли в нижние ярусы и спасли людей. А жители второго города умерли.

– Города нет? – тупо спросил Крони.

– Города нет. И это не ложь. Я скажу тебе больше.

Спел болтал ногой и рассматривал кончик башмака. Ему было скучно, он слушал это как надоевший урок.

– Были смельчаки, которые поднимались наверх. Об этом тоже известно. Сначала даже директора посылали гонцов проверить, как там. Но гонцы не возвращались или умирали от болезни, которой нет имени. Говорят, что последний человек поднимался много лет назад. И тоже вернулся, чтобы умереть. А потом путь наверх был забыт. Теперь тебе понятно, почему Порядок устроен так? Если бы директора не заботились о людях, не кормили бы их, не давали бы им работу и свет, воду и тепло, все бы давно умерли. Наш мир не всем кажется хорошим. Но он лучше, чем мир наверху. У каждого есть комната, работа и каши досыта.

– И от города ничего не осталось? – повторил Крони, и вопрос его не был обращен к девушке.

– Города нет, – сказала девушка. – И чем меньше людей знают о нем, тем лучше. Пока ты не знал о городе, то был спокоен и доволен. Когда узнал о городе, то потерял счастье и обречен на смерть.

– Лемень пытался выбраться, – сказал Спел. – Ты думаешь, почему Мокрица им заинтересовался? Он говорил, что надо искать город.

– Господин Лемень ходил наверх?

– Дурак ты, трубарь, – сказал Спел. – Не только города нет, но и пути к нему нет. Лемень искал путь и понял, что пройти наверх нельзя.

– Он знал, где искать? – спросил Крони.

Ответа не было.

– Почему вы не хотите ответить?

– Потому что не твоего ума дело, – сказал Спел.

Было тихо. Где-то в трубе журчала вода. Трубарь на слух определил диаметр трубы и напор в ней.

– Ну что будем делать? – спросил Спел у Геры.

– Ты лучше знаешь, – сказала девушка. – Ты стражник.

– Я выведу его и пристрелю. Скажу, что он прятался на улице, а я его нашел.

– А нельзя его не убивать? – спросила девушка.

Крони слушал это, словно к нему слова не относились. Да и они разговаривали, будто его не было в комнате.

– Если твой трубарь попадется, то он все сразу расскажет Мокрице. Себя не спасет и нас погубит. Мокрица давно подбирается к нашей семье. Не столько к тебе или ко мне, как к отцу. Понимаешь, какая для него находка трубарь?

– От меня они ничего не добьются, – сказал Крони.

– Говоришь, потому что не знаешь. Он из тебя выжмет все, что захочет, и ты умрешь в

мучениях. Лучше умереть от моей пули и сразу, чем в камере пыток.

– Убивать меня нельзя, – сказал Крони. – Потому что заподозрят тебя, господин. Как я попал на этот уровень? Только с твоей помощью.

– А что ты предлагаешь? – спросил Спел деловито.

– Как будто обсуждают экскурсию за пещерными грибами, – поморщилась Гера. – Мужчины всегда остаются детьми.

– Я знаю, что делать, – сказал Крони. – Раз мне все равно погибать, покажи мне, как выйти наверх.

– Нет, – возразил Спел. – Лемень не смог. Ты тоже не сможешь. Ты же глупее.

– Может, я глупее, – сказал Крони. – Но я трубарь. Я могу пройти там, где не пройдет никто из вас. Я всю жизнь провел в туннелях. Я за один день нашел и библиотеку, и оружие, и видел Огненную Бездну. И вернулся. Если я уйду наверх, то обещаю не возвращаться назад. Мне и не нужно. Я лучше умру там. Я думаю, что вы знаете путь наверх, где хотел пройти Лемень.

– Мы знаем, – сказала Гера. – Мы показали Леменю. Но этого пути нет.

– Вы мне дадите нож, – сказал Крони. – И если меня поймают, я себя убью.

Спел посмотрел на Геру.

– Пускай идет, – сказала она. – Лемень тоже хотел пройти. Отпусти трубаря ради твоей сестры.

– Мы рискуем, – сказал Спел.

– Не больше, чем убивая его.

Глава 3

ПАЛАТКИ НА ХОЛМЕ

– Ты слышал, – спросила Наташа, – как ночью кто-то скребся?

В палатке было тепло, сухо и пахло озоном. Стенд с прикрепленной к нему бронзовой фигуркой медленно поворачивался, и фигурка будто шевелилась под меняющимся светом ламп.

– Вот, – сказал Такаси, нажал кнопку и остановил медленное и сложное движение стенда. Защелкала камера, снимки с прерывистым шорохом выползали из автомата и со звуком, почти неразличимым, подобно тому, что издает, лопаясь, мыльный пузырь, падали в стопку уже готовых отпечатков.

– Вот и хорошо, – сказал Такаси, поднимая верхний отпечаток и протягивая Наташе. – Правда, даже лучше, чем в натуре?

Наташа рассеянно сравнила снимок и оригинал, но разницы не увидела.

– Это был не кто-то, – сказали Такаси, начиная новую серию сложных манипуляций с подсветкой. – Это был тигр, но не знаю, как он прорвался через загородку.

– Ты с ума сошел, – сказала Наташа. – Опять розыгрыш?

– Я видел следы, – сказал Такаси. – И Круминьш их видел.

– Я не пойду на раскоп, – сказала Наташа. – Ничего себе мужчины, которые не могут одолеть паршивого тигра.

– Если он паршивый, тебе нечего бояться, – сказал Такаси.

Наташа любовалась точностью, быстротой и кажущейся неторопливостью движений Такаси.

– Когда он меня съест, – сказала она, – мне будет все равно. А Кирочка Ткаченко видела привидение.

– А почему здесь не быть привидениям? – сказал Такаси. – Здесь обязательно должны быть привидения. Очень подходящая для них обстановка.

– Привидение голубое, – сказала Наташа, – и довольно быстро ходит.

– Я думаю, – сказал Такаси, снимая со стенда фигурку и укрепляя на ее место стеклянный сосудик на пяти коротких ножках, – что ночью духи этого города нагледят. Здесь

когда-то скопилось столько боли и смерти, что всякая нечисть купается в поле страдания, как в теплом бассейне.

– Не пойму, – сказала Наташа, – когда ты говоришь серьезно?

– Я всегда говорю серьезно с глубокоуважаемой аспиранткой.

– Я в тебе разочаруюсь, Така, – сказала Наташа.

– Лучше сейчас, чем потом, когда мы проживем вместе десять лет и у нас будет десяток детишек.

– Для тебя нет ничего святого, – возмутилась Наташа. – Я пошла на раскоп. Я бы тебя возненавидела, но ты недостойн моей ненависти.

– Жаль, – сказал Такаси, и стенд вновь пришел в движение.

Кончив работу, Такаси взглянул на пленку, которой была затянута дверь. Пленка была матовой, но цвет ее говорил о том, что с гор опять налетел осенний ветер, принес сизые грозовые тучи, которые проплывают над городом, пугая ливнем. Такаси накинул куртку, прорвал пленку и вышел наружу. Пленка затянута снова, защищая от пыли палатку и лабораторное оборудование. Остальные палатки стояли в ряд на жухлой траве и казались яблоками, выступающими над водой оранжевыми боками.

Ветер с гор дул порывами. Такаси опустил очки и подумал, что все на свете несет в себе одновременно добро и зло. Археологи мечтали о дожде все лето, а теперь, когда дожди должны были вот-вот начаться, хотелось, чтобы осень еще задержалась. Раскоп превратится в рыжее болото, и сезон окончится. Следопыты уйдут на Южные острова, остальным предстоит укладка, упаковка, перевозка трофеев на корабль – дела обычные и скучные.

От палаток тянулась разбитая вездеходами дорога, исчезала в кустарнике, снова появлялась узкой светлой полосой на пустыре и окончательно пропадала среди ржавых холмов, из которых, как иглы морского ежа, высывались проржавевшие фермы и балки – остатки домов.

– Ты на раскоп, Така? – спросил Станчо Киров, который сидел на песке перед вездеходом, обложившись запасными частями, инструментами и опутавшись проводами, будто попал в паутину. Киров привез сюда новые модели вездеходов и испытывал их. Машины были очень прогрессивными и остроумными, но часто ломались, за что Станчо ругал их, как непослушных детей, и, разбирая, поражался их зловредности.

– На раскоп, – сказал Такаси.

– Подожди полчаса. Я тебя подброшу.

– Спасибо. Я хочу пройти пешком.

Киров удивился, он был уверен в том, что машины создаются специально для того, чтобы никто не ходил пешком. Хождение, говорил он, возвращает человека к первобытным временам. Не для того человек стал царем природы, чтобы утруждать свои ноги.

С холма Такаси сбежал, высоко поднимая колени. Он взглянул на цепочку генераторов защиты, которые пирамидками высывались из-под земли. Генератор в том секторе, сквозь который пробрался ночью тигр, ничем не отличался от остальных. Следы тигра уже засыпало песком. Когда Такаси пересекал линию защиты, он почувствовал, как по лицу и рукам скользнуло что-то легкое, словно прикосновение шелка. Где-то на пульте защиты мигнул зеленый огонек, регистрируя выход человека из зоны.

Кустарник, начавшийся в ста метрах от холма, был колючим, в нем гнездились злые осы, и он скрывал под собой жилые кварталы, до которых очередь дойдет не скоро. Иногда из кустарника выдувало ветром мелкие предметы: монеты, пули, осколки посуды – подъемный материал, и кто-нибудь из аспирантов обязан был проходить с коробкой вдоль дороги и по пустырю и собирать эту мелочь.

Посреди пустыря была громадная воронка. В дожди ее заливало водой, и она превращалась в круглое озерцо. К концу сухого сезона вода испарялась, но воронку не засыпало пылью, потому что она была ограждена валом земли, на котором росли густые прямые копыя тростника. На дне воронки даже к осени сохранялся слой грязи, в которую зарывались рыбы и моллюски. Такаси пробился сквозь тростник, чтобы посмотреть,

достаточно ли подсохла корка грязи, потому что собирался завтра с Наташей отправиться на охоту.

Охотиться на рыб они намеревались с лопатами, и это было мстью рыбам за то, что они не хотели брать наживку летом, когда воды в озере-воронке было достаточно. Но если корка еще непрочная, то от охоты придется отказаться – грязь была глубокая, метра два-три в середине.

Такаси остановился на земляном валу. Корка грязи была покрыта сеткой радиальных трещин. Кто-то опередил Такаси и уже испытывал ее крепость. Следы шли от края, потом они прерывались в темном пятне жидкой трясины. Грязь была разбрызгана по корке и уже засохла комками. Там было неглубоко, но испытатель наверняка провалился по пояс. Поделом ему, подумал Такаси, потому что идея охоты на спящую рыбу в воронке принадлежала ему, и он объявил об этом во всеуслышание за ужином. Оказывается, в экспедиции нашелся коварный завистник, который решил опередить Такаси с Наташей и крепко поплатился за это. Неудивительно, что он никому не признался.

Дорога привела к центру города. Такаси шел медленно и рассматривал развалины, будто видел их впервые. Он никак не мог привыкнуть к ним. В покореженных фермах и грудах бетона, поросших травой и сглаженных за двести лет пылью, таился первобытный ужас безжалостной и всеобщей смерти. За двести лет обвалились торчавшие когда-то из развалин стены домов с дырами окон, сровнялись с землей воронки, рассеялась смертельная радиация, и планета вроде бы залечила самые глубокие из ран. Выжили кое-какие рыбы в океанах, спрятались, приспособились или изменились некоторые насекомые, животные. Мир планеты был во много раз беднее, чем полагалось бы ему быть, но он существовал, заполнялись экологические ниши, и создавались новые законы взаимозависимости. Эволюция, разгромленная атомной войной, и в осколках своих, подстегнутая вспышкой радиации, пошла дальше. Не было на планете лишь приматов.

Люди здесь перебили друг друга в длительной войне на взаимное уничтожение, которая разрасталась, поглощая все новые районы и континенты, погубила и тех, кто в войне не участвовал, потому что нельзя было дышать воздухом, пить воду и собирать плоды с деревьев.

Где-то в пещерах и на дальних островах некоторое время еще скрывались люди, может, жизнь была отмерена им месяцами или годами. Но одиночки и маленькие группы были обречены на смерть – они были бесплодны и бессильны перед враждебным отравленным миром.

Человек в ходе своей эволюции показал себя самым хитрым, выносливым и конкурентоспособным из всех живых существ, но, как видно, он не смог пережить рукотворной катастрофы, потому что был животным общественным и, когда рухнуло общество, вымер.

Археологи – оптимисты. Они копаются в древних могилах и исследуют следы пожарищ. Они присутствуют при конце жизни – племени, города, человека. Но они почти всегда могут найти ниточку, которая, не оборвавшись, тянется в будущее, и ощущают жестокую целесообразность истории. Здесь же не было продолжения.

Навстречу попался вездеход. Одна из опытных моделей Кирова. Вездеход ковылял на пяти ногах, прижав шестую к брюху. Кирочка Ткаченко, понукавшая машину, обрадовалась, увидев Такаси, потому что он был идеальным собеседником, а именно собеседника ей не хватало.

– Как ты думаешь, Така, – спросила она с высоты, – они посылают эти опытные образцы телег к геофизикам или астрономам? Нет, геофизики им голову бы оторвали. Они сбросили бы в пропасти эти вездеходы. А мы должны терпеть.

– Они правы, Кирочка, – сказал Такаси. – Они знают, что археологи – люди изысканной, интеллигентной профессии и благородное терпение – одно из их очевидных достоинств.

– Ты все знаешь, – сказала Кирочка. – С тобой даже скучно разговаривать. Я не хочу

быть интеллигентным археологом и вернусь в Космофлот. Там все ясно и просто.

– Ты этого не сделаешь, – возразил Такаси и пошел дальше.

Его смущал рыболов, который забрался ночью в грязь и никому не сказал об этом. Он решил на обратном пути поглядеть на его следы. Ведь когда тот браконьер выбрался из грязи, он волок пуды вещественных доказательств. И брызги, комья, лепешки глины должны явственно отмечать его путь до самой палатки.

Впереди показался раскоп. Он мог быть раскопом на любой другой планете, на Земле, наконец, если бы не фон – мертвый лес металла и бетона. На Земле археологам, к счастью, не приходится копать атомный век.

Такаси миновал заборчик, предохраняющий раскоп от пыли и набегов мелкой живности, и уселся на пустой контейнер рядом с транспортером. На минутку выглянуло солнце. Такаси видел, как солнечное пятно скользнуло по барашкам большого озера, протянувшегося между городом и отрогами хребта, и, как в театре, высветило по очереди, все ближе и ближе, железные кости города, потом залило ослепительным сиянием лабиринт раскопа, и люди внизу поднимали голову, глядя, надолго ли солнце, и, увидев лишь маленькое голубое окно в сплошном сизом покрывале туч, возвращались к своим делам.

Такаси разыскал Наташу. Ее раскоп был глубже соседних – она искала истоки города, но культурный слой был сильно перемешан не только позднейшими коммуникациями и подвалами домов, но и линией подземки, в которой прятались и погибли тысячи жителей города. Наташа повязала голову белой косынкой и стояла рядом с автоматом, вынимавшим породу, не доверяя ему, и в любой момент готовая отогнать его в сторону. В руке у нее была кисточка, и Такаси захотелось спуститься вниз и разделить ее радость в тот момент, когда совершится находка. Ведь работа здесь и сложна, и полна неожиданностей тем, что никогда не знаешь, что откроется через пять минут. На Земле открытия всегда остаются в рамках вероятного. А здесь – что вероятно? Что может быть вероятно в инопланетной цивилизации?

Подняв облако пыли, Такаси съехал в раскоп.

– Мы с тобой сегодня уже виделись, – сказала Наташа, не глядя в его сторону.

– Я пришел сфотографировать твою находку, – сказал Такаси.

– Ее еще нет, – сказала Наташа.

– Я подожду, – сказал Такаси.

– Зачем? Тебе нечего делать?

– Человеку всегда есть чего делать, – возразил Такаси.

– Тогда почему ты здесь?

– Я пришел любоваться тобой, – сказал Такаси.

– Бездельник, – сказала Наташа, и ее щеки покраснели. – Почему ты надо мной смеешься?

– Наташа, – сказал Такаси, – я никогда над тобой не смеюсь. Даже когда мне бывает смешно. Ты, как это случается с молодыми девушками, предпочитаешь правде недомолвки. Тебе приятно слышать, что такой красивый, сильный и талантливый мужчина, как я, пришел любоваться тобой. Ты даже покраснела от удовольствия. У тебя даже пальцы покраснели от удовольствия. И в то же время ты делаешь вид, что возмущена.

Тогда Наташа повернулась к нему и подняла кисточку, как меч.

– Слушай, – сказала она, – Такаси-сан. До тех пор пока я не познакомилась с тобой, я была уверена, что японцы – деликатный народ, народ такой древней и изысканной культуры, что воспитанность вошла ему в кровь и плоть. Но ты меня разочаровал.

– Это очень прискорбно, Наташа, – сказал Такаси. – Я не хотел тебя разочаровывать. Ты спутала невоспитанность с правдивостью. Когда я прихожу, чтобы любоваться тобой, я не могу этого скрыть. И если я этого не сделаю, то появится кто-то другой и вскружит тебе голову недомолвками, столь милыми девичьему сердцу.

– Кто угодно! – воскликнула в сердцах Наташа. – Только не юнец с преувеличенными мышцами, который сосет сгущенное молоко, как теленок, и в свободное время поднимает камни.

– Одни собирают марки, – сказал Такаси, – другие бабочек. А третьи изобретают вечный двигатель. Мне интересно поглядеть, что я могу изобрести из себя самого.

– Ты все равно не станешь сильнее лошади, – сказала Наташа. – И я тебя скоро возненавижу.

– Опять недомолвка, – сказал грустно Такаси. – Вместо того чтобы сказать правду...

– Какую правду? – быстро спросила Наташа.

– Что ты меня скоро полюбишь. У тебя нет другого выхода. Я хорош собой, я умен и талантлив. У меня очень добрые старики, которые живут на Хоккайдо и ждут, когда их сын привезет домой прекрасную и послушную жену...

– Уйди!

В этот момент раздался треск, обломки ржавого сосуда вывалились из породы и рассыпались по земле. Автомат, оставленный без присмотра, перестарался.

– Это все ты! – закричала Наташа. – Все ты виноват! Это был такой изумительный сосуд! И зачем ты только сюда пришел, когда тебя никто не звал?

– Извини, – сказал Такаси и, поднявшись на руках, вспрыгнул на стенку раскопа. – Тебе принести клей? – спросил он оттуда.

– Ничего мне не надо.

Такаси пошел по узким перегородам, оставленным между котлованами. Он совсем не был так уверен в себе, как казалось Наташе. Больше того, он был сейчас зол на себя и согласен с Наташей, что более самоуверенного нахала не найти во всей экспедиции.

Над ним повис маленький вездетик. Кирочка Ткаченко выглянула из него, и вездетик накренился.

– Така, – сказала Кирочка, – Станчо дал мне эту машинку, потому что ты вчера обещал Круминьшу слетать к следопытам за искателем. Мне они его не отдадут.

Вездетик опустился на перемычку, и Кирочка протянула руку, чтобы Такаси помог ей выбраться.

– Чем ты красишь волосы? – спросил Такаси. – Где ты нашла столько золота? Тебе их, наверно, тяжело таскать на голове?

– Така, милый, – сказала Кирочка. Она подняла руки, прижимая волосы к голове, чтобы их меньше трепал ветер. – Ты мне этот вопрос задаешь каждые два часа. Тебе не надоело?

– Нет, – ответил Такаси, забираясь в кабину везделета. – Это приятный для тебя вопрос. Вот я его и задаю.

– Така, у тебя плохое настроение, – заметила Кирочка. – Ты поссорился с Наташкой, и она наговорила тебе грубостей. Но вы все равно помирись к вечеру.

– Спасибо, – сказал Такаси и поднял машину.

Ветер усилился и сбивал вездетик с курса. Лабораторным лабиринтом с заблудившимися внутри людьми-мышками уплыл назад раскоп. Вездетел пошел над большим озером, к тому берегу, где следопыты собирались осматривать бомбоубежище. Их палатка была отлично видна с высоты, но Такаси не полетел к ней прямо, а спустился на островок поглядеть, не вышли ли черепахи класть яйца. Островок был покрыт крупным белым песком, летом археологи летали туда купаться, черепаших следов еще не было. Потом Такаси сделал круг над корпусом затонувшего корабля. Он давно собирался, как выпадет свободный день, спуститься к кораблю и найти там судовой журнал с последней записью капитана. Напоследок Такаси прошел на бреющем полете над косяком рыб, идущим в устье реки.

Громоздкий рыжий бородатый человек Гюнтер Янц стоял на берегу и смотрел, как вездетел спускается к палатке.

– Така, – сказал он, – ты страшно любопытен.

– Я не любопытен, а любознателен, – сказал Такаси.

– Круминьш послал тебя к нам за искателем, так как думает, что никто, кроме тебя, не сможет его у нас выманить. Но ты не спешишь. Ты летишь сначала на остров пожить с черепашками, потом долго кружишь над затопленной баржей, и наконец, когда

больше придумать нечего, ты отправляешься к устью реки.

– А ты, Гюнтер, слишком проникателен и логичен, – сказал Такаси. – А вот не догадался, что я шел за косяком рыбы. Если они пошли нереститься, то мы устроим большую охоту.

– Устроим, – согласился Гюнтер, – если разрешит эколог.

– Эколог здесь я, – отозвался от входа в палатку Макс Белый. – И никакого массового убийства я не допущу. Здесь надо питомники устраивать, а не охоту. Это касается и черепах, Така.

– В умеренных дозах, – сказал Такаси. – Мы выступим в роли естественного отбора, потому что Макс соскучился по свежей рыбе.

– Ты за искателем? – спросил Макс. – Он нам самим нужен.

– Поэтому Круминьш меня и послал, – скромно ответил Такаси.

– Нет, – сказал Макс. – Не выйдет.

– Хорошо, – Такаси вздохнул, как человек, вынужденный обращаться к крайним мерам. – Кто на той неделе сидел всю ночь, не думая об усталости и борясь со сном, потому что следопытам надо было срочно к утру размножить какие-то скучные снимки? Кто консервировал, задыхаясь от химикалиев, рассыпавшиеся в прах бумажки? С сегодняшнего дня вы будете заниматься этой неприятной работой сами.

– Хватит, – сказал Макс. – Мы ненавидим шантажистов, но поделаться с ними ничего не можем, потому что шантажисты хитры и безжалостны. Пошли в пещеру, будешь налаживать этот проклятый искатель.

– Следопыты не любят признаваться в слабостях, свойственных обыкновенным людям, – позволил себе съязвить Такаси и направился к палатке.

Когда Такаси вернулся к Круминьшу и отдал ему искатель, приближалось уже время обеда. Такаси хотел еще кое-что сделать в лаборатории, но пошел пешком, – ему хотелось разоблачить ночного рыболова.

На обратном пути в лагерь задержался у воронки. Через пять минут он обнаружил следы человека, выходящие из воронки. Грязь засохла, но она была темнее земли, и следы были видны отчетливо. Такаси перебрался через вал, окружавший воронку, продрался сквозь тростник, измазанный глиной и помятый там, где сквозь него ломился ночной авантюрист, и выбрался на пустырь.

И тут сильно удивился. Следы вели не к лагерю, а поворачивали к городу.

– Чепуха какая-то, – сказал вслух Такаси и пошел дальше.

Следы были маленькие, меньше чем следы Такаси, и, возможно, принадлежали кому-то из девушек. Шли они не ровно, а зигзагами, и расстояние между следами было разным, будто владелец их был пьян или смертельно устал.

Следы обогнули небольшой холм, из которого торчали ржавые зубья, и завернули за бетонный куб, разорванный пополам трещиной.

Такаси ощутил тревожный укол в груди. Что-то неладно. Он передвигался медленно, осторожно, беззвучно ставя подошвы, и прислушиваясь после каждого шага. В поведении человека, который купался в грязи, была явная ненормальность.

Вскоре Такаси потерял след. Видно, за то время, пока человек бесцельно блуждал в развалинах, грязь обсохла.

В обломках города гудел ветер, облака неслись совсем низко над головой и были такими темными, что, наверно, в долине за лагерем бушевал страшный ливень.

И вдруг Такаси увидел впереди рыжее пятно. Он замер. Пятно было неподвижно. Такаси сосчитал до десяти. Никакого оружия у него с собой не было, а там мог оказаться спящий тигр. По цвету пятно было похоже на тигра.

Такаси снял с плеча фотокамеру и сжал ее в кулаке – все-таки какое-то оружие.

Такаси оказался прав. На площадке, ограниченной грудой битого кирпича, лежал тигр,дохлый тигр – неприятного вида зверь размером побольше волка с длинными клыками

и рыжей, в неровных пятнах и полосах шерстью. Макс полагал, что эти тигры были мутантами каких-то одичавших домашних животных. Анатомически они не имели ничего общего с кошками.

Тигр лежал в луже черной запекшейся крови, и над ним жужжали мухи.

Такаси огляделся.

У огрызка каменной стены скорчился маленький, исхудавший человек с иссиня-белым исцарапанным и грязным лицом, увенчанным копной жестких, темных с проседью волос, в разодранной серой куртке и бурых, заляпанных высохшей глиной штанах.

Между человеком и тигром лежал измазанный высохшей кровью кинжал.

Такаси подошел, нагнулся, отвел с лица незнакомца спутанные волосы. Человек дышал, но был в беспамятстве.

Такаси измучился, пока дотащил человека до дороги. Все было бы не так плохо, если бы спасенный не пришел в себя. Этот момент Такаси упустил, потому что тащил человека, перекинув его через плечо. Очнувшись, человек, видно, вообразил, что его тащат в берлогу, чтобы сожрать, и потому не нашел ничего лучше, как вцепиться зубами в шею Такаси.

От неожиданности Такаси сбросил человека, и тот больно грохнулся о камни. Но тут же вскочил и, прихрамывая, бросился наутек. Такаси не сразу последовал за ним. Он провел рукой по шее, ладонь была в крови.

– Эй! – крикнул он вслед человеку. – погоди.

Человек должен был услышать. Он бежал медленно, спотыкался, один раз упал и с трудом поднялся. Наконец, углядев какую-то щель в бетонной плите, он попытался забиться в нее, но щель оказалась слишком узкой.

Такаси подошел к нему. Человек лежал, уткнув лицо в землю. Он опять потерял сознание, и на этот раз, памятуя о его злобном нраве, Такаси взял человека под мышки и потащил к дороге, пятась и спотыкаясь о кирпичи.

Начался дождь. Он шел нерешительно, редкими, крупными каплями, капли утопали в пыли и щелкали по бетону. Спина Такаси была теплой и мокрой от собственной крови. Вот в таком виде его и обнаружил Станчо Киров, который решил погонять по развалинам починенный вездеход.

Вместо того чтобы соскочить с вездехода и помочь, Станчо начал задавать вопросы.

– Это кто такой? – спросил он. – Это не наш.

Такаси осторожно положил человека на землю и сказал:

– Наверно, туземец. Отвезешь нас, потом съездишь к тем развалинам и подберешь мертвого тигра. Кирочка, если не ошибаюсь, умоляла тебя раздобыть ей шкуру.

– Ты убил? – удивился Станчо.

Они вместе положили человека на сиденье вездехода.

– Нет, – сказал Такаси. – Его убил этот витязь.

– Не может быть, – сказал Станчо. – Я бы на тигра с голыми руками не пошел.

– У него был нож.

Станчо завел двигатель, и вездеход поплыл над щебнем и репейниками.

– Все равно бы не пошел, – сказал убежденно Станчо.

– У него не было другого выхода, – сказал Такаси. Помолчал, глядя на человека, распластанного на заднем сиденье, и добавил: – Он и со мной пытался разделаться, как с тигром.

Он предоставил Станчо возможность взглянуть на свою шею.

– Ты с ума сошел, – сказал Станчо, увеличивая скорость. – Непонятно, на чем у тебя голова держится.

– Голова держится на мышцах. У меня их много.

Все еще обедали, и никто не вышел к вездеходу.

– Не спеши, – сказал Такаси, поняв, что Станчо хочет поднять весь лагерь. – Ты лучше загляни внутрь и позови Соломко.

Они положили человека на койку в палатке Соломки, в госпитале, который никому еще, к счастью, не понадобился. Станчо понесся в столовую, а Такаси снял куртку и рубашку. Спина рубашки промокла от крови, шею пощипывало.

– Вы, надеюсь, не ядовиты? – спросил Такаси у человека.

Тот дышал слабо, но ровно.

В палатку ворвалась Соломко. Это была статная женщина с крупным невыразительным лицом, за которым, как за греческой маской, бушевали страсти. Всю жизнь Анита Соломко мечтала стать археологом, но рассудила, что сможет принести больше пользы человечеству, став врачом. С тех пор в течение многих лет разрывалась между любовью и долгом. Разрывалась она и в экспедиции, где ничего трагичнее царапин лечить ей не приходилось и она могла полностью отдаться археологии. Но сознание того, что она как врач никому не приносит пользы, отравляло ее в остальном безоблачное и счастливое существование. И чем безоблачнее была жизнь, тем несчастнее становилась Анита. Но оторви ее сейчас от раскопок и заставь заниматься профилактикой кори на Марсе, она будет чувствовать себя несчастной, потому что вдали от археологии жить не могла. Анита была обречена на вечные муки.

Станчо объяснил ей все по дороге, и она, разумеется, ничего не поняла, потому что и сам Станчо ничего не понял.

– Где больной? – спросила она с порога и, так как ей сначала бросился в глаза окровавленный, обнаженный по пояс Такаси, держащий в руке алую рубашку, сказала ему:

– Я всегда вас предупреждала, Така, что избыток физических упражнений ведет к переоценке своих возможностей. Вот и допрыгались. Признавайтесь, откуда вы упали?

Лицо Соломки было освещено радостным внутренним светом. Ее длительный медицинский простой закончился.

О ужас! – успел подумать Такаси. Она же будет меня лечить недели две!

– У меня царапина, Анита, – поспешил с ответом Такаси. – Поверхностный укус...

– Они убили тигра, – не вовремя вмешался Станчо. – И по-моему, голыми руками.

– Что! – воскликнула Анита и рванулась к медицинскому шкафчику. И тут ее взгляд упал на койку. – Так, – сказала она осуждающе и приковала к месту Станчо суровым взглядом.

В этот момент прибежали Круминьш и Наташа.

И тут человек пришел в себя. Он открыл глаза и тут же зажмурился.

– Убавьте свет, – сказала Соломко. Она сама этого сделать не могла, потому что готовилась к экзекуции над Такаси. Круминьш убавил свет.

Человек вновь открыл глаза и тихо сказал что-то.

Они боялись истерики, попытки убежать, насторожились, а человек говорил. Вдруг замолчал, увидев Наташу.

Путешествие, столь долгое и трудное, закончилось чудесным образом. Он нашел верхних людей.

Он увидел Геру Спел. Изменившуюся, правда, потерявшую голубую бесплотность подземелья, загорелую, смуглую, встревоженную.

Гера Спел сказала ему что-то на непонятном языке верхних людей. Гера смотрела на другого, черноглазого богатыря с могучими руками и такой широкой грудью, что ее не обхватишь руками.

И Крони ощутил печаль. Это было не то чувство, которое настигло его, когда, выбравшись из подземелья и дойдя после целого дня блужданий до Города Наверху, он понял, что города уже нет. Он верил в мираж, в прошлое, погубленное когда-то очень давно. Тогда была не печаль – было горе, был конец пути, было окончательное одиночество. Потом он встретился со страхом. Страх настиг его ночью, когда он, из последних сил бредя по развалинам, разыскивая место, где можно было бы спрятаться и выспаться, попал в грязь и чуть не утонул в ней, когда на него бросился страшный зверь и он лишь чудом успел

дотянуться до выроненного ножа. Был страх, когда чуждо одетый человек потащил его куда-то, и был страх, когда, вырвавшись, он понял, что убежать не в силах.

Но потом он очнулся вновь и понял, что жив и лежит на мягком, и люди, окружившие его, чисты, велики ростом, сильны, и они улыбаются ему, трубарю, потому что они живут там, где есть большой свет и до потолка не добраться, даже если составить все лестницы мира. Значит, люди наверху построили себе другой город и живут среди деревьев.

И тут вошла Гера Спел. Нет, не настоящая Гера Спел, другая, верхняя. Она пришла сюда из-за того мужчины, который принес Крони, и беспокоилась из-за его раны...

А так как никто из присутствовавших не знал Геру Спел и не мог понять мыслей Крони, то все решили, что он устал и ему надо отдохнуть.

Соломко оставила только Станчо Кирова, чтобы он помог ей раздеть, обмыть и уложить пациента как следует, а остальных выгнала. И они покорно ушли, потому что после первого шока наступило время думать. На пустой планете, где уже двести лет назад умер последний человек, обнаружился мужчина, изможденный и слабый, но вполне реальный. Это не укладывалось ни в какие рамки, и этого быть не могло. Тем интереснее было выяснить, почему это случилось.

Крони уже заснул, облепленный пластырем и отмытый до неузнаваемости, заснул между двумя белыми простынями, такими тонкими и нежными на ощупь, что любой директор отдал бы за кусок этой материи половину своих богатств, а в столовой – общей палатке, которая служила заодно и складом, отчаянно спорили археологи и прилетевшие к вечеру следопыты.

Было уже темно, облака улеглись на вершинах гор, и стих ветер, когда они сошлись на рабочей гипотезе: на планете скрываются остатки людей. Их немного, и они влачат жалкое существование где-то в пещерах или в горах. У них нет ни городов, ни крупных поселений – иначе бы их заметили. Гипотеза не объясняла башмаков и куртки человека. Куртка была асбестовой и соткана на станке. Гипотеза не объясняла многого, но лучшей гипотезы не нашлось.

А ночью Гюнтеру Янцу пришлось подвергнуться сложной и неприятной операции, которую провела Анита Соломко. Гюнтеру сделали пункцию мозга – речевого центра и центра памяти. Раньше Аните не приходилось делать такой операции в полевых условиях, и через год, когда отчет о ней будет напечатан в «Вестнике хирургии», появление заметки совпадет с публикацией статьи археолога А. Соломко в «Вопросах космоархеологии», которая называлась «Некоторые закономерности эволюции лощеной керамики в 5 – 8-м слоях Верхнего Города». И это будет счастливый день для Аниты.

Обработанный экстракт мозгового вещества Гюнтера был той же ночью введен Крони, но действие его скажется на третий день.

На третий день Крони проснулся со странным ощущением знания. Он знал что-то, неуловимое с первых мгновений, но реальное и значительное. Он подумал сначала, нежась под прикосновением простыни, что он хорошо выспался. Перестук капель воды по оранжевой крыше означает, что идет дождь, а не лопнула ржавая труба и не протекла изоляция. Может быть, причина заключалась в успокаивающей надежности вещей в Городе Наверху, за исключением, правда, – и тут Крони улыбнулся, – хозяйства Станчо Кирова, который, наверно, с рассветом чинит гравитолет. И память сразу подарила ему образ насупившегося в решении неразрешимой технической задачи загорелого, голубоглазого, наполненного неисчерпаемым доброжелательством Станчо.

В госпитальный отсек заглянула Анита Соломко и сказала:

– Доброе утро, Крони.

– Здравствуйте, Анита, – сказал Крони. – Пора вставать?

У Аниты было гладкое лицо, которому чужды были сильные эмоции. Потому Крони не уловил ликования, овладевшего Анитой при звуке его голоса.

– Можете понежиться, Крони, – сказала Анита. – Но завтракать будете в столовой. Как

желудок, не беспокоит?

– Нет, – Крони покраснел, потому что такие вопросы женщина не должна задавать мужчине.

– Ничего удивительного, – сказала Анита. – Такая резкая перемена диеты не может пройти безболезненно.

И Анита поспешила наружу, где ходил, мучаясь головной болью, Гюнтер, заранее решивший, что ничего не вышло и все его мучения оказались напрасными. Анита выдержала паузу. Нет, не преднамеренно. Просто перед тем как обратиться к Гюнтеру, она попыталась подавить в себе тягучее чувство нежности к этому грузному, не очень молодому человеку. Анита сосчитала до двадцати и сказала:

– Гюнтер.

Голос дрогнул, и получилось не так просто, по-товарищески, как ей хотелось сказать.

– Спит? – спросил Гюнтер, стараясь не двигать головой, чтобы не вызвать приступа боли.

– Он проснулся. Говорит, что желудок его больше не беспокоит.

– Да? – сказал Гюнтер. – Я пойду тогда завтракать.

– Выпей сначала вот это. От головной боли.

Гюнтер протянул ладонь, тронутый догадливостью Соломко.

Крони спрыгнул с койки и поднял руки, чтобы поглубже вдохнуть. Ему нравилось, как пахнет здесь воздух. И на улице, и даже в палатке. Легкие запахи лекарств, жившие в воздухе, лишь подчеркивали его свежесть.

Крони отодвинул шторку умывальника и включил воду похолодней. Почистил зубы и причесался. Надо бы постричься, как Такаси. Потом вернулся в комнату и, перед тем как одеться, застелил койку. Он подошел к столику и нашел там записку: «Для Крони. По таблетке три раза в день». Проглотил таблетку не запивая. И тут ноги его стали слабыми, и он опустился на койку, сжимая в руке записку.

Он зажмурился, ударил ребром ладони по ноге. Снова прочел: «Для Крони. По таблетке три раза в день».

Крони не умел читать. Ни на каком языке. Ни на своем, ни на верхнем.

Он появился здесь два дня назад. И все попытки общения за прошедшие два дня ограничились примитивными действиями. Он бил себя в грудь и говорил: «Крони». Такаси бил себя в грудь и говорил: «Такаси». И оба смеялись и повторяли эти имена, потому что имена уже обещали на будущее какой-то сдвиг в отчаянном и обидном непонимании.

– Гера? – спрашивал Крони и показывал на Наташу.

– Наташа, – отвечал Такаси.

Круминьш обводил руками город и спрашивал что-то. Крони показывал в сторону леса, к пещерам. Потом Крони обводил руками вокруг, и Круминьш показывал на потолок, по которому крутилось, показываясь порой из-за сизых пятен, освещающая землю, текучее Озеро Легкой Лавы.

Какой потолок? – подумал Крони с легким чувством снисхождения к себе, вчерашнему. Потолок бывает в пещерах. А над палатками – небо, бесконечное небо, по которому плывут облака и которое тянется в звездный мир, приславший сюда археологов, потому что на планете никого нет в живых.

Информация, перешедшая к Крони и принадлежавшая ранее Гюнтеру, не подавляла то, что было известно Крони ранее, она добавилась к его знаниям и опыту, и убежденность мозга в том, что новые знания и язык, которым он владеет, свойственны ему искони, помешали Крони осознать свое перерождение сразу. Он говорил с Анитой, не чувствуя, что говорит на чужом языке, он прочел записку и послушно выпил таблетку, не поняв сначала, что не умеет читать. Он рассуждал о характере Станчо, забыв, что до той минуты не выделял Станчо из других членов экспедиции и это звуко сочетание ничего ему не говорило.

Надо идти завтракать. А то они будут волноваться. Крони натянул еще вчера ушитый Кирочкой комбинезон и сунул записку в карман. Ему жаль было расставаться со

свидетельством причастности к миру, перед которым бессильны и Мокрица, и все директора, и, как его звали? – квартальный Ратни, грязная жаба с лицом голодного паука.

Он вошел в столовую и сразу догадался, что они уже обо всем знают.

– Доброе утро, – сказал он. – Куда садиться?

– На свое место, – ответил Круминьш, не поднимая глаз от тарелки, потому что ему хотелось смеяться.

– Макароны будешь? – спросил Петерсон, обладавший удивительным свойством переходить на «ты» на второй час знакомства.

– Буду, – сказал Крони.

– Как спалось? – спросил Такаси.

– Хорошо, спасибо.

Петерсон подвинул к Крони тарелку с макаронами, молоко, сок.

– Можно подумать, что я именинник, – сказал Крони. – Все молчат и слушают.

Он резко подвинул к себе стакан с соком, сок выплеснулся из стакана и брызнул на брюки.

– Доннерветтер! – вырвалось у Крони.

И хохот, как наводнение, захлестнул столовую.

И когда стало потише, Анита сказала рассудительно:

– Гюнтер переборщил со словарным запасом.

– Надо было лучше фильтровать, – сказал Станчо.

– Правильно, – согласился Такаси. – Умоляю тебя, Крони, не произноси слов, которые тебе приходят в голову в моменты стресса. Родители не обращали должного внимания на воспитание Гюнтера.

– Не обижай моих родителей, – сказал Гюнтер почти серьезно. – Они пытались сделать все, что могли, и даже послали меня в школу.

– Наташа, – сказал Крони, – передай мне, пожалуйста, соль.

– Почему вы так смотрели на меня? – спросила Наташа, когда они после завтрака вышли из палатки. – Как будто вы со мной знакомы.

– Я знаю одну девушку, там, у нас. Она очень на вас похожа.

– Она вам нравится?

– Она не может мне нравиться. Она чистая, а я – вонючий трубарь.

– Кто?

– Трубарь, который чинит трубы в туннелях.

– Крони, – сказал Круминьш. – Если вы готовы к разговору, мы вас ждем.

Крони кивнул.

– Я тоже останусь, – сказала Наташа.

– Неволить никого не буду, – сказал Круминьш. – Только подумайте, что работать нам осталось несколько дней. А может, и того меньше. Зарядят дожди, и все. Я сам постараюсь успеть на раскоп.

Все выслушали его, не возражая, как упрямые школьники, давно решившие уйти в кино со скучного урока. И остались. Уехали только Анита, ценившая каждую минуту археологического счастья, и Петерсон, который вышел на совершенно неповрежденную жилую комнату и не хотел рисковать, откладывая работу на день.

– Вернемся в столовую? – спросил трубарь.

Пресс-конференция выглядела буднично, совсем не так, как положено встречаться представителям столь далеких цивилизаций. Единственная трудность заключалась в том, что Крони не знал, как начать. И потому сказал:

– Я, если позволите, расскажу вам о вонючем труbare, о Чтении и путешествии к Огненной Бездне, о том, что узнал от Спелов и как пошел искать Город Наверху и светлую пещеру с голубым потолком. А потом вы расскажете о том, что мне самому еще неясно...

Гюнтер, Макс Белый и Крони вернулись от входа в подземелье на три часа позже, чем

обещали. Виноват был гравитолет, который сломался, и Станчо пришлось выручать их на обычном вездеходе.

Правда, искатель работал надежно – должно же хоть что-то работать надежно, – и им удалось проследить расположение верхних, покинутых, уровней подземного города.

Когда ехали обратно, Гюнтер говорил:

– Нам бы раньше его засечь. Ведь совсем рядом. Пять километров. Но меня смущает другое. Здесь зона активного вулканизма. И выражение «жить как на вулкане» имеет к городу прямое отношение.

Крони молчал. Он понимал, что с каждым часом приближается тот момент, когда он скажет им «до свидания» и протиснется в узкую дыру под скалой, откуда начинается спуск к городу. Он должен был вернуться, а это было так близко к смерти, с которой он был не в ладах и раньше. Теперь же она казалась зловещей гадиной, во снах принимавшей образ ласково говорящего Мокрицы или старухи у квартального бассейна, которой он отдал кусок мыла. Крони начинало казаться, что он не сможет дышать тем воздухом, что его будет рвать, выворачивать наизнанку от тех запахов, и он начинал испытывать недоброжелательность к Гюнтеру, сидевшему за рулем вездехода, за то, что тот поделился с ним своим разумом. Крони было жалко себя. Мозг, накормленный новыми знаниями, протестовал против того, что ему предстояло, и из жалости к себе возникало ощущение одиночества, отстраненности, подобное тому, что может испытывать человек, всходящий на эшафот и не желающий разыскивать в толпе лица избежавших ареста товарищей, единомышленников, потому что они останутся живы.

Город остался справа, они подъезжали к лагерю той же дорогой, которой четыре дня назад брел Крони. Солнце распласталось над лесом и было багровым.

– Завтра будет ветер, – сказал Гюнтер.

– Да, – сказал Макс.

– Мне теперь есть с кем говорить по-немецки, – сказал Гюнтер, подгоняя вездеход к ряду машин, стоявших у большой палатки мастерской. – Мою сентиментальность не выразишь на терра-лингве. Это язык для бездушного Макса.

Крони разыскал Круминьша в лаборатории у Такаси.

– Вилис, – сказал Крони. – Я хочу с вами поговорить.

– Ты будешь говорить здесь? – спросил Круминьш.

Такаси составлял консервант и был похож на мясника в блестящем фартуке и длинных, с раструбами, перчатках.

– Да. У меня нет секретов, – сказал Крони. – Мне надо вернуться в город.

Круминьш молчал. Крони было бы приятнее, если бы он сказал что-нибудь вроде: «Тебе надо отдохнуть, набраться сил, не спеши». Ничего такого Круминьш не сказал. Он смотрел на Крони, чуть склонив голову, всем своим видом изображая внимание.

– Я вернусь в город и скажу людям, что наверху можно жить. Что их проклятый мир не ограничивается каменными стенами и мокрыми туннелями. Я выведу людей наверх, чего бы это мне ни стоило.

Круминьш ответил не сразу. Как будто ждал продолжения. Потом спросил:

– И к кому вы пойдете, Крони?

– К людям. Я скажу...

– Вы, очевидно, имеете более конкретный план, – сказал Круминьш. – Я надеюсь, что вы его имеете.

– Я не задумывался, – сказал Крони, охваченный идиотским чувством ученика, не выучившего урока и стоящего перед доской с непонятными уравнениями, а учитель следит за тобой со снисходительной жалостью. Это было чужое воспоминание, потому что трубарь никогда не ходил в школу.

– Я думал о том, как вам, Крони, действовать в дальнейшем, – сказал Круминьш. – Конечно, вы правы. Надо найти какой-то по возможности безболезненный путь, чтобы вернуть планету вашим людям. Но вы понимаете, что столкнетесь с оппозицией? Есть

инерция, убеждение людей в единственности их мира. Вы попадете в положение сумасшедшего для большинства и опасного человека для тех, кто хочет сохранить власть. Они сделают все, чтобы вас убрать, чтобы стереть саму память о вашем появлении. Со временем они проверят, так ли все обстоит, как вы сказали. Они вышлют разведку наверх, и можно представить, что лет через двадцать-тридцать в подземном городе будет все как прежде, зато на поверхности появятся тайные дома для сильных, сады, в которых они будут держать своих детей, потому что подземный климат плохо отражается на их здоровье. Остальные останутся в неведении, и бунты их будут подавляться. Восстание вообще трудно устроить в мире, разделенном на этажи.

– Но ведь так не может продолжаться вечно, – сказал Такаси. – Так не должно быть. Будет другой Крони... третий.

– Но когда? И в истории Земли бывали периоды, когда миллионы людей находились в условиях никак не лучших, чем жители подземного города.

– Нет, – сказал Крони. – Не может быть. – Но память Гюнтера подсказала – могло.

– Я полагаю, – продолжал Круминьш, – что после того, как первый из директоров побывает наверху, круг посвященных будет непрерывно расширяться. Нельзя допустить, что лишь маленькая кучка людей будет выползать погреться на солнышке. Кто-то должен обслуживать их, строить наземный дом, разводить наземный огород. Об этом узнают стражники, доверенные инженеры, и ваш мир постепенно начнет изменяться. Но пройдет много лет и прольется немало крови, прежде чем подземный город будет окончательно покинут.

Крони слушал его и за сухими словами Круминьша видел туннели, по которым ползут и погибают люди. Он видел умирающего Лемени и крыс, выходящих на улицы.

– Я все равно пойду, – сказал Крони. – Мне, правда, хотелось пожить здесь еще, но я пойду.

Крони попытался улыбнуться, но улыбки не получилось.

– Подожди, – сказал Круминьш. – Мы понимаем тебя, Крони. И пожалуйста, не воображай, что ты отправишься туда сам по себе. Тебе одному не справиться.

– Я пойду с тобой, – сказал Такаси.

Такаси позвал Крони и Наташу в воронку, охотиться на рыбу. «Туда, где ты проваливался», – сказал Такаси. Он выпросил у Станчо высокие сапоги и большой ковш. Крони согласился. Странно, подумал он, Наташа не так уж и похожа на Геру, что прячется в увешанной старыми тряпками норе, которая казалась верхом роскоши бедному трубарю.

Такаси отдал Крони бадью, в которой собирался тащить обратно добычу. Сам взял все остальное. Наташа утонула в высоких сапогах, и идти ей было неудобно.

– Я лучше надену скафандр, – сказала она. – Без шлема.

– Вы наивны, принцесса, – ответил Такаси. – Кто будет отмывать скафандр от грязи? Спроси у Крони, он уже там купался.

– За мной погнался тигр, как только я вылез, – сказал Крони.

– Станчо подарил шкуру Кирочке, – сказал Такаси. – Тебе не жалко?

– Он спросил моего разрешения, – сказал Крони. – Мне не жалко. Мне удивительно, что я одолел тигра.

– Ты хотел бы отнести шкуру Гере? – спросила Наташа.

– Она бы не приняла ничего из рук трубаря, – сказал Крони. – Ты забыла, что она – дочь директора.

– Это мне ни о чем не говорит, – засмеялась Наташа. – Но открою тебе тайну. Мой отец очень важный директор. На Земле. А дедушка очень важный писатель. А родители вот этого японца никогда в жизни не покидали своего городка на Хоккайдо.

– Ну, вы – другое дело, – сказал Крони.

– Наташа, – сказал Такаси, – можно я остаток пути понесу тебя на руках? Я преклоняюсь перед твоей родословной.

– Неси свои лопаты. Большого ты не заслуживаешь, – сказала Наташа. – А мне вашу Геру жалко, – добавила она без всякой связи с предыдущим. – Когда она выйдет, я буду о ней заботиться.

Часа за три они вытащили из грязи трех рыбин, утомились, измазались и уселись отдохнуть на валу, что окружал воронку. Такаси с Наташей все шутили и спорили. Крони улыбался и поддерживал разговор, но порой так углублялся в мысли, что переставал слышать спутников.

Неожиданно из тростников вышло привидение.

Они не заметили, что опустились глубокие синие сумерки и привидение вобрало в себя синь этих сумерек и заглогло его изнутри. Что-то привлекло его к воронке. Может быть, шум и чавканье грязи. И теперь оно остановилось в нерешительности на краю тростников, и казалось, что стебли прорастают сквозь него.

– Ой, – прошептала Наташа.

Крони, уже знакомый с привидениями, удивился ее испугу. Как она могла бояться привидений?

Такаси приподнялся, прикрывая девушку, а Крони шепнул:

– Не пугай его. У нас ничего нет съедобного? Оно голодное.

Привидение увидело людей и скользнуло в тростники. Было видно, как голубым облачком оно растворяется в зарослях.

– Оно голодное, – повторил Крони. – Я думаю, что оно выбралось из подземелья вслед за мной и заблудилось.

– Что это такое? – спросил Такаси.

– Привидение, – сказал Крони. – Когда я искал библиотеку, встретил одно. Привидения понимают человеческий язык. Но они не говорят.

Ночью, когда следопыты, Круминьш и Крони обсуждали план действий на завтра, а Такаси с Анитой проверяли, насколько успешно электронный мозг усвоил язык подземелья, Наташа взяла кусок хлеба и ведро с супом и вынесла на склон холма, за зону защиты.

Утром оказалось, что суп съеден, а хлеб пропал.

Утром все собрались у скалы, под которой был лаз.

Возникла некоторая суета, словно Крони собирался поставить рекорд и его окружали болельщики, тренеры, секунданты и судьи.

– Ты похож на рождественскую елку, – сказал Гюнтер.

Внешне Крони выглядел нормально. Правда, одежду трубара пришлось выкинуть – от нее остались лишь лохмотья. Девушки перешили рабочий костюм археолога так, что издали он мог сойти за одежду инженера. Спереди комбинезон был на «молнии», и достаточно было двух секунд, чтобы извлечь подвешенный под мышкой парализующий бластер – плоский и легкий. На ручке бластера было выгравировано: «Гюнтеру от признательной Греты». Смысл надписи Гюнтер объяснить отказался, но настоял, чтобы Крони взял именно его бластер, а не стандартный экспедиционный. В воротник вшили микрофон, и поэтому любое слово, сказанное Крони или произнесенное в его присутствии, становилось немедленно известным наверху. Телевизионный глаз передатчика помещался над левым верхним карманом комбинезона, а второй, страхующий, на поясе, который сам по себе был чудом изобретательности следопытов. В нем отлично размещались медикаменты, включая достаточное количество дезинфицирующего пластыря, чтобы обклеить Крони с ног до головы, неприкосновенный запас пищи, спрессованной в таблетки и могущей прокормить группу из десяти прожорливых мужчин в течение двух недель. Там же умещался гибкий кинжал и набор инструментов, который мог пригодиться как профессиональному взломщику, так и самодеятельному строителю вездехода. В ухо была вставлена горошина динамика связи, а в карманах лежали всяческие разности вроде очков, позволяющих видеть в полной темноте. Крони был экипирован на славу.

Он был польщен таким вниманием. Хорошо, если знаешь, что друзья слышат каждый

твой вздох, каждое твое слово, а если будет плохо, ты можешь их позвать на помощь.

– Ну, трубарь, – сказал Такаси, – пошли?

Он спускался с Крони на два яруса вниз, где устроили промежуточную базу. Такаси был в скафандре и шлем держал в руке, словно запасную голову. Он должен был выступать в роли резерва.

– Я вас поцелую, – сказала Наташа.

Наташа сначала поцеловала Крони. Она была с ним одного роста, и поцелуй попал в угол губ, и это было странное и острое ощущение. Последними словами Крони, перед тем как он шагнул вниз, были:

– Меня еще никто в жизни не целовал.

Глава 4

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТРУБАРЯ

Госпожа Гера Спел, милостью бога Реда дочь директора Спела, горько плакала. Она плакала, потому что жизнь ее завершалась бессмысленно и мучительно.

Она лежала в постели, было зябко, и она никак не могла решиться скинуть с себя одеяло, сшитое из крысиных шкур. От одеяла дурно пахло, но когда она сказала об этом отцу, тот поморщился, как будто она упомянула о чем-то неприличном, и заметил:

– Тебе мерещатся глупости. Это от болезни.

Господин директор Спел свылся с болезнью и неизбежной скорой смертью дочери. Ее мать тоже кашляла кровью и умерла от этого, и доктор сказал, что медицина не знает никаких средств против этой болезни, которая гнездится в груди и недоступна мазям и примочкам. Директору Спелу было горько сознавать, что дочь его не родила ребенка, что так нелепо и позорно для доброго имени древнего рода Спелов кончилась история с ее женихом, дело которого, состряпанное Мокрицей, не удалось замять. И оно показало всем, что Спел уже не самый сильный человек в городе.

Гера лежала под крысиным одеялом и разглядывала знакомые замысловатые подтеки и трещины на потолке спальни. Гера никак не могла примириться со смертью, и в кошмарах, которые ей теперь снились каждую ночь, она видела, как карабкается по туннелям, потому что впереди должен быть свежий воздух и много света, и Город Наверху. Виноват был тот трубарь. Трубарь Крони. Она почему-то запомнила его имя, хотя никто не запоминает имен трубарей. Он был странный человек, этот Крони, и ей было жалко, что он умер в туннелях.

Надо было вставать и начинать новый бесконечный день. Гера разрывалась между ожиданием, что наступающий день может оказаться последним, и страхом перед бесконечностью этого дня, который надо пережить. Она отсчитывала, задерживала минуты и как-то даже разбила водяные часы, смутно подозревая их в злонамеренности. Но день все равно кончился, и, укладываясь спать и дрожа перед жестокостью ночи, Гера каждый раз испытывала благодарность к собственному телу, одолевшему еще один день.

Она иногда пыталась призвать себе на помощь образ рассудительного и язвительного Лемени, которого она не заметила бы, если бы он был знатным, и не полюбила бы, если бы ему не грозила смерть. Но появление трубаря, который принес железный знак, поставило точку на существовании инженера Лемени. Лемень растворился в прошлом, и хотя Гера могла заставить себя вспомнить черты его лица или манеру говорить, вызвать в памяти Лемени целиком она была уже не в состоянии: потерялись какие-то ниточки-пружинки, объединяющие голос, улыбку, манеру хмуриться, походку человека, которого она любила и из-за которого сказала отцу, что уйдет в Бездну с ним вместе, и отцу пришлось запереть Геру в подвале и поставить у подвала стражу. Тогда у нее и обострилась болезнь.

Гера поднялась. Ей было холодно, и голова закружилась так, что она еле успела сделать шаг к ледяной стене и опереться о нее. Она вынула из стенного шкафа – каменной ниши, обшитой ошметками пластика, – длинное платье. Она выбрала светлое, чтобы не так бросалась в глаза ее бледность. Теперь надо было набраться сил, чтобы причесаться, вымыть

лицо. Все это требовало усилий, но придавало жизни какую-то значимость.

В умывальне было тепло, и руке было приятно дотрагиваться до горячих труб. Раньше у Геры была служанка, старая уже женщина, которая когда-то ходила и за ее матерью. Но служанка умерла как раз в те дни, когда разыгралась история с Леменем. А новой отец братья не стал: все равно дочь скоро умрет и не может быть выдана замуж. Гера, привыкшая соглашаться с неумолимой логикой отца, поняла его и не обижалась, хотя порой ей бывало трудно и хотелось, чтобы рядом кто-то был... Кто-то живой. Оставался брат, непутевый, не верящий никому и не вызывающий доверия. Брат любил ее. Но мог забыть о Гере и не появляться месяц, особенно теперь, когда обстановка была, по его словам, напряженной и офицеры тайной стражи часто оставались в казармах. Но в конце концов он приходил, и тогда Гера старалась делать вид, что ей лучше, и говорила с ним о пустяках – брат боялся говорить о чем-либо еще.

Послышался стук. Кто-то стучал в заднюю дверь, выходящую в переулок. Этой дверью пользовался только брат, но у брата был свой ключ. Может, он потерял ключ? Гера хотела открыть дверь, но вдруг испугалась. Это могли быть бандиты. Хоть отец и говорил, что им не проникнуть на верхние уровни, страх не проходил.

Гера стояла в нерешительности. Она могла подойти к переговорной трубке и вызвать отца или брата. Но какой глупой будет выглядеть она, если окажется, что это всего-навсего Спел.

И потому Гера выбрала третий путь. Она села в кресло и решила подождать, что будет дальше. Решение ничего не делать успокоило. Это было все-таки решение.

Стук прекратился. Гера ждала. Она вдруг поняла, что хочет, чтобы кто-нибудь пришел к ней. Хоть кто-нибудь, хоть бандит. Она уже три дня не видела ни одного человека. И испугавшись, что тот, за дверью, уйдет, она вскочила с кресла и побежала к задней двери. Но не успела добежать.

Как только она переступила порог маленькой гостиной, портьеры, ведущие в переднюю, раскрылись и с другой стороны в гостиную вошел человек.

Человек был ей знаком.

– Здравствуйте, милостивая госпожа, – сказал человек. – Да хранит вас бог Ред.

– Как вы сюда попали?

– Через дверь, – сказал человек, и тогда она поняла, что это – трубарь Крони.

– Ты – трубарь? – спросила она, потому что перемена, происшедшая с ним, была настолько разительна, что разрушала установленный порядок вещей, при котором трубарь всегда остается трубарем.

И дело было не только в том, что Крони был пострижен, изысканно и богато одет и лицо его, в морщинах и складках которого, как ни отмывай, должна оставаться впитавшаяся в кожу грязь и сажа, стало гладким и чистым. Крони был другим человеком, потому что вел себя как другой человек.

– Я трубарь, – сказал Крони. – Ты позволишь мне сесть?

– Садись, – сказала Гера. – Но ты ведь мертв.

– Почему? – удивился Крони, усаживаясь в кресло, правда, не раньше, чем в кресло опустилась Гера. – Я жив.

– Но Спел сказал...

– Спел не верил, что я дойду. А я дошел и вернулся.

– Зачем?

– Чтобы помочь другим и тебе. Мне жалко тебя.

Гера подняла брови. Это было оскорбление. Грязный не может жалеть госпожу, ибо лишен этого чувства.

– Как ты смеешь, – сказала она размеренно, наслаждаясь давно забытым ощущением власти над людьми. – Как ты смеешь испытывать благородное чувство...

– Сейчас вы скажете, Гера, – перебил ее Крони, выставив перед собой ладонь и словно закрываясь от ее слов, – что я – вонючий трубарь. Что вы позовете стражу и пожалуетесь

отцу. Не надо. Вы же видите, что я вернулся оттуда и там, – Крони показал вверх, – никто ни разу не назвал меня вонючим трубарем. И поверьте мне, госпожа, что люди наверху богаче, сильнее и вашего отца, и Мокрицы, и всех директоров, вместе взятых.

– Ты в самом деле был там?

– А откуда у меня все это?

– Ты кого-то ограбил, ты украл все это. Я знаю, ты украл.

Правда была невероятна, и Гера защищалась от нее.

– Послушайте, Гера, – сказал Крони. – Вы же образованная девушка...

– Не тебе судить о моем уме!

Гера испугалась трубаря. Она сама придумала, что он ограбил кого-то, что он убийца, – ведь все трубари лживые, – и теперь Крони на глазах превращался в бандита, черты лица его складывались в злую гримасу, и он грозил ей...

Не выдержав встречи с невероятным, Гера проваливалась в тошнотворное озеро обморока, который не дарит благодатного небытия, а держит между действительностью и беспамятством.

Крони смотрел на нее в растерянности. Он видел, что с девушкой что-то неладно. Такой встречи он не ожидал. Он не подумал, что за тонкой маской знатной госпожи скрывается боль, растерянность и страх смерти, и ложно истолковал ее слова и действия.

Девушка еще смотрела на него, но глаза ее уже не видели трубаря, а замыкались на внутреннем мире кошмаров и неминуемой боли. Кисти ее рук лежали и казались голубыми.

С того момента, как Крони, потеряв терпение, открыл дверь отмычкой и встретил Геру, он был поражен ее видом. И виной тому была не столько болезнь, которая успела многое сделать за прошедшие дни, а то, что образ Геры оторвался от самой девушки и воспоминание смешалось с улыбкой Наташи, родился новый, скорее идеальный образ, которому Гера не соответствовала. Она оказалась и меньше ростом, и худее, и бледнее, чем должна была быть. Одежды ее, показавшиеся трубарю столь роскошными, были ветхи, и застиранные пятна на них были видны даже при том скудном освещении, которое казалось ослепительным неделю назад. И лицо Геры было не голубым, а землистым и не очень чистым – это было лицо подземного жителя. Реальный облик Геры, хоть был неожиданным и горьким, не привел к разочарованию, лишь вызвал жалость и желание прижать ее к груди и успокоить. Он не удержался и сказал об этой жалости вслух, а реакция на его слова была холодной и презрительной. Крони ожидал какой угодно встречи, но не такой. И растерянность, желание спрятаться в раковину показались ему врожденной спесью, к которой не подберешь ключа.

И вдруг Крони понял, что Гере плохо, что она теряет сознание, и когда голова ее упала, запрокинувшись на спинку кресла, и на углах губ показалась розовая пена, он бросился к Гере, опустился перед ней на колени, и рука его замерла в воздухе, потому что надо было что-то срочно предпринять, а Крони забыл о том, что он не один. И неизвестно, сколько бы он стоял на коленях, ощущая, как замерло вокруг время и он как бы подвешен внутри прочной и глухой сферы.

– Крони, – зашекотало в ухе, и трубарю понадобилась секунда или две, прежде чем он понял, чей это голос. – Мы здесь, – сказал Круминьш. – Не бойся, мы все слышим и видим! Я передаю микрофон Аните.

– Крони, милый, – сказала Анита, вздохнула в микрофон, и Крони представил ее широкое, доброе лицо, на котором кружками нарисованы карие зрачки. – Не волнуйся. Как только мы поднимем ее наверх, мы ее вылечим. Я ручаюсь.

– Спасибо, – сказал Крони. И он был благодарен Аните не столько за слова, сколько за то, как они были сказаны.

– А пока, – сказала Анита, – сделай следующее. Гюнтер говорит, что прямо под правой рукой в твоём поясе есть карман. Вынь три красные пилюли и раствори их в воде.

Для того чтобы Гера выпила лекарство, ему пришлось приподнять ее голову. Волосы на затылке были мягкими и теплыми, и голова послушно поднялась.

Гера стискивала зубы, и Крони уговаривал ее шепотом:

– Пей, пожалуйста, пей. Это не горько. Это тебе поможет.

Губы шевельнулись. Гера глотнула и поперхнулась.

– Ну что ты, – сказал Крони. – Не спеши. Это вкусно.

Гера балансировала на неустойчивой планочке, протянутой между забытьем и реальностью. Голос Крони, рука, поддерживающая ее затылок, и вкус напитка сливались в умиротворяющую картину, сродни доброму сну. И когда, выпив напиток и ощущая, как он наполняет ее ласковым теплом, она открыла глаза, то близко, совсем рядом увидела глаза Крони и не испугалась, потому что они были добрыми.

И они замерли оба. Как будто боялись спугнуть это мгновение.

Крони услышал, как в ухе пискнул голос Аниты:

– Теперь ей будет лучше.

Но голос Аниты был чужим, он только мешал сейчас, и Анита поняла и замолчала.

– Что это было? – спросила Гера, не открывая глаз.

– Лекарство, – сказал Крони.

Гера чуть кивнула.

– Гера, – сказал Крони.

– Что?

– Я поднялся наверх, – сказал Крони. – И дошел до города.

Гера молчала. Впервые за много дней ей было тепло.

– Города нет, – сказал Крони. – Город разрушен.

– Я знала. Нам говорил учитель. И отец.

– Города нет. Он разрушен. В самом деле была война. Но главное не в этом. Все остальное, к счастью, ложь.

– Что ложь?

– Ложь то, что наверху такая же пещера, как и здесь, только обширней. На самом деле там нет пещеры. Там поверхность.

– Поверхность?

– Ну как объяснить это тебе? Поверхность – это когда нет потолка.

– А где потолок?

– Потолка вообще нет. Представь себе шар. Сейчас мы с тобой внутри шара. А поверхность – это то, что снаружи.

Гера не стала спорить.

– Как хочешь, – сказала она сонно.

– Дай ей одну желтую пилюлю, – сказала Анита. – Мне не нравится ее голос.

– Что это?

– Проглоти, – Крони протянул Гере пилюлю.

Гера подчинилась.

– Говори, – сказала она.

– Там не осталось людей. Твой учитель прав. Но жить наверху можно.

– Город разрушен, – сказала Гера. – И если выйти туда, заболеешь смертельной болезнью.

– Скорее заболеешь здесь, – возразил Крони. – В норе. Посмотри на себя. Там лес, солнце, ветер, деревья, озера, и эти слова ничего тебе не говорят?

– Почему? – сказала Гера. – Я знаю слово «озеро», и слово «ветер», и слово «лес». И слово «солнце». Эти слова я слышала. Ведь говорят же: яркий, как солнце. И говорят: густой, как лес.

– А что значит – густой, как лес?

– Это значит – очень тесный, – сказала Гера.

– Слова потеряли свое значение. Но у слов память длиннее, чем у людей. Так слушай: солнце – это раскаленный шар, вокруг которого вращается все – и ты, и я, и наш город, и Город Наверху. Лес – это когда рядами стоят деревья. Озеро – это столько воды, что предметы на том берегу еле можно различить. А ветер – это такая масса воздуха, что она

может сбить человека с ног и сорвать крышу с дома. Ветер несет с собой небесный дождь...

И Крони понял, что куда лучше смог бы объяснить это на другом языке. В его родном и на самом деле не хватало слов. А те, что были, изменили свой смысл.

– А кто же дал тебе одежду?

– Люди. Но другие люди. Они прилетели сюда со своей Земли, потому что думали, что здесь никто не живет.

– Они захватили Город Наверху?

Беспокойство, которое прозвучало в голосе Геры, было абстрактным. Она как будто слушала увлекательную сказку, действие которой никак ее не касалось. В ней говорилось о людях, что прилетели откуда-то. Наверно, на крыльях, как летучие мыши. Летучие мыши редки в подземном городе, но у отца в кабинете есть одна, высушенная. Крони побывал в сказке и вернулся, как сказочный герой, переродившийся в Огненной Бездне и ставший прекрасным директором.

– Им не нужен наш город, – сказал Крони. – У них есть свой. Они ищут старые вещи. Потому что им нужно знание. Они хотели узнать, какими мы были и что случилось с нами.

– Им нас жалко?

– Гера, ты не веришь мне?

– Я стараюсь. Продолжай.

– Они готовы нам помочь выйти наружу, жить, как положено людям. Как мы жили когда-то. И они поделятся с нами своими знаниями и помогут. Я верю им.

– А зачем они это сделают? Зачем мы им?

– Потому что они хотят нам помочь.

Порой труднее растолковать очевидное. То, что у самого тебя не вызывает сомнений.

– Но что мы дадим им взамен?

– Ничего, – сказал Крони.

Гера склонила голову с видом умудренной жизнью старухи. Трубарь оставался ребенком. Все простые похожи на детей. Они доверчивы и непостоянны.

– Они ждут, пока я поговорю с тобой и с твоим братом и найду инженера Рази.

– Почему они не пришли сами?

– Потому что сначала должен прийти я. Ведь люди испугаются, если увидят чужих.

– А они страшные?

– Нет, они такие же. Среди них есть девушка, похожая на тебя.

– И как ее зовут?

– Ее зовут Наташа.

– Наташа, – с трудом выговорила слово Гера. – Некрасивое имя.

– Нет, – сказал он. – Очень красивое имя.

Это имя услышал Такаси, сидевший в темном туннеле верхнего яруса, у заваленного лифтового колодца. Он непроизвольно улыбнулся, потому что ему тоже нравилось это имя.

Анита, стоявшая наверху, под импровизированным тентом, тоже улыбнулась, потому что уловила неприязнь в голосе Геры, которую не отметил динамик электронного мозга, тщательно, но без интонаций переводивший диалог трубаря с Герой. А Станчо, чинивший экскаватор, который должен был расширить лаз, но сломался, громко засмеялся и сказал:

– Наташа, меняй имя. Красивое имя Снежана. Тебе нравится?

– Нет, – сказала Наташа, – это тебе нравится.

– Конечно, – сказал Станчо. – Я с ней знаком. Она моя невеста.

– Иди к моему отцу, – сказала наконец Гера. – Он старый человек, и он скажет, что тебе делать.

– Ты не веришь в то, что наверху.

– Я хотела бы верить. Может, ты и прав. Вот переговорная трубка. Вызови отца.

– А ты уверена, что он согласится, чтобы люди вышли наверх?

– Все?

– Конечно, все.

- И те, кто внизу? И шахтеры, и ткачи, и трубари?
- Ну конечно же, им хуже, чем прочим.
- А кто будет работать?
- Мы все будем работать. Наверху.
- Не знаю, – сказала Гера. – Наверно, отец не согласится.
- И я так думаю. И он прикажет меня убить.
- Может быть, – сказала Гера. – Я об этом не подумала.
- И ты будешь вызывать отца?
- Нет, – сказала Гера. – Не буду. Я позову брата.

Телевизионный объектив смотрел вперед, и все наверху видели, как Гера поднялась с кресла, чтобы подойти к спрятанной в стенной нише переговорной трубке.

– Бледная, – сказал о Гере Гюнтер, который был из тех больших, добрых, сентиментальных людей, кто подбирает на улице брошенных щенят и перевязывает крылья птенцам, выпавшим из гнезда.

– Очень далеко зашла болезнь, – сказала Соломко. – Девушку нужно срочно госпитализировать.

– Удивительное сочетание археологии с медициной, – заметил Макс Белый. – Вам повезло, Анита.

– Не шутите, – сказала Анита. – Не время для шуток.

– Для шуток всегда есть время, – не согласился с ней Макс и пошел помочь Станчо запустить экскаватор.

Гера сказала в переговорную трубку:

– Тайная стража? Господина Спела-младшего.

Она ждала, пока ее соединят, чувствовала взгляд Крони и постаралась представить себе поверхность, на которой бушует большой ветер и раскачивается лес, схожий со сталактитами.

– Господин Спел просил сказать, что крайне занят, – послышался голос в трубке.

– Передайте ему, что это важно. Слышите, важно. Его вызывают из дома.

Она прикрыла трубку ладонью и спросила Крони:

– Сказать ему, что у нас гость?

– Не надо, – ответил Крони. – Люди Мокрицы могут подслушать.

– Это ты, Гера? – послышался голос Спела. – Что стряслось?

– Послушай, брат. У меня к тебе срочное и очень важное дело. Ты должен немедленно прийти.

– Ох, – вздохнул брат. – Тебе опять плохо?

– Мне хорошо. Я себя отлично чувствую.

– Гера, я сейчас ухожу на задание. На очень важное задание. У меня нет времени с тобой разговаривать. Я вернусь вечером, и поговорим. Ладно?

Спел старался не ссориться с сестрой.

– Как я зла на тебя, – сказала Гера. – Когда я в последний раз просила, чтобы ты пришел? Вспомни.

– Ну, когда накрыли твоего Леменя. А что, он ожил?

– Спел, приходи немедленно. Немедленно. Забудь обо всем!

– Погоди... – Спел был встревожен.

Гера швырнула трубку и закрыла переговорную нишу.

– Он сейчас придет, – сказала она.

На щеках у нее появились красные пятна, и она кашлянула, будто поперхнулась.

Спел стукнул три раза, и Крони услышал, как лязгнул замок.

Гера пошла встретить брата.

– Что с тобой? – Спел был зол. – Мне Мокрица голову оторвет. Он и так смотрит на меня крысой, с тех пор как мы украли трубаря.

– Проходи, – сказала Гера. – Есть дела поважнее, чем твой Мокрица. Я хочу, чтобы ты встретил нашего общего знакомого.

Спел отмахнулся, не вслушиваясь. Он продолжал, входя за сестрой в гостиную:

– Пойми же, сейчас мы уходим. Мы нашли инженера Рази. Помнишь, того, что с Леменем был? То и есть наш человек...

И в этот момент Спел увидел Крони.

– Ты! – сказал он.

И рука потянулась к поясу.

– Не сходи с ума, – сказала Гера. – Ты сам привел когда-то этого трубаря. Ты сам увел его отсюда. Чего удивляешься? Это же привидение.

– Привидение, – Спел попытался улыбнуться, но ничего из этого не вышло.

– Красавчик, – сказала с осуждением Анита, глядя на лицо Спела, занявшее весь экран телевизора.

Спел приблизился к Крони. На шаг. И остановился.

– Где ты был? – зло спросил он, будто Крони его в чем-то ослушался.

Что произошло? – старался понять Спел. Вдруг весь этот маскарад – дело рук Мокрицы, который решил погубить Спелов? Но одежда была чужой – видно, трубарь все же побывал наверху. Значит, наверху живут люди и все, чему учили Спела раньше, – ложь. А что, если те люди – давние враги города и прислали Крони, чтобы отомстить за прошлое? В любом случае Крони был опасен. А раз так, лучше иметь его в друзьях. Если Крони пришел мстить, он будет сначала мстить Мокрице. Иначе зачем он доверился Гере? И, перебрав все эти варианты, Спел улыбнулся открытой мальчишеской улыбкой.

– Рассказывай, трубарь, – сказал он. – Где был, что видел?

– Я не трубарь. Не называй меня так, – ответил Крони.

В общем, ему было все равно, как его называют. Быть трубарем никак не хуже, чем стражником. По крайней мере, честный кусок каши. Но Спела надо было поставить на место. Он никогда не будет доверять Крони, но пойдет за ним, если почувствует силу. Об этом говорили еще вчера, на совещании в палатке.

– Не сердись, – дружески улыбнулся Спел.

– Тогда слушай, – сказал Крони. – Я был наверху.

Крони был краток. Ему помогают те, кто наверху. Он выведет людей наверх, к солнцу, но он хочет сделать это так, чтобы не было ненужного страха. Нельзя гнать людей наверх как перепуганное стадо. Нужно объяснить людям, нужно обезвредить Мокрицу и тех, кто хочет удержать людей в своей власти.

– А тебе никто не поверит. Я тоже не верю, – сказал Спел.

– Поверишь, – ответил Крони. – Где инженер Рази?

Археологи наверху, сгрудившись под тентом, замерли перед экраном. Дождь молотил по тенту. Станчо прикрыл экскаватор пластиковым чехлом, и тот казался синим неуклюжим зверем, подстерегающим кого-то над черной дырой.

– Мы его поймаем сегодня, – сказал Спел.

– А старик? – спросил Крони.

– Помер.

– Сам?

Спел удивился.

– У Мокрицы сами не умирают. Он этого не любит.

– Это был хороший старик, – сказал Крони. – Он имел убеждения. И не отрекался от них.

– Ага, – согласился Спел равнодушно. – Мы его потом опознали. А Мокрица не поверил, что ты стражника задушил. И сейчас не верит.

– Он прав, – сказал Крони.

– Кто тебя знает? Каждый человек может убить другого. Если нужно. Мокрица думал, что я украл опознавательный знак Лемени. Но я все свалил на тебя. Ты не в обиде?

– Чего же обижаться? Если бы ты не заметил знака, мне бы от Мокрицы не уйти.

Спел подумал, что это справедливо и выгодно ему.

– Ты мне жизнью обязан, – сказал он. – Я твой спаситель.

– Ты обо мне тогда не думал. О себе думал и о сестре. Не хотел, чтобы у Мокрицы оказался в руках человек, который знаком с Леменем.

Гера ходила по комнате, как будто не догадываясь сесть. Она почувствовала возбуждение и бодрость, чего с ней не было давно, и ей хотелось перемен, которые разрушат ее темную нору.

– Ушел твой Рази и, видно, добрался до оружия. Нам одноглазый рассказал.

– Кто?

– У Мокрицы везде есть люди.

– Как зовут одноглазого?

– Откуда мне знать? Мокрица устроил большую облаву в городе. Поднял всю стражу. Всех квартальных.

– И чем кончилась облава?

– Ничем. Мы окружили дом. Все шло по плану. Крысоловка захлопнулась. А в ней пусто. Ни души. Кто-то их предупредил.

Спел находился в странном положении, хотя сам этого не признавал. Борьба с бандитами, чтецами, бунтовщиками была, на его взгляд, справедлива. Жалости к бунтовщикам он не испытывал. Того же, кто руководил этой борьбой, он ненавидел. А рассказывал об этом Крони, который был врагом не только Мокрице, но и Порядку, а значит, и Спелу.

– Дальше, – сказал Крони, как человек, который имеет право спрашивать.

– Мокрица догадался, что ты успел передать инженеру Рази план города Предков. И инженер с его людьми спрятался там. Сегодня мы идем к ним. И Рази от нас не уйдет.

– Ты хочешь, – сказала Гера, становясь перед братом и глядя ему прямо в глаза, – и дальше быть на побегушках у Мокрицы, пока он не решит от тебя отделаться?

– Мне у него неплохо, – буркнул Спел. – Не тронет он меня.

– Как пойдет облава? – спросил Крони.

– С двух сторон. Один отряд спускается через служебные туннели. Второй идет от рудников. Над теплостанцией будет засада, в которую они попадут, когда будут бежать. Больше я ничего не знаю.

– Уже кое-что, – сказал Крони. – И на том спасибо.

– Я должен идти, – сказал Спел. – Вы же не хотите, чтобы Мокрица что-то почуял? И не советую тебе, Крони, идти вниз. Ты их не спасешь. А сам попадешь в ловушку.

– Когда начало облавы?

– Через три часа... теперь уже меньше.

– Счастливого пути, Спел. Не суйся под пули.

– Какие пули?

– Ты забыл, что в городе Предков есть оружие?

– Оружие... Да они и стрелять не умеют.

Спел не хотел показывать, что обеспокоен. Он погладил сестру по плечу и сказал: «Не бойся».

Этот жест вызвал у Крони нечто вроде симпатии к стражнику.

– Что ты будешь делать? – спросила Гера, когда за Спелом хлопнула дверь. – Пойдешь вниз? Даже если я скажу тебе остаться, ты все равно пойдешь вниз?

– Да, – сказал Крони.

– Я бы не хотела, – сказала Гера.

У нее была привычка смотреть людям в глаза, будто она могла читать, что в них написано.

– Я бы хотел, чтобы так смотрели на меня, – сказал Станчо.

– Просто у нее такая манера, – сказала Анита Соломко, которая разливала кофе из

термоса по чашкам. – Она, наверно, очень близорукая, но не догадывается. У них же нет очков.

– Ты не хочешь, чтобы я уходил? – спросил Крони.

– Да. Люди уходят от меня и никогда не возвращаются. Их съедает тьма.

– Я вернусь, – сказал Крони.

Гера остановила его жестом.

– У тебя друзья, – сказала она. – Они сильные. Пусть идут они.

– И что тебе за дело до трубаря? – Крони был не совсем искренен. Ему хотелось, чтобы Гера возразила.

– Не в тебе дело, Крони, – ответила она серьезно. – Ты живой. А вокруг все мертвые. И Лемень был живой. Мертвые остаются и существуют вокруг. А живые умирают и не возвращаются. Когда тебя не было, я привыкла к тому, что и меня скоро не будет. Но ты вернулся и изменил мою жизнь. Мне не хочется умирать и не хочется, чтобы ты исчез в Бездне. Наверно, дело не в тебе, а во мне самой.

– Я вернусь, – повторил Крони.

И они услышали шаги. Твердые, уверенные шаги, которые уже приближались к спальне.

Гера замерла, оцепенела. Прошептала: «Отец».

Крони быстро отступил к двери, нырнул за портьеру и прижался к простенку со стороны прихожей.

– У тебя кто-то был, Гера? – услышал он низкий, уверенный в себе голос директора.

– Доброе утро, отец. Брат заходил ко мне.

– Как ты себя чувствуешь? Тебе лучше?

– Да, отец. Спасибо.

– Странно, что брат приходил к тебе, – сказал господин Спел. – Он не должен был приходить.

– Я его звала.

Отец Геры мерно шагал по ковру, и Крони считал шаги.

– Ты хорошо выглядишь.

Крони непонятно было, осуждает он ее за это или радуется, что дочери лучше. Скорее всего, он просто отмечал этот факт, как отмечал перегоревшую лампу или сломанный лифт. Равнодушно, хоть и с некоторым раздражением, которому не позволял вылиться наружу.

– Отец, зачем ты пришел? Мне стало хуже, и я хочу лечь...

– Ты права. Мне тоже надо спешить. Какие бы ни были размолвки в прошлом, ты – моя дочь и я твой отец. И надеюсь, что могу тебе доверять.

– Я тебе тоже доверяла, но ты предал меня.

– Я бы его не спас, зато погубил бы себя. Когда мы решаем в качестве примера остальным наказывать кого-то, пути назад нет.

И окончательность последних слов ставила точку на прошлом. Господин Спел не намеревался к нему возвращаться.

– Полагаю, что скоро могут произойти неожиданные перемены.

– Я тоже так думаю, – сказала Гера.

– Ты? Тебе что-нибудь сказал брат?

– У меня предчувствие.

– Больных людей иногда посещают оправданные предчувствия, – серьезно сказал господин Спел. – Это свидетельствует о том, что они ближе к богу Реду, чем мы, здоровые.

– Но мое предчувствие говорит о Городе Наверху.

– Что? – отец не понял.

– Оно говорит о том, что пришло время уйти отсюда наверх.

– У тебя начинается бред. Ты же знаешь, что наверху нельзя жить. Мои опасения куда более реальны. Сегодня ранним утром состоялся Совет директоров. Его созвал Мекиль, хотя он не имеет права это делать. На совете он сказал, что внизу возникла опасность для всего

города. Бунтовщики нашли склад с оружием, и в интересах города он потребовал контроля над рудниками, фабриками и станцией, контроля над жизнью всех. Включая директоров. Ты не удивлена?

– Нет, я же знаю Мокрицу.

– Я тоже знаю его, – сказал Спел. – И знаю, что его сказка о бунтовщиках рассчитана на то, чтобы испугать стариков, которых в совете большинство, и изолировать людей энергичных и влиятельных, тех, кто стоит на его пути, – меня, Калгара и некоторых других. И я боюсь. Потому что, если он добьется полной власти, мое будущее под угрозой.

– И ты пришел для того, чтобы рассказать мне об этом?

– И попросить твоей помощи. Есть еще одна вещь, до которой Мокрица хочет добраться.

– Я знаю.

– Тем лучше. Мокрица будет искать наши фамильные драгоценности. Он будет искать их у меня. Но он не знает о нише за твоей кроватью. Сегодня ночью, когда, ты спала, я спрятал туда шкатулку. Я не хотел говорить тебе об этом. Но потом подумал, что придут ищейки Мокрицы и спросят, нет ли укромного места в твоих покоях. И ты, думая, что ниша пуста, покажешь ее. И тогда все погибнет.

Гера почему-то коротко засмеялась.

– Ты чего?

– Я бы им ничего не сказала. Там лежит прядь волос матери. И письмо от Лемени.

– Да? Я не заметил.

– У меня тоже просьба к тебе, отец. Когда я умру, положи эти вещи мне на грудь. Прядь и письмо. Пусть они сгорят вместе со мной.

– Я обещаю, – сказал господин Спел. – Если я не умру раньше.

– Нет, ты не умрешь.

– Я тоже так думаю, – сказал отец, не стараясь быть деликатным.

– Мы еще посмотрим, – подумал вслух Крони.

Он забыл о том, что лишь портьера отделяет его от той комнаты. И услышал грохот, рычание в соседней гостиной, словно дикий зверь бросился в его сторону. Крони отпрянул, прижался к стене.

Портьеры взметнулись, будто под порывом бури, низенький и очень толстый человек возник перед Крони. И удивительно было, что Крони увидел его не сразу, – он смотрел выше, туда, где, по его расчетам, должна была находиться голова человека, обладающего столь высоким титулом и таким глубоким голосом.

– Не стреляй! – Гера бросилась к трубарю, заслоняя его.

– Отойди! Ты всегда была развратницей, а теперь твоя похоть погубит нас всех!

– Господин Спел! – крикнул Крони. – Мне плевать на ваши драгоценности!

Ответом была пуля, пробившая портьеру и разбившая что-то в соседней комнате.

Анита, увидев черный зрачок пистолета, закрыла лицо руками. Остальные молчали. Любое слово, любой звук могли сбить с толку Крони, оказаться для него гибельными.

Но Крони спасла Гера. В тот момент, когда раздался выстрел и господин Спел замер, сам пораженный грохотом старого пистолета, она ударила его по руке, и следующий выстрел пришелся в потолок. Рухнула штукатурка. Белый туман окутал комнату.

Крони бросился на директора. Тугая кисть поддалась под нажимом, и пистолет выпал.

– На помощь! – крикнул Спел и закашлялся от пыли. Он бился, как огромный откормленный ребенок.

– Ударь его! – закричала вдруг Гера высоким, чужим голосом. – Ударь его! Пусть замолчит. Он хочет, чтобы прибежал Мокрица.

Но Крони не мог заставить себя ударить жирный и скользкий шар, который почему-то был отцом этой девушки, и не мог понять, откуда в Гере столь яростная ненависть к господину Спелу. А эта ненависть копилась давно, и в ней Гера не могла признаться даже самой себе. Сейчас она поднялась против отца, потому что он, лишивший ее столько,

хотел убить последнюю ее надежду.

Вдруг господин Спел сдался. Он обвис на руках Крони, будто мешок с чем-то мягким и теплым.

– Плохо мне, – простонал он. – Больно. Сердце болит...

– Не верь ему, Крони, – сказала Гера.

Глаза ее были большими и горячими.

Крони подтащил Спела к дивану в гостиной, тот упал на диван, и его затылок глухо стукнулся о стену.

– Дай воды, – стонал он. – Я умру. Я обязательно умру...

Он очень боялся умереть – самый богатый человек в крысиной норе.

– Лежите спокойно, – сказал Крони и передал пистолет Гере. – Только не вздумай стрелять.

– Отнимите у нее, – молил Спел. – Отнимите. Она меня ненавидит!

– Он убил мою мать, он убил Леменя, он хотел убить тебя, – голос Геры был ровным и глухим.

– Отними, в самом деле натворит чего-нибудь, – услышал Крони голос Круминьша.

– Верни пистолет, – сказал Крони.

И Гера подчинилась. Она протянула пистолет на раскрытой ладони. И как только Крони взял его, ладонь бессильно упала.

– Спасибо, господин, – сказал Спел. – Спасибо.

Может быть, появление Спела было удачей. Возникла возможность поговорить с одним из хозяев подземелья, когда тот напуган Мокрицей.

Крони сел в кресло и положил пистолет на колени.

– Я не причиню вам вреда, – сказал он. – Но должен сказать, что я вам не доверяю.

И вдруг Спел усмехнулся. Поняв, что его не убьют, он сразу ожил.

– Неудивительно, – сказал Спел. – Ваше счастье, что я давно не стрелял. Что вы мне можете предложить?

– Новости, – сказал Крони.

– Это самое ценное, что есть в нашем мире. Я вас раньше не видел. Это странно. Вы любовник моей дочери?

– Это не имеет отношения к делу.

– Простите, имеет. От вашего отношения к моей дочери и к семье Спелов в целом зависит очень многое. Например, судьба моих драгоценностей. Я не верю в то, что вы настолько богаты, что можете отвергнуть наши деньги. Но если вы намереваетесь войти в нашу семью...

Спел замер посреди фразы, ожидая реакции собеседника. Потом перевел взгляд на Геру. Гера отвернулась.

– Я пришел сверху, – сказал Крони. – Вам достаточно поглядеть на меня внимательнее, чтобы убедиться в этом.

– Не вижу оснований...

И Спел осекся. Его глаза, уютно устроившиеся на сизых подушках щек, совершили быстрое путешествие по Крони, и это путешествие внесло разброд в мысли господина директора.

– Но наверху жить нельзя! – возразил Спел, ничуть не убежденный словами Крони. – Я не знаю, кому и зачем нужны ваши новости, но они вредные. Человек наверху умирает. Я знаю. Я читал секретные бумаги.

– Когда последний раз кто-нибудь поднимался наверх?

– Разве это важно?

– Да. С тех пор прошло много лет. И наверху можно жить. Куда лучше, чем здесь.

Что ж, третий слушатель, подумал Крони. Я третий раз говорю те же слова. А скольких еще людей мне предстоит убеждать?

– Если даже так, об этом лучше не знать.

Значит, Спел все-таки допускает, что Город Наверху есть. Но какие выводы он сделает?

- Я раньше жил здесь. Иначе как я познакомился с вашей дочерью?
- Может быть. Дочь моя всегда стремилась к знакомствам вне своего круга. Наверно, это наследственное. Ее мать была взята мною снизу. Она была дочерью инженера...

Спел добродушно развел руками. При этом он покосился на Геру и добавил:

- Это, разумеется, к вам не относится.
- Это относится ко мне в полной мере, – возразил Крони. – Раньше я был трубарем.
- Зачем ты ему это говоришь? – вмешалась Гера. – Он не поймет.
- Что же, – сказал Спел, игнорируя слова дочери. – Я был прав в отношении ее. Но должен вам сказать со всей искренностью, что и среди трубарей встречаются приличные люди. Трубарь тоже человек.

Речь Спела текла, как ручеек по гладкому полу. Слова выскакивали свободно, а мыслей за ними не было. Мозг был занят другим. Спел лихорадочно думал, какие выгоды извлечь из того, что узнал.

- Я знаю, что будущее наверху, – перебил его Крони. – И надеюсь, что вы, господин Спел, достаточно разумны, чтобы стать на мою сторону.

- Разумеется, – с готовностью согласился господин Спел. – Если жизнь наверху такова, как вы утверждаете, – а вы действительно тот, за кого себя выдаете, – в будущем можно обсудить вопрос о постепенном переводе части населения в иные условия. Но это непросто. Вам приходилось встречаться с господином Мекилем?

- Послушайте меня, господин Спел. Вы похожи на вашего сына. Страшнее Мокрицы зверя нет. Вы же сами отдали власть Мокрице, чтобы он защитил вас от бунтовщиков. А теперь страшно.

- Я предусмотрителен. Это не раз мне помогало.
- Вы надеетесь перехитрить вашего друга?
- Как только его выдумка с заговором лопнет, он проиграл. Если вас прислал он, можете так ему и сказать.

- Тогда я должен вас огорчить. Заговор существует.
- У бунтовщиков нет оружия.
- У них есть оружие.
- Вы уверены?
- Уверен. Сейчас мы с вами, господин Спел, расстанемся. Я пришел сюда, чтобы показать людям дорогу наверх...

- Вам никто не поверит.
- Уже верит ваша дочь. Уже верите и вы сами. И внизу у меня есть друзья, которые мне поверят быстрее, чем вы. Потому что вам в это верить не хочется. А они верили в это и раньше.

- Но я должен подумать, – сказал Спел. – Я не могу ничего предпринимать, пока не подумаю.

- Я не требую от вас никаких решений.
- Спасибо и на этом. Как вы меня найдете?
- Наверно, через Геру.
- Тогда я могу предложить другой вариант. Как вас зовут?
- Крони.
- Так вот, Крони. Запомните мой личный номер: 888. Если вы скажете его в переговорную трубку, вас соединят со мной. Но учтите, что разговор может подслушивать Мокрица.

Спел поднялся и с некоторой опаской взглянул на пистолет на коленях у Крони.

- Вы не вернете... – спросил он без особой уверенности.
- Нет, – сказал Крони.
- Я и не ждал. Ну что же, до свидания, трубарь. – Спел подмигнул Крони, показывая, что поддерживает его игру.

Спел прошел в спальню дочери, и там его шаги замерли. Крони встал, но Гера прижала палец к губам: слушай.

Послышалось подавленное сопение, шорох. Через минуту раздался щелчок, и Спел в той комнате вздохнул. Шаги возобновились. Они были мягкими, редкими, словно он сначала ступал на носок и каждый раз замирал, прежде чем перенести вес тела на пятку.

– Он утащил свою шкатулку, – шепнула Гера, приблизив губы к уху Крони.

Крони сказал:

– Мне пора идти.

Глава 5

ВОССТАНИЕ В ТЕМНОТЕ

Крони стоял за углом переулочка, ведущего к задней двери в дом Спелов. Улица была хорошо освещена – это был район знати. Мокрица не посмел оставить ее без охраны. Широкоплечий субъект, с серым лицом, серыми волосами и синими губами, лениво вышагивал по той стороне. Может, Мокрица его специально приставил к дому Спелов?

Как только субъект скрылся из глаз, появилась няня с двумя худосочными, коротконогими детишками. Дети были одеты как маленькие солдатики и норовили по очереди подставить няне ножку. Няня привычно перескакивала через преграды, что не вязалось с ее солидным возрастом и седыми волосами, собранными в маленький пучок на затылке.

Крони проводил эту компанию взглядом и уже собрался шагнуть к лифту, как пришлось нырнуть в темноту. По улице спешил разносчик, волоча на горбу бак с чистой водой. Кинув взгляд назад, чтобы убедиться, что никто за ним не следит, Крони пошел вслед за разносчиком, соизмеряя шаги с его шажками. Вода плескала через край и мокрыми звездами темнела на камне мостовой.

Крони старался выглядеть бездельником, но вряд ли его вид был достаточно убедителен. Две богато одетые девушки в модных тяжелых тиарах из аметиста захихикали, увидев его, и о чем-то зашептались, остановившись сзади. Крони не стал оглядываться.

Вот и малый лифт верхних уровней. Крони на ходу нажал кнопку вызова и, пройдя еще несколько метров, остановился. Девушки скрылись за поворотом. Этим лифтом пользовались для хозяйственных надобностей, он останавливался внизу, в складах магазина директора Калгара.

Кабина выплыла снизу и остановилась. Крони небрежно отодвинул решетку в сторону и вошел. Но не успел закрыть дверь.

– Эй, постой! – крикнул кто-то достаточно громко, чтобы не было сомнений в том, что человек в лифте его услышит.

Рука Крони метнулась к кнопке, чтобы закрыть решетку.

– Не спеши, – сказал Круминьш. – Он может сообщить вниз, и ты окажешься в западне.

Крони отодвинулся к задней стене кабины.

– Боялся, что не услышишь, – сказал, вбегая в лифт, стражник в поношенном мундире. – Тебе куда?

Стражник глядел на панель с кнопками. У него была манера человека, привыкшего командовать. Такая манера бывала у стражников нижних кварталов, где господин квартальный – бог, а стражники – карающие ангелы.

– Вниз, – сказал Крони. – В магазин.

– И мне туда же, – сказал стражник, будто своим признанием Крони обрадовал его. Он нажал на кнопку, лифт пополз вниз.

– Ты где служишь? – спросил стражник, обернувшись. Он еще не подозревал дурного. Так спросил, для порядка.

– У господина Калгара, – сказал Крони.

За решеткой следующего уровня белело чье-то лицо.

– Подождет, – сказал стражник весело. – Люблю, когда холуи ждут.
– Но вдруг у его господина срочное дело?
– У господина? – Эта мысль стражника позабавила. – Скоро у этих господ срочных дел не будет. Мы их...

И стражник жестом показал, что случится с господами. Глаза у него были без ресниц, белые и сумасшедшие.

Даже рядовые стражники уже знают, отметил про себя Крони.

– А кто же тогда будет?

– Тебя не касается. – И тут у стражника мелькнуло подозрение. В лифте было темновато – его освещала слабая лампочка на потолке. Полицейский взгляделся в лицо Крони.

– Покажи знак, – сказал он, ткнув кривым пальцем в грудь Крони.

– Зачем вам, господин стражник? – спросил Крони удивленно. – Я ничего плохого не делаю.

– Знак.

Ладонь повернулась горизонтально, ожидая. Вторая рука стражника потянулась к поясу.

– Стреляй! – приказал Круминьш.

За решеткой поблескивала каменная стена. Крони сунул руку за «молнию» куртки, выхватил бластер, и стражник замер, оторопело глядя на оружие.

Крони выстрелил. Стражник сразу осел. Крони, не теряя ни секунды, нажал на кнопку, и лифт скрипнул, останавливаясь.

– Он не умрет? – спросил Крони.

– Нет, он временно парализован, не бойся, – сказал Круминьш. – Очнется через полчаса.

Нежданная беда обернулась удачей.

Крони снял со стражника шапку. Труднее было снять куртку. Белая лампочка вызова в лифте мигала уже на трех разных уровнях. Куртка с трудом налезла на комбинезон.

– Скорее, – торопил его Круминьш.

– Сам знаю, – огрызнулся Крони.

Лифт поехал снова.

Крони встал перед решеткой и сурово смотрел на желающих войти внутрь.

– Потом! – повторял он громко. – Подождете.

В углу лифта сидел, уронив голову на грудь, человек в рубаше, и те, кто успевал заметить, понимали, что господин стражник везет арестованного, лучше в лифт не соваться.

Лифт остановился в складе магазина. Крони резко отодвинул в сторону решетку и сказал одному из ожидающих:

– Помоги его вытащить.

Люди испуганно раздались. Пожилой техник с готовностью вбежал в лифт и подхватил бесчувственного стражника. Тащить было тяжело, но больше помощников в толпе не нашлось, а Крони уж тем более помогать технику не стал. Вокруг шептались.

– Сюда, – показал Крони, и техник привалил стражника к стене, рядом с длинным рядом бочек. – А теперь, – Крони поднял руку и указал на открытую дверь лифта, в который никто не смел войти, – теперь сматывайтесь, чтобы я вас не видел.

И через минуту он остался один.

Рядом стояли пустые бочки. Крони заглянул в ближайшую. Бочка была черная, не мытая внутри, и от нее воняло. Крони поднатужился – стражник был тяжел – и перекинул его в бочку. Потом нашел кусок жести и прикрыл бочку сверху.

Крони оправил мундир и широкими шагами направился в торговый зал – большое помещение, уставленное ящиками и коробками. Шла распродажа бракованной ткани, и длинная очередь тянулась через весь зал.

Крони прошел к ближайшему выходу. Местный стражник отдал ему честь, и Крони

чуть ухмыльнулся, возвращая приветствие. Путь к служебному туннелю был открыт...

Ототкнув решетку служебного туннеля, Крони оказался в знакомом полутемном мире коридоров, кабелей и труб, правда, не на своем уровне, а на несколько ярусов выше.

Крысолов был маленький, бледный, какой-то полупрозрачный, похожий на привидение. Он возник перед Крони неожиданно, словно прошел сквозь стену. Через плечо у него висели две убитые крысы, и в руке было короткое копьё с широким лезвием. Он издал поклоном стражнику, спешившему вдоль туннеля, и Крони подумал, что опасности он не представляет, потому что, если его и спросят, не видел ли чего подозрительного, он ответит, что встретил стражника.

— Доброе утро, господин, — сказал охотник, когда Крони поравнялся с ним. Крысы были крупные, седые, хвосты их доставали до пола, и крысоловы неплохо бы зарабатывали, если бы крысиная охота не была монополией господина Штури, директора отдыха и развлечений. Ему сдавали шкурки, и он выдавал процент охотникам — маленькой замкнутой касте, сохранившейся с давних времен, когда знать еще устраивала охоты на крыс, теперь уже с вымершими гончими и десятками загонщиков. Крысоловы знали о туннелях даже больше, чем трубари, и с трубарами были в друзьях — сообщали о поломках и авариях в дальних туннелях, отгоняли крыс, а трубари делились с ними едой. Почему-то у крысоловов всегда не хватало еды.

И только сейчас, проходя мимо крысолова, Крони подумал, а не подкармливают ли они привидений?

— Крысолов, ты не видел здесь бунтовщиков?

— Никак нет, господин, — удивился крысолов, и Крони ему не поверил. — Какие могут быть здесь люди? Никто сюда не ходит. Даже трубари сюда не забираются.

— Врешь ты, крысолов, — сказал Крони. — Палка по тебе плачет.

— Нет, разве я посмел бы? Ни один трубарь сюда не забирается. И даже такой отважный и ловкий трубарь, как Крони.

Крысолов смотрел на Крони преданно и невинно.

— Ты его знаешь? — спросил Крони.

— Я его видел, — сказал охотник. — Как вас, господин стражник. И если бы я не опасался вызвать ваш справедливый гнев, то сказал бы, что он похож на вас.

— Это любопытно, — сказал Крони, потому что ничего лучшего не придумал.

— И еще я бы осмелился сказать, — закончил крысолов, — что у шахты за поворотом сидят в засаде три агента, господин стражник. И вы, без сомнения, будете рады их встретить.

— А если нет?

— Если нет, то господину лучше следовать за мной.

Через пять минут быстрой ходьбы крысолов остановился у стены, раздвинул кабели, и за ними обнаружился закрытый люк. Люк вел в заброшенный вентиляционный колодец, к стене которого были прикреплены скобы.

— Шестой ярус отсюда, господин, — сказал охотник. — Я посоветовал бы вам снять шапку, потому что бунтовщики могут выстрелить без предупреждения. Эти люди совершенно не выносят вида форменной шапки, да поразит их своим гневом справедливый бог Ред.

— Спасибо, — сказал Крони, ставя ногу на первую скобу. Он снял шапку и протянул охотнику: — Возьми, может, пригодится.

— Может быть, — сказал равнодушно охотник и спрятал шапку в мешок. Он подождал, пока голова Крони скроется в колодце, и закрыл люк.

Шестью ярусами ниже Крони обнаружил в стене такой же люк. Люк не открывался. Видно, был закрыт на задвижку. Крони решил постучать в него. Он надеялся, что обогнал стражников.

Крышка люка отозвалась гулко, будто была дном пустого бака.

Крони на всякий случай прижался к стене и положил руку на бластер.

- Кто там? – Голос прозвучал близко и унесся вверх по колодезю.
- Свои, – ответил Крони.
- Свои все здесь, – сказал голос.
- Мне нужен инженер Рази, – сказал Крони.
- А ты кто?
- Трубарь Крони.
- Погоди, спрошу.

Колодезь уходил еще ниже. Надо будет спросить Рази, проверили ли они, где он кончается. Если на теплостанции, по нему могут проникнуть и стражники.

По ту сторону люка возникли голоса. Слов Крони разобрать не смог. Потом крышка распахнулась, и внутрь проник слабый свет переносного фонаря. Крони сразу выключил свой фонарь.

- Выходи, – произнес тот же голос. – Только без шуток. Стрелять буду сразу.

Крони схватился за край люка, подтянулся и спрыгнул в коридор. Переносной фонарь был подвешен за крюк к потолку, и оттого, что свет падал сверху, лица встречавших показались зловещими. Особенно внушительно выглядело это зрелище на телевизионном экране, и Круминьш прикрыл микрофон ладонью, чтобы Крони не услышал, как ахнет Анита. Но Анита не ахнула, только закусил губу.

- Здравствуйте, – сказал Крони. – К вам нелегко добраться.
- А ты добрался? Помог кто-нибудь?

Спрашивал приземистый горбун с черным лицом шахтера. В руке у него был широкий тесак, глаз не видно – тень от бровей падала на скулы.

- Помогли. Ну, води меня к инженеру Рази. У меня важные сведения.

Вместо ответа горбун двумя пальцами попробовал материал на куртке и сказал укоризненно:

- Чего ж не переоделся?
- Она мне больше не пригодится, – сказал Крони и начал снимать мундир. – Возьми себе. Это я на время надел, чтобы пройти легче.
- Чистый ты, гладкий, – горбун как будто жалел Крони.
- Где инженер Рази? Мне некогда.
- Ах, он спешит, – горбун обратился к напарнику, тонкому высокому юноше.
- Кричал он громко. Наверно, и вправду спешит, – сказал юноша, который оказался обладателем гулкого голоса. Голос не помещался в его тонком горле, и, говоря, юноша запрокидывал голову.

– Не спеши, друг, – посоветовал шахтер. – Попался, молчи. Я очень таких, как ты, не люблю. Гладких. Что, заблудился, от своих оторвался?

В глубине туннеля загорелся огонек. Он покачивался, приближаясь. К ним кто-то шел. Крони сделал еще одну попытку убедить горбуна.

- Я же трубарь – сказал он. – Всю жизнь трубарил.

Горбун сплюнул, слов у него не нашлось.

Крони не мог разглядеть лица того, кто подошел, – луч фонаря светил в глаза.

– Что происходит? – спросил вновь пришедший. Голос у него был чуть надтреснутый и высокий.

- Поймали одного, – сказал горбун.
- Мне нужно к инженеру Рази, – сказал Крони. – Срочно. У меня важные сведения.
- Можешь передать сведения мне.
- Нет, только ему. Сведения особой важности.
- Инженера Рази у нас нет, – сказал тогда человек с фонарем.
- Неправда, – сказал Крони. – Если вы мне не доверяете, то передайте ему, что пришел трубарь Крони. Он меня знает. Я подожду.
- Он такой же трубарь, как я Мокрица, – сказал горбун. – Не верь ему, техник Джинь. Он мундир забыл снять.

– Подожди, – остановил его человек с фонарем. – Ты говоришь, тебя зовут Крони? А откуда ты знаешь инженера Рази?

– Я был на его Чтении.

– Та-ак, – сказал человек с фонарем, не выпуская глаз Крони из луча света. – А известно тебе, что группу инженера целиком поймали? Только сам инженер ушел.

– Известно, – сказал Крони. – Я там был. И меня взяли. Только я потом ушел.

– От Мокрицы ушел?

– Да что ты его слушаешь, техник! – возмутился горбун. – Он сейчас тебе скажет, что летать умеет или сквозь стенки проходить.

– Некогда инженеру заниматься с лазутчиками, – отрезал техник. – Заприте его.

Луч фонаря отпустил глаза Крони, и перед глазами пошли радужные круги. Техник уходил.

– Погодите! – закричал вслед Крони. – Будет поздно! Через час начнется общая облава!

– Что? – Луч фонаря вернулся, на расстоянии отыскал лицо Крони. – Что? Ты откуда это знаешь?

– Мои сведения верные. Вызывайте Рази!

– Он нас запугивать пришел! – озлился, возвращаясь, техник. – Я-то думал, что ты отсидишься в камере, сыскная сволочь! Бросьте его в шахту! Только сначала свяжите ему руки, как он просил, чтобы за скобы не уцепился!

Лицо техника приблизилось, и единственный глаз, обрамленный прядями прямых черных волос, горел гневно.

Крони осекся. Дальше говорить не имело смысла.

Он попытался выхватить из-под куртки бластер, но горбун оказался проворнее. Он повис на локтях Крони, а юноша выхватил оружие из схваченных в тиски рук.

– Он еще и вооружен, – сказал с облегчением юноша, словно до этого его мучили сомнения.

Крони набрал воздуха в легкие и отчаянно закричал:

– Ра-а-зи!! Ра-а-а-зи!

– Заткни ему рот! – Одноглазый бросился на Крони.

Эхо перекатывалось по подземным туннелям: «Ра-а-зи...»

Они навалились на Крони втроем и, к счастью, совсем забыли о бластере. К тому же они были очень злы на Крони, дали выход своему возмущению и оттого мешали друг другу, путались в руках и ногах, пыхтели, ругались, рычали, и Крони не только успешно оборонялся, но и умудрился крикнуть еще раз.

Шагов он не услышал, но крик: «Прекратить!» услышали все.

Груда тел распалась, и Крони поднялся последним, придерживая оторванный рукав и пытаясь на ощупь понять, осталось ли что-либо в целости в поясе.

В ухе Крони послышался глубокий вздох. Он попытался угадать, кто же наверху перевел дух. Но лишь улыбнулся.

– Он улыбается, – осуждающе сказал басом тонкий юноша, у которого из носа текла кровь.

– Что здесь происходит? – спросил инженер Рази. За его спиной стояло несколько человек, грязных и всклокоченных. Видно, эти люди только что таскали камни. У некоторых в руках остались ломы.

– Лазутчика поймали. Техник Джинь велел его в шахту кинуть, а он не хочет, – доложил горбун.

Техник Джинь держался за грудь и пытался вдохнуть поглубже.

– Где лазутчик?

Рази близоруко оглянулся и только сейчас увидел Крони.

– Ты? – спросил он.

– Я. Меня не хотели пускать к тебе, инженер.

– Я рад, что ты пришел, – сказал инженер. – Я не думал, что ты остался жив.

– Инженер, мне нужно срочно с тобой поговорить. Один на один.
Юноша сказал инженеру:
– Он был вооружен.
– Пойдем ко мне, – сказал Рази. Он взял у юноши бластер и передал трубарю.
– Я бы на твоём месте не доверял ему, – обрел наконец дыхание одноглазый. – Откуда он узнал об этом пути?
– Я встретил крысолова, – сказал Крони. – И он показал куда идти.
– Откуда тебя знает крысолов?
– Когда я был трубарем, он видел меня.
– И все-таки лучше бросить его в шахту, – сказал горбун. – Никакой он не трубарь.
Инженер Рази занимал одну из комнат в коридоре, где когда-то Крони нашел книгу с планами подземелий. Рази прошел первым, сел за стол. Сказал:
– Сначала я должен поблагодарить тебя, трубарь, за книгу планов и пистолет. Я уж не говорю об остальном.
В комнату набилось человек двадцать.
– Ты давно оттуда? – спросил кто-то.
– Часа полтора как начал спускаться.
– А мы уже четвертый день, – сказал человек с узким лицом, на котором было мало места для двух глаз и потому переносица казалась толщиной с бумажный лист.
– Мой заместитель, – сказал инженер. – Сапожник Лоди.
– Очень рад, – сказал Лоди. – Мне Рази говорил о тебе. Мы делали завалы, чтобы обороняться, когда придет полиция.
– Я предлагаю всем вернуться к своим делам, – сказал Рази. – Останемся мы – Лоди, Джинь и я.
– Теперь будешь говорить? – спросил Рази, когда остальные нехотя покинули комнату.
– В твоём отряде есть чужие уши, – сказал Крони. – Я буду говорить только с тобой. А ты – с кем сочтешь нужным.
– У нас нет агентов Мокрицы, – возмутился одноглазый Джинь. – Это тебя подослали.
– Мое дело не терпит, – сказал Крони.
– Я тебя с ним не оставлю, – сказал одноглазый.
Крони вынул бластер и положил на стол.
– Это останется у инженера, – сказал он.
– Крони прав, – сказал вдруг Лоди. – Ты нам потом расскажешь, Рази. У нас есть дела. – Он обнял одноглазого за плечи и повел к двери.
– Ну вот мы и вдвоем, Крони, – сказал инженер. – Ты сильно изменился. Где ты был?
– Я расскажу тебе обо всем, но сначала главное. Я знаю точно от молодого Спела, что примерно через час Мокрица начнет облаву. У тебя есть карта этого уровня?
Рази, не говоря ни слова, достал план.
– Я позову Джиня. Он был взрывником в шахте.
– Позови лучше Лоди.
– Почему? – Инженер поднял голову и, близоруко сощурившись, заглянул Крони в глаза.
– В вашем отряде агент Мокрицы. Спел сказал, что он одноглазый.
– Не может быть!
– Я бы тоже хотел ошибиться, инженер. Но лучше не рисковать. И еще: пока я просил провести к тебе, он хотел меня запереть. Но как только я сказал, что Мокрица начинает облаву, он решил меня убить. Можешь спросить у часовых...
– Хорошо, – сказал Рази. – Лучше не рисковать.
Рази выглянул в коридор и позвал Лоди. Потом в двух словах передал ему разговор с трубарем.
Лоди ничем не показал, что взволнован или не верит.
– Я скажу одному из моих мальчишек пристроиться к Джиню, как хвост к крысе. А что

касается облавы, то надо поднять часть людей на уровень выше и зайти сзади. А мы пока будем держаться здесь.

Лоди вышел.

– Мне следует быть там, – сказал Рази.

– погоди. То, что я скажу, важнее. Дай мне десять минут.

Крони уложился в восемь.

Рази ни разу не перебил его, лишь постукивал карандашом по столу. Иногда за дверью топали быстрые шаги, потом протащили что-то тяжелое. Где-то вдали вспыхнули крики, выстрел, и все снова замолкло.

– Ты счастливый человек, Крони, – сказал Рази, когда рассказ трубара подошел к концу. – Я хотел бы побывать на твоём месте.

Лоди распахнул дверь, остановился на пороге:

– Джинь сбежал. Оглушил моего мальчишку и сбежал. Наши побежали за ним по коридору, но боюсь, что поздно.

– Поздно, – согласился Рази. – Он много знает.

– Да, – сказал Лоди. – Он знает, где расставлены наши люди.

– Твой человек с фабрики вернулся?

– Нет еще. Ткачей загнали в цех и заперли там.

– Нас очень мало, – сказал Рази Крони. – И оружия меньше, чем у полиции.

– Зато теперь нам есть куда уходить, – сказал Крони.

– Лоди, – обернулся к своему заместителю инженер. – Крони был в Городе Наверху. Там можно жить. Там есть растения и свежий воздух, вода и свет.

– Я там был, – сказал Крони. – И там остались мои друзья. Они помогут нам, если мы поднимемся наверх.

– А почему они не могут спуститься вниз? Почему они не перебьют полицейских и не освободят нас?

– Они здесь чужие, – сказал Крони. – И они не знают нашего города. Если бы все было как прежде, мы могли бы не спешить. Но теперь поздно. У нас нет времени объяснять.

– Я скажу своим людям, – сказал Лоди. – Им будет легче драться, если они будут знать. Мы сидим здесь пятый день и ждем, когда нас передуют. Потому что нам некуда было уйти.

– Лоди сказал, что направит часть людей наверх, чтобы ударить по стражникам сзади. А что, если всем уйти тем же путем? – спросил Крони.

– Зови всех старших групп сюда, Лоди. Мы посоветуемся.

Но сделать этого не удалось.

Накатываясь из темноты дальних коридоров, заполняя узкие трубы туннелей, рассыпаясь по площадям, загрели выстрелы. Стража пошла на штурм города Предков.

Крони спрятался за низкой баррикадой и старался стрелять по вспышкам выстрелов.

За поворотом слышны были крики. Блики света выплескивались из-за угла, словно из открытой дверцы печи. Там стража устанавливала прожектор. Знакомая Крони растрепанная девчонка подбежала к нему, пригибаясь, чтобы не высываться из-за баррикады.

– Здравствуй, – узнал ее Крони. – Ты тоже сбежала?

– Они решили, что я дурочка, – сказала она с гордостью.

С первых минут боя выяснилось преимущество стражников – они были обучены владеть оружием и знали, как вести себя в облавах. Восставшие стреляли плохо и легко впадали в панику.

Баррикаду в боковом проходе закончить не успели – гряда каменных глыб не доставала до пояса и в ней зияли бреши. Прожектор полосовал по камням, слепя растерянных защитников. Лоди сидел, скорчившись в нише и придерживая левой рукой окровавленную правую.

Он сморщился под светом фонарика Крони.

– Тебя перевязать надо, – сказал Крони.

– Некогда. Да и нечем. Слышишь?

Кто-то заунывно стонал в темноте, словно пел молитву.

– Ты не можешь разбить прожектор?

– Мой бластер не поможет, – сказал Крони. – У вас есть что-нибудь покрупнее?

– Погляди там.

Лоди показал на открытую дверь в комнату. Крони заглянул туда. В комнате было свалено найденное оружие. Стояли ящики с патронами. Горбун возвышался над арсеналом, примеряя по руке тесак.

– А, трубарь, – сказал он, ухмыльнувшись при виде Крони. – Ты такой же трубарь, как я...

– погоди, – сказал Крони. – Лучше помоги мне отыскать что нужно. Сними светильник с полки.

Горбун подчинился.

– Значит, пожалели тебя? – спросил он, приближая светильник к гряде оружия.

– Это я жалею, что не пристрелил твоего техника.

– Ты техника не тронь, – сказал горбун. – Он из моего квартала.

– Сбежал твой техник. Он человек Мокрицы. Крепче светильник держи. Не веришь, спроси у Лоди. Или у инженера.

– Еще неизвестно, кто чей человек, – сказал горбун. – Я техника знаю. Он давно с нами. А ты только пришел. – Горбуну не хотелось верить. Поверить – значило усомниться в собственном умении оценивать людей.

Крони отыскал ружье большого калибра. Оно было заряжено. Может, подойдет.

– Помоги тащить, – приказал Крони.

Горбун подчинился, подхватил ружье за тяжелые сошники.

Прожектор светил в глаза, как солнце. Но здесь никто, кроме Крони, не видел солнца.

Крони выстрелил в самый центр солнца, и оно вспыхнуло еще ярче, разлетаясь осколками по стенам туннеля, и центр его еще несколько мгновений светился красным тускнеющим светом, будто там умирал короткий огненный червь.

Крони стрелял еще и еще. И откуда-то из-за камней появились другие защитники баррикады, – по вспышкам выстрелов понятно было, что их не меньше десяти. Потом стражники перестали стрелять.

Крони оставил тяжелое ружье у баррикады, а сам отполз к Лоди.

– Это ты? – спросил Лоди. – Рука болит. Удивительно, сначала только горячо было, а теперь болит.

– Он потерял много крови, – сказала Анита, увидев на экране выхваченное фонариком из темноты потное и бледное лицо Лоди.

Лоди продолжал:

– Мои люди должны уже давно подняться и зайти сзади. Если с ними что-то случилось, нам не выбраться отсюда. Стражники прижимают нас к засаде. Тут мы еще держимся, но от Рази прибегал человек, говорит, что им приходится отходить.

– Тогда я потащу ружье туда, – сказал Крони. – Может, оно там нужнее?

– Подожди немного. У инженера больше людей. И у него шахтеры, они лучше обращаются с оружием. Где наши?

В туннеле было тихо. Только трудно дышать от дыма и пыли. Кто-то надрывно кашлял в темноте.

– Не нравится мне эта тишина, – сказал Круминьш. – Погляди, Крони.

Крони понял, что неприятное предчувствие, владевшее им, беспокоило и Круминьша.

Крони пригнулся за баррикадой, отставил на вытянутую руку фонарь и зажег его. Луч фонаря был яркий и почти не рассеивался.

Круминьш был прав. Совсем рядом – можно разглядеть оскаленные в напряжении зубы – луч натолкнулся на лицо стражника.

– Стреляйте! – закричал Крони. – Стреляйте!

И попытался нашарить на земле тяжелое ружье. Но не нашел. А пока вытаскивал бластер, стражники уже достигли баррикады.

Потом была свалка, выстрелы. Тяжелое тело навалилось, душа, Крони отбивался, успел раз выстрелить из бластера и вырвался из цепких рук, но забыл, где же его фонарь, оказался бессилен и прижался к стене, стараясь сообразить, где свои, а где чужие, но по хрипу, крикам и ударам ничего нельзя было понять.

– Крони! – окликнул его Круминыш. – Очки!

– Какие очки?

– У тебя есть очки, через которые ты можешь видеть в темноте. Они в поясе. Если ты не потерял их.

Крони нащупал очки. Кто-то проскочил рядом, грохнулся на пол, взвыл. Очки были целы. Крони натянул их на голову, упругая лента обхватила затылок. Темнота превратилась в сумеречный ад, в котором покачивались тени, из клубка тел вырывался кто-нибудь и падал или бросался обратно, и непонятно было, как люди находят врагов.

Крони поднял бластер. Он не спешил. В темноте стражники потеряли преимущество в числе.

И тут Крони заметил, как на баррикаду взобрались два стражника в высоких касках, волоча небольшой прожектор. Крони выстрелил. Один из стражников упал. Второй не удержал прожектора и рухнул за баррикаду. Грохот перекрыл шум боя.

И в этот момент Крони услышал впереди, за баррикадой, выстрелы. И крик:

– Нас окружили!

Стражники, отбиваясь, отступали к баррикаде. Удивительное дело: ткачи, техники, которые только что готовы были убежать, уже гнали стражников на неровную цепочку фонарей.

...Троих стражников взяли в плен. Их связали и посадили у стены, там, где лежало тело Лоди. Лицо сапожника было рассечено тесаком, один глаз был открыт и смотрел на окружавших его товарищей с укоризной. Горбун, выйдя из толпы, наклонился и закрыл глаз.

Почти все, кто сражался по эту сторону баррикады, были ранены. Крони послал горбуна к Рази, чтобы узнать, как там дела, а остальным приказал проверить и зарядить оружие.

Жива была и встрепанная девчонка.

– Дяденька, – сказала она Крони, вцепившись в рукав. – Можно, я башмаки со стражника сниму?

– Они же тебе велики будут! – удивился Крони, взглянув на ее босые маленькие ноги, никогда еще не знавшие обуви. – Снимай, снимай, – сказал он. Башмаки были для нее символом.

Минут через десять вернулся горбун. Он тяжело дышал.

При звуке его шагов все замерли. Ждали.

– Все в порядке, – сказал горбун, моргая под лучами нескольких фонарей. – Рази зовет трубара Крони. Если ты, конечно, трубарь...

На этот раз горбун широко улыбнулся, показывая редкие черные зубы.

– Останешься за меня, – сказал Крони горбуну. – Не забудь поставить человек пять к баррикаде. И пусть попробуют установить прожектор. Электрики есть?

– Я электрик, – отозвался кто-то из темноты.

– Пусть прожектор светит вдоль туннеля. Они могут снова пойти.

С Крони увязалась девчонка, которая громко шаркала башмаками, чтобы не потерять их.

Рази встретил Крони у двери своего штаба:

– Ты как думаешь, они пойдут снова с твоей стороны?

– Сейчас нет. Мокрица может и не знать, что случилось. Ведь никто из того отряда не ушел. Оружие вам не нужно? У нас много лишнего.

– Нет, оружия хватает. У нас здесь прочные завалы, не то что с той стороны.

– А сверху? Снизу?

– Они пытались. Был взрыв. Но перекрытие – метров пять камня.

Крысолов вышел из стены рядом с ними. Он был так мал и тих, что Рази и Крони не сразу поняли, что он стоит рядом.

– Мы проведем вас, – сказал он. – Туда, где сидит Мокрица. – Ты как здесь очутился?

– Наши пути – древняя тайна, – коротко ответил крысолов. – Я рад, что ты, Крони, дошел благополучно.

– Спасибо за доброе пожелание, – сказал Крони. – Сколько мне взять людей?

– Возьми тех, кто защищал завал, – сказал Рази.

Крони и Рази положили друг другу руки на плечи, прощаясь.

– Если не выйдет, – сказал Рази, – выводите людей наверх.

Крони вернулся к своей баррикаде. За ним шел маленький крысолов. Девчонка топала сзади.

– Ты возьмешь меня с собой? – спросила она Крони.

– Нет, – сказал Крони. – У тебя башмаки очень стучат. А нам надо идти тихо.

Крони отобрал шестерых, с ним напросился и горбун.

Они стояли под лучом прожектора, освещающим туннель на сотню шагов.

– Я хочу сказать вам, – начал он, – что я был наверху. Там много места, там хороший воздух и хорошая вода. Там светло...

Крысолов провел их тайным ходом, мимо черных ниш, где поблескивали зеленые светлячки, сквозь белый сталактитовый лес. Потом они оказались в освещенном служебном туннеле, где был штаб стражников.

Поступки определяются прошлым опытом, и хоть Мокрица ощущал некоторое внутреннее беспокойство оттого, что бунтовщики добыли оружие, он не допускал и мысли о поражении. Наоборот, все складывалось удачно. Мекиль давно считал, что пора разделаться со старыми сморчками в Совете директоров. А для этого их сначала надо было припугнуть так, чтобы они сами умоляли его взять власть. Вот они и перепугались.

У Мокрицы было отличное чутье, подобное чутью крысы, знающей заранее, что в туннель прорвется вода или лава. Только что он сидел спокойно, закрыв глаза и запрокинув голову, вычисляя свои последующие шаги, и вот он на ногах...

Неладно. Что-то неладно.

Ничто не предвещало беды. Издали доносились редкие глухие удары – подрывники били ниши для зарядов, чтобы проломить потолок над городом Предков, капала вода из трещины в потолке, в передней комнате Спел о чем-то спорил с дежурным офицером.

Мокрица быстро прошел к двери, выглянул в щель. Все тихо.

Но хотелось бежать. Мокрица распахнул дверь и в ответ на взгляды офицеров сказал:

– Дойду до подрывников. Что-то они тянут. Надо поторапливаться.

В коридоре стоял одноглазый Джинь. Он уже раздобыл защитный шлем с фонарем.

– Джинь, – сказал ему Мокрица, – спустись к вспомогательному отряду. Что-то давно нет от них вестей.

– Слушаюсь, господин Мекиль.

Мокрица не стал ждать, пока Джинь скроется в глубине коридора. Он поспешил в боковой ход, ведущий к подрывникам.

И Крони с его отрядом опоздал на какие-то пять минут.

– Здесь, – сказал крысолов.

Крони жестом остановил остальных. Распахнул дверь и вошел в штаб Мекиля.

Стражник в углу, бубнивший что-то в переговорную трубку, лишь взглянул на него и отвернулся. Спел и второй офицер, колдовавшие над планом подземелья, увидели Крони не сразу.

– Где Мокрица? – спросил Крони.

– Вышел, – ответил Спел, прежде чем догадался, что никто не смеет назвать директора

обидным прозвищем. – Крони?

Второй офицер старался вытащить пистолет.

– Не надо этого делать, – сказал Крони. – Нас больше. Кто-нибудь, возьмите у них оружие.

Горбун подошел к офицерам, и те безропотно передали ему пистолеты. Спел обернулся к Крони.

– Послушай, трубарь, – сказал он.

– Он такой же трубарь, как ты, красавчик, – сказал горбун.

– Господин Крони, – сказал Спел. Ему было тяжело перенести такое унижение. – Крони, я тебя умоляю, именем сестры умоляю. Не отбирай мой пистолет. Это пистолет моего деда. Я не могу без него.

– А я не могу тебе его оставить, – сказал Крони и смутился, потому что его голос звучал виновато. – Нельзя. Ты стражник.

– Лучше убейте меня.

– Нельзя, – отрезал Крони.

Его слушали все, кто находился в комнате и стоял в коридоре.

Горбун тем временем заглянул в заднюю комнату.

– Сбежал, – сказал он.

– Куда пошел Мокрица? – спросил Крони у офицера.

– Сказал, что к подрывникам.

– Кто проведет нас туда?

– Я, – неожиданно сказал стражник, сидевший у переговорной трубки.

– Оставь мне двух-трех человек, – сказал Крони горбуну, – и беги к подрывникам. Их много?

– Нет, – стражник был рад, что его не убьют. – Там только трое полицейских, а остальные техники с шахты.

– Офицеров отведите в комнату Мокрицы. Там нет запасного хода?

– Там нет хода, – сказал крысолов, стоявший за спиной Крони.

– Крони, я умоляю тебя. Два слова, – сказал Спел.

Второй офицер беспрекословно прошел в заднюю комнату.

– Крони, я хочу говорить с тобой один на один. Ты же знаешь, как много мы с Герой сделали для тебя. Без моей помощи ты бы давно был мертв. Я тебе не враг.

Крони не считал его врагом. Спел был чем-то вроде родственника, если, конечно, трубарь имеет право смотреть так на директорского сына. Спел был младшим братом, глупым и неверным...

– Я рад бы, – сказал Крони. Он был искренен. – Но оружия оставить тебе не могу. И не верю тебе. Если мы не победим, ты вернешься к Мокрице. Ты всегда будешь с тем, кто сильнее.

– Ты отказываешься от друга, – сказал Спел. – И от победы. И ты обрекаешь на смерть нас обоих.

Спел резко повернулся и четко, как на параде, поднимая колени, направился к задней двери.

Мальчишка, подумал Крони. Он играет в войну.

Тон Спела встревожил Макса Белого.

– О чем он говорил?

Крони повторил слова Спела.

– Может, это не пустая угроза, – сказал Белый Круминьшу.

Круминьш пожал плечами.

Мокрица успел убежать от горбуна и его людей. Его, как тревожный звонок, гнал страх, предчувствие беды, непонятной, неожиданной, таящейся в темных закоулках коридоров.

Мокрица провел у подрывников от силы три-четыре минуты. Работа продвигалась медленнее, чем хотелось бы, и старший техник сказал ему, что взрыв будет минут через двадцать. Здесь было мирно, пыльно, и Мокрица велел торопиться.

Предчувствие гнало его дальше, он поспешил из тупика назад, но не к штабу, а задержался на развилке, размышляя, куда идти. И эта заминка спасла его: он услышал шаги, приглушенные голоса и успел вжаться в нишу – отряд горбуна прошел мимо. Мекиль понял, что, если он сейчас не выстрелит, не поднимет тревоги, подрывники будут захвачены врасплох. Он даже поднял пистолет, прицелился в последнего из бунтовщиков, но не выстрелил. Ему не убежать, когда бунтовщики погонятся за ним. Надо сделать иначе – надо успеть к вспомогательному отряду. И, стараясь не звенеть высокими каблуками о камни, Мекиль свернул налево, туда, куда послал Джиня.

Отряд горбуна и в самом деле застиг подрывников врасплох. Стражники даже не стреляли.

– Мекиль только что был, – сказал один из техников, пока люди горбуна разоружали стражу. – Велел спешить.

– И не сказал, куда побежит?

– Разве у него спросишь?

Горбун связал пленным руки, вооружил техников и повел людей к баррикаде Рази, чтобы напасть на стражников сзади.

А Мокрица брел по туннелю, не смея зажечь фонарь и чувствуя, как опасность подстерегает его. Когда он увидел впереди огонек, то присел у стены и выставил вперед руку с пистолетом.

Огонек приближался медленно, и луч фонаря шарил по стенам, словно владелец фонаря был напуган и не уверен.

– Кто ты? – спросил Мокрица. – Если не ответишь, стреляю!

– Господин Мекиль! – донесся голос. – Это вы, господин Мекиль?

– Я.

Мокрица вышел на середину прохода. Шел Джинь. Нельзя показывать страха. Они все послушны, пока тебя боятся.

– Ну что там?

Мокрица не ждал добрых вестей.

– Их нет.

Джинь как-то обмяк, ослабел.

– Я не думал, что увижу вас, – сказал он. – Я боялся, что вас уже нет.

– Не пори чепуху, – оборвал его Мекиль. – Объясни толком. Они побили бунтовщиков?

– На баррикаде стоит прожектор и светит вдоль туннеля. Не подойти. Я сначала думал, что наши там. Ведь прожектора только у нас. Я пошел по туннелю, а они стали в меня стрелять. Я стал кричать, что я свой, что я от вас. А они стали смеяться и кинули мне вот это. И сказали, чтобы я отнес вам, господин Мекиль. Они оскорбляли и меня и вас, господин Мекиль.

За словами Джиня слышалась мольба: «Разубедите меня, всемогущий господин Мекиль. Этого же не может быть!»

– Дай то, что тебе передали для меня.

Джинь достал из кармана мешочек и протянул Мокрице, рука дрожала. Мешочек был увесистый. Мокрица развязал его, и на ладонь ему высыпалась кучка блестящих опознавательных знаков погибших стражников. Мокрица отшвырнул горсть знаков в сторону, и они дробью простучали по стене туннеля.

– Все ясно, – сказал Мокрица. – Измена. – Он не был уверен, что в самом деле была измена. Но так надо было сказать. – И мы их жестоко покараем.

Слова и, главное, тон успокоили Джиня.

– Так точно, господин Мекиль.

Джинь не задумывался, почему директор в одиночестве разгуливает по темным

туннелям. Наверно, в этом был смысл, недоступный пониманию агента.

Мокрица пошел вместе с Джинем обратно к штабу.

– Они идиоты, – сказал он. – Они проникли с помощью измены в наши ряды и смогли заманить один из наших отрядов. Но вместо того чтобы наступать, они сидят за баррикадой.

Джинь послушно кивнул.

– Они не знают правил войны, – продолжал Мокрица. – Их никто не учил этому. Главное – быстрота, и мы их обгоним.

Важно было предупредить засаду, которая не принимала участия в бою и ждала, когда убегающие бунтовщики попадутся в ловушку. Если Мокрица сумеет вывести стражников оттуда, не все проиграно. А здесь бой кончился. Мокрица не верил в возможность поражения, но, когда оно стало реальным, он мысленно поблагодарил судьбу, спасшую его, и стал планировать снова. Он был человеком действия.

– Джинь, – сказал он тихо, когда голоса затихли вдали. – Если ты сможешь сделать, что я тебя попрошу, то будешь жить на верхнем ярусе и станешь богаче Калгара.

– Слушаюсь, господин Мекиль.

– Возьми этот ключ. У нижнего лифта стоит преданный мне человек. Когда он увидит ключ и услышит от тебя слова: «Посланник бога Реда», он поможет тебе подняться на Главный ярус. Там у входа в лифт ждет инженер. Он тоже знает про ключ. Ты передашь ему, что Мекиль сказал: «Пора». Ясно ли тебе?

– Мне все ясно, господин Мекиль. Я скажу патрулю: «Посланник бога Реда», а инженеру на Главном ярусе скажу: «Пора».

– Беги. И помни, что я караю обманщиков смертью. А преданных мне людей награждаю так, как не сможет наградить Совет директоров.

Джинь повернул обратно и затрусил по коридору.

Мокрица думал о Спеле-младшем. Спел знал о плане. Спел был жив. И Спел был замешан в деле с Крони – сбежавшим трубарем. Сейчас он вернется в штаб и уберет Спела.

Мокрица выключил фонарь, чтобы его не заметили. Бунтовщики могли просочиться и сюда, но Крони с одним из ткачей вышли из-за угла так неожиданно, что Мекиль на секунду ослеп от лучей их фонарей.

– Да это же сам господин главный стражник! – в восторге сказал ткач. – Это же сам Мокрица.

На этот раз инстинкт обманул Мокрицу. Он трижды испытывал судьбу и исчерпал свое счастье.

Мокрицу заперли с офицерами. Оставив охотника у запертой двери, Крони с ткачом побежали к Рази. Крони спешил. Чем скорее Рази узнает о взятии штаба, тем лучше. Хватит защищаться. Пора идти вперед.

Когда Крони добежал до завала, он увидел, что там все кончено. Стражники, попавшие в ловушку, сдались, сбились в кучку посреди зала, а на баррикаде отплясывала лохматая старуха с ружьем в руке и пела старую детскую песенку:

Я не прост, и ты не прост.
Оторвали крысе хвост.

Стражники молчали, даже не огрызались.

– Крони! – закричал инженер Рази. – Мы победили, и это чудесно. Путь вверх открыт для всех.

– У меня новость еще почище, – сказал Крони. – Мы поймали Мокрицу.

– Как?

– Он сам попался. Он хотел убежать, но налетел на нас.

– Мокрицу поймали, – услышал кто-то и повторил громко.

– Слышите, поймали вашего Мокрицу, – сказал горбун пленным. – И раздавим его. Вот так...

– Вернемся туда, – сказал Рази. – Своими глазами хочу убедиться. Переговорное устройство там работает?

– Да.

– Тогда сообщим на электростанцию, чтобы наши ждали. Мы пошлем туда тебя с отрядом. Это важно.

– Я с вами, дяденька, – заявила растрепанная девчонка, которая успела уже оказаться здесь.

– А башмаки? – Крони посмотрел на ее ноги. Башмаки были примотаны к ногам проволокой.

Дверь в штаб была открыта.

– Крысолов, – позвал Крони.

Он вошел во внешнюю комнату. Она была пуста.

Дверь во внутреннюю распахнута.

Охотник лежал у самого порога. Он был мертв.

Уронив голову на стол, раскидав распростертыми руками бумаги и планы, лежал Спел.

Крони подбежал к Спелу. Выстрел пришелся в спину. С близкого расстояния, так что вокруг входного отверстия мундир почернел, обуглился. Крони дотронулся до затылка Спела. Ему показалось, что Спел чуть шевельнулся. Он осторожно положил Спела на пол.

– Ушел-таки, вот хитер, – сокрушался горбун. – Как же он охотника заманил внутрь? Охотник такой осторожный...

– Я виноват, – сказал Крони мрачно, опуская Спела на пол и садясь рядом так, чтобы положить голову Спела на колени. – Я не обыскал его.

– Эх, трубарь, – сказал горбун. – Всегда от тебя приходится ждать какой-нибудь глупости.

Крони боялся, что там, наверху, на него сердятся. Но они молчали.

Спел открыл глаза. Он открыл их с трудом, нехотя, как человек, разбуженный среди ночи.

Он увидел Крони, но узнал его не сразу. Потом закрыл глаза снова и сказал:

– Я же тебя просил...

Говорить ему было больно. Он захрипел, закашлялся. Горбун сказал:

– Я сейчас воды принесу. У них в той комнате вода была.

– Я быстрее, – сказала встрепанная девчонка. – А то мне здесь страшно. Они все померли.

– Крони, – сказал Спел. – Он выстрелил мне в спину. Ты не взял у него пистолет. А у меня взял... Крони...

– Почему он стрелял в тебя?

– Потому что я знаю... я знаю...

Спел замолчал.

– Ты ему не поможешь, – сказала Анита, – его надо поднять наверх.

Девчонка принесла воды, но Спел не стал пить.

– Я боюсь, – сказал он. – Я умру. Ты меня не бросишь здесь? Ты не бросишь... Геру?

– Мы вынесем тебя наверх, – сказал Крони. – Там есть врач и лекарства. Мы не оставим тебя.

Спел старался что-то вспомнить. Он наморщил лоб, не от боли, какая-то мысль беспокоила его, не давалась, но была очень важна.

– Мне нельзя умереть, – сказал он. – Мне нужно успеть наверх. Ты не обманешь меня снова?

– Нет, – сказал Крони.

– Скорее, скорее неси меня наверх... Он в меня стрелял, потому что я знаю о плане. Он взорвет стену на шестом ярусе. Он взорвет...

Спел опустил голову и сразу отключился, будто заснул. Лишь билась жилка на шее. И Крони понял, что Спел еще совсем мальчишка. Глупый мальчишка, который никогда не

видел солнца.

– Что здесь произошло? Он ушел?

В дверях стоял Рази.

– Спел сказал мне, что Мокрица имеет какой-то план. Он должен взорвать стену на шестом ярусе. Что это значит?

– На шестом? Ты говоришь – на шестом?

– Там нет разработок? – спросил Крони у горбуна.

– Там никогда не копали.

– Спел, – пытался вернуть его к жизни Крони. – В чем план Мокрицы?

Спел старался ответить.

– Вода... – сказал он наконец, – вода.

– Я дурак! – воскликнул Крони. – Какой я дурак! Я же был трубарем. Там есть старый водозаборник. Оттуда когда-то шла вода. Спел, там озеро?

Спел был мертв.

– Что же делать? – спросил растерянно инженер Рази.

– Что делать? – повторил Крони на языке Земли, осторожно опуская голову Спела.

– Ты можешь связаться со старшим Спелом? – спросил Круминьш.

– Я знаю его номер.

– Скажи ему о взрыве. И скажи, что Мокрица побежден.

– Хорошо, – сказал Крони и вышел в переднюю комнату, к переговорной трубке.

– 888, – сказал он оператору. – Мне нужен директор Спел...

Пока он ждал, инженер Рази дотронулся до его локтя.

– Я попробую подняться на шестой ярус, – сказал он.

Мокрице все время казалось, что его бегство обнаружено и по следу уже спешат преследователи. Собственные шаги отдавались в голове как чужие. Надо добраться до засады раньше, чем туда донесутся слухи о разгроме. Армия Мекиля, никогда раньше не встречавшая реального сопротивления, к войне оказалась не готовой. И он сам был не готов. Самоуверен. И думал весь день не о бунтовщиках, а о том, что скажет, когда вернется наверх и войдет в зал заседаний, о том, какие рожи скорчат директора. Если доживут до этого часа...

Мокрица остановился. Стало жарче. Хотелось пить. Он постарался представить план этого уровня. За Зеленым залом – город Предков. Там засада. Там прожектора, которые должны ослепить бегущих как стадо бунтовщиков. Но бунтовщики сюда не побегут. Сюда бежит только диктатор подземного города.

Предусмотрительный человек.

Уверенный в победе, он предусмотрел поражение. В этом величие Мокрицы. Если Джинь доберется до верхних ярусов, найдет техника, то через полчаса будет взорвана перемышка, отделяющая шестой ярус от подземного озера. Он давно уже нашел бумаги об этом озере – когда-то его хотели использовать для снабжения города водой. Масса воды обрушится вниз, на нижние уровни, на город Предков. Бунтовщики погибнут. Или как мокрые крысы поползут наверх, где Мокрица, собрав квартальных и жреческую охрану, уничтожит их. Уничтожит. Это крайний случай, самый крайний. Он погубит и теплостанцию, погибнут люди на нижних бедных ярусах. Но ведь не все! По крайней мере, половина города останется. Достаточно для Мекиля. А теперь скорей, к засаде, вывести стражу наверх, поставить у лифтовых шахт...

Из-за угла выплыло голубое сияние, и сначала Мокрица не различал его формы. Сияние замерло. И тогда Мокрица понял, что видит привидение.

Мокрица знал, каждый мальчишка знает, что привидение предвещает смерть. Но ему никогда не приходило в голову проверять эти сказки, как не проверяют существование самой смерти.

Из всех жителей города лишь крысоловы и Крони знали, что привидения голодны и

выпрашивают у людей пищу. Мокрица видел, что призрак смерти загородил ему дорогу, но Мокрица еще верил в счастливую звезду и надеялся уйти от гибели. Он выстрелил в привидение и увидел, как содрогнулся пронзенный пулей голубой столб. Содрогнулся, но не упал, не рассыпался. Привидение могло испытывать боль, и это не удивило Мокрицу, потому что боли подвластно все.

Мокрица всаживал в привидение пулю за пулей, оно отступало, корчась, и пули, пронизывая его тело, отбивали осколки от каменной стены туннеля.

Пистолет щелкнул. Он был пуст.

Мекиль метнулся, обходя дрожащее привидение, и побежал дальше. Он бежал медленно, он устал, он не привык бегать и с отвращением ощущал, как колыхнется его живот и дрожат щеки, – никогда раньше ему не приходилось злиться на свое тело. Тело было дано богом, и оно было не хуже других, молодых и стройных. Красивые тела так же страдали от боли, как уродливые.

Мокрице казалось, что он узнал туннель, который приведет его в Зеленый зал. Туннель был шире других, и кое-где по потолку висели разбитые или перегоревшие лампы.

И тут перед ним показалось сразу несколько привидений. Может, их было пять, может, десять, – они сливались, соединялись в светящиеся шары, вновь превращались в столбы... Привидения перекрыли туннель, надвигались на Мокрицу, не хотели пропустить Мекиля дальше. Он не знал, что расстрелянное им привидение вскоре упало на пол, сжалось в голубой комочек и сияние его постепенно погасло, потому что пули разорвали тонкую ткань его тела. Привидения очень живучи, но Мокрица вогнал в него все заряды своего пистолета. И предсмертный стон привидения, неслышимый для человеческого уха, донесся до его единоплеменников. Привидения никогда не нападают на людей, потому что встречаются только с охотниками, а охотники не обижают жителей темноты. Но Мокрица принес им смерть.

Мекиль повернул обратно. Он трусил по туннелю, оглядываясь, чтобы проверить, не догоняют ли его привидения. Они не спешили. Вдруг он увидел странное, даже остановился.

Привидения расступились и образовали проход, в котором появилось что-то белое.

Белое существо вылетело из отверстия и бросилось вдогонку за Мокрицей. Тот вытащил кинжал. И тут же вздохнул с облегчением. Это была всего лишь крыса.

– Уйди! – крикнул на нее Мокрица, и крыса остановилась, словно послушалась его.

Дальше шествие двигалось торжественно, как процессия, идущая к Бездне, чтобы казнить преступника. Впереди плелся осужденный. У него уже не было сил бежать. Затем шел палач. Замыкали процессию зрители и судьи...

Над головой образовалось отверстие. Черный четырехугольник.

Мокрица замер. Если забраться туда, преследователи останутся внизу.

Крыса подбежала близко, будто хотела испугать. Оскалилась. Мокрица никогда не встречал такой нахальной крысы. Мокрица ткнул в ее сторону кинжалом, но не достал.

Привидения все ближе...

Мокрица подпрыгнул, вцепился в ржавый крюк, на котором когда-то держались кабели. Крюк выдержал. Мокрица уперся ногами в стену, чтобы схватиться рукой за другой крюк, ближе к потолку. Крыса прыгнула, стараясь вцепиться ему в ногу, но промахнулась и уселась внизу, подняв вверх острую морду, и спокойно, почти разумно, наблюдала за его неловким, отчаянным подъемом.

Секунду Мекиль висел, держась руками за край люка, понимая, что ему не подтянуться, и упал бы обратно, если бы ему случайно не помогло одно из привидений. Оно протянулось к нему и дотронулось до ноги, и в то же мгновение электрический удар пронзил все тело Мокрицы, и оно, в ужасе и боли, рванулось вверх. Мокрица перевалился через край отверстия и оказался на следующем ярусе.

Он некоторое время лежал на полу и мелко, часто дышал. Но отдыхать нельзя. Одноглазый уже наверху. В любой момент может раздаться взрыв.

Если не успеть, то он не только не выведет стражников, но и сам не доберется до

лифта.

Над кромкой люка показалась голубая голова привидения, без глаз, рта. Привидение искало Мокрицу.

– О Бездна! – вырвалось у Мокрицы. – Они меня не оставят!

Глава 6

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ ГОРОДА

Когда одноглазый Джинь поднялся на Главный уровень и передал ожидавшему его взрывнику ключ, он не знал, для какой цели этот ключ предназначен. Взрывник имел приказание отправиться в туннель в сопровождении человека с ключом. О том же, что будет, когда первый посланец откроет нишу на шестом уровне, а взрывник нажмет на рычаг, знал лишь сам Мекиль.

Когда Джинь брел за взрывником по длинному, широкому, как улица, туннелю вдоль разрозненных и проржавевших секций труб, он понял, что хочет вернуться и ему все равно, что намерен делать его спутник. Поражение Мекиля, настоящее и окончательное, дошло до сознания Джиня, и с пониманием этого обнаружилась ложь Мокрицы. Он с таким же успехом мог обещать Джиню и пост первого директора.

Когда претендент в диктаторы терпит поражение, он не сразу, не вдруг теряет сторонников и слуг. Особенно в тех случаях, когда в мозгу этих людей надежно внедрена уверенность в его всемогуществе. И потом, когда карточный домик власти рассыпается, отдельные валеты и девятки еще по инерции продолжают держаться туза и выполнять его безумные приказы, даже если они понимают их бессмысленность. Джинь тоже оставался верен, но верность его, не имевшая достойного вознаграждения, подверглась испытанию. Джинь еще шел, сжимая в потной ладони ключ, но думал лишь о том, как бы спрятаться, куда бежать.

– Долго еще идти? – спросил Джинь хрипло.

– Сейчас придем, – ответил взрывник, не оборачиваясь. – Скоро.

– И что будет? – спросил Джинь.

– Не знаю, – сказал взрывник. – Ты нишу откроешь, а я нажму на рычаг.

– Зачем?

Взрывник не ответил.

Наверно, там тайный архив Мокрицы, который не должен попасть в руки врагам. Или тюрьма с секретными преступниками. И все-таки идея взрыва Джиню не нравилась. Не потому, что жалко было узников. А вдруг взрыв похоронит и его исполнителей?

– Долго еще идти?

– Пришли уже, – сказал взрывник, показывая на квадратный железный люк.

– Открывай, – сказал взрывник.

Джинь повернул ключ, и открылась небольшая ниша с серым ящичком посередине. Из ящичка торчала высокая рукоять, в стену убагали провода.

На ящичке был еще ряд кнопок.

Джинь взглянул в туннель. Там было пусто. Где пряталась тюрьма или архив – неизвестно. Джинь отступил на шаг.

Взрывник проверил провода, подключил приборчик с круглым циферблатом и посмотрел внимательно, как дрожит на нем стрелка. Потом с натугой опустил рычаг.

И раздался гром. Закачались стены туннеля, мигнули, погасли и снова зажглись лампы. Пол ушел из-под ног, и лишь то, что оба они стояли в нише, спасло их от воздушной волны. Грохот не умолкал, и Джинь, прижавшись к стене, стараясь уйти в нее и ощущая всем телом ее страшную дрожь, ждал одного – чтобы это прекратилось.

Гул не прекратился, но стены перестали трястись. Неминуемая смерть, заглянувшая в единственный глаз Джиня, отступила в темноту и оттуда посмеивалась над ним.

– Теперь, – сказал взрывник, поднимаясь с пола ниши, как будто ничего и не произошло, – еще раз, и все.

– Что? Еще раз?

Джинь возмутился. Он был убежден, что взрыв будет последним.

– Конечно, – ответил взрывник. – Так по инструкции.

– Ты с ума сошел! – крикнул Джинь, стараясь перекрыть растущий гул. – Ты нас погубишь. Разве ты не видишь, что творится?

Взрывник смотрел на Джиня удивленно.

– Но ведь приказ, – сказал он.

Джинь понял, что не допустит второго взрыва.

Он потянул взрывника за рукав, тот обернулся и ударил Джиня по кисти. Джинь не почувствовал боли. Он рванул взрывника на себя, и они упали на гудящий пол. Джинь, оказавшись сверху, бил взрывника затылком о камень, пока тот не затих.

Джинь встал, пошатываясь, и побежал по туннелю, подальше от гула и дрожания стен.

Первый взрыв создал в перемычке глубокую трещину. Второго взрыва должен был привести в действие заряды, расположенные по окружности перемычки.

Тогда бы вода из подземного озера хлынула внутрь, как из открытой трубы. Но второго взрыва не было. И потому вода первые минуты лишь сочилась сквозь трещину. Но напор ее был так силен, что с каждой секундой трещина расширялась, и из нее начали бить фонтаны холодной и прозрачной воды.

Зал Совета директоров был стар, его много лет не ремонтировали, чтобы не погубить фрески на потолке. Фрески почти выцвели, пошли сырыми пятнами, придававшими батальным сценам дополнительную динамичность и некоторую загадочность. Поколения директоров, сменявшиеся под сводами зала за тем же поцарапанным, массивным столом и креслами с жесткими деревянными отполированными сиденьями, часто обращали взоры к потолку, стараясь разгадать значение старинных фресок. Но имена торжествующих героев и поверженных врагов давным-давно были забыты – фрески лишь напоминали о славном прошлом, лишенном содержания, как голова каменной статуи, с незапамятных времен лежавшая на задворках дома директоров. Когда-то она была настолько важна для людей, что они перетащили ее вниз. Вот и берегли...

«А почему их надо беречь?» – подумал директор Спел, входя в зал и оглядывая собравшихся здесь директоров.

Избранные, которые правили подземным городом, собирались сюда уже третий раз за день – усилие поистине невиданное. Сначала им угрожал Мокрица, потом Спел сообщил о Городе Наверху. Они игнорировали эту новость. Страх перед Мокрицей был куда реальнее, чем иной мир. Они убеждали друг друга, что Мокрица не посмеет сделать ничего плохого, что Мокрица свой, что его отец был директором, сидел вот здесь... нет, здесь... нет, я как сейчас помню, что он сидел рядом со мной...

Место Мокрицы пусто. Оно почти всегда пусто. Мокрица презирал ритуалы и неспешность заседаний.

Спел-старший остановился во главе стола и сказал громко, чтобы нарушить солидную бесстрастность собрания:

– Я осмелился побеспокоить вас, уважаемые директора, потому что получил важные сведения.

Лица поворачивались к нему. Директора откладывали карандаши и личные колокольчики. Их взгляды сошлись на упругом, толстощеком лице Спела.

– Господин начальник полиции Мекиль потерпел поражение, – сказал Спел. Сделал рассчитанную паузу. – Мне сообщили, что он скрылся. Власть на нижних ярусах захватили бунтовщики, во главе которых стоят инженер Рази и известный мне Крони, пришедший из Города Наверху.

Спел видел, как медленно проникает сквозь толстые черепа понимание. Директора пытались сообразить, что хуже – власть Мокрицы или жизнь без него.

– А мы? – спросил директор шахт. – Что с нами?

– Но это еще не все, – сказал Спел и навалился животом на край стола, чтобы

приблизиться к вопрошающим, ожившим в страхе глазам директоров. – Это еще не все. Я получил другие сведения. Мокрица решил взорвать перемычку между шестым уровнем и подземным озером.

– Как? – вскопился Калгар. – Он же затопит нижние ярусы города!

– Вот именно. – сказал Спел.

– Идиот! – не сдержался Калгар. – Он же погубит людей. Он погубит тысячи людей! Он хочет утопить всех, кто внизу. Он погубит работников! А кто будет добывать руду и ткать? Кто будет убирать, кормить, поить, освещать город? Кто будет покупать в магазинах и чистить трубы... Это безумие!

– Мокрица всегда был безумцем, – сказал директор коммуникаций. – Он совсем не похож на своего отца. Но что мы можем поделать?

– Я говорил с руководителями мятежа, – сказал Спел. – С минуты на минуту они будут здесь.

– Здесь?!

– Вы боитесь их больше, чем Мокрицу, – заметил Спел. – А они сейчас для нас куда менее опасны. Если мы сможем договориться с ними, то сохраним жизнь, состояние и, возможно, власть.

– Он говорит дело, – сказал Калгар. – Они образумятся, как только мы проявим гибкость. А потом мы будем решать.

– Вожди мятежников полагают, что мы должны убедить население нижних ярусов подниматься вверх...

– А если Мокрица ничего не взорвет? – спросил Калгар.

В этот момент раздался взрыв.

Взрыв был значительно ближе к залу заседаний директоров, чем к тем уровням, на которых в тот момент был Мокрица. Казалось, пол ушел из-под ног директоров, мигнул свет, и гул, шедший снизу, был настолько глубоким и сильным, что заложило уши.

– Мы опоздали, – сказал Калгар. – Я до последней минуты надеялся, что он не посмеет.

– Ведь он из хорошей семьи. Его отец был директором, – сказал директор шахт.

– Я советую, – сказал Спел, – немедленно включить оповещение. И затем спастись. Мы не знаем, как прочны здесь стены. А вдруг их размоет водой?

– Я не могу уйти! – воскликнул директор шахт. – Все мои ценности внизу.

Калгар фыркнул, медленно поднялся и направился к задней комнате, неся перед собой ключ, как и положено в отработанный годами редкой церемонии оповещения.

Спел достал второй ключ и пошел вслед за Калгаром.

Остальные директора встали.

Лишь директор шахт, охваченный ужасом при мысли, что не успеет взять ценности из сейфа в конторе, метнулся к выходу. Спел задержал его.

Мекиль с трудом поднялся на ноги.

Он брел по коридорам, заглядывая в ниши, надеясь встретить хоть кого-нибудь, хоть бунтовщика – но человека, а преследователи снова двигались за ним и не пытались догнать. Они не спешили.

Мекиль увидел узкий проход в стене и потрусил туда. Он рисковал, что там может оказаться тупик. Но тупиком мог кончиться любой из туннелей. Он пробежал узким проходом и оказался в комнате, перегородженной каменной стеной из неровных глыб.

Конец.

И в этот момент он услышал, как вздрогнула земля и загудели стены, как глубоко вздохнула каменная толща подземелья.

И понял, что это означает.

Мекиль рванул воротник мундира, и пуговицы посыпались камешками по полу. Это были красивые и очень дорогие пуговицы из хрусталя. Затем выхватил висевший на цепочке на шее сигнализатор. Только бы успеть. Он нажал красную кнопку, и кнопка щелкнула.

Мокрица отбросил в сторону ненужный уже аппарат. Он знал, что наверху, где сидят в ожидании приказа четыре агента, загорелся красный сигнал.

– Все, – сказал себе Мокрица.

Привидения не двигались.

Мокрица огляделся. Каково оно, место его последнего успокоения?

В углу черным пятном лежала груда тряпья. Мокрица сделал шаг в ту сторону, направил на кучу тряпья свет фонаря.

Под тряпками лежал мертвец. Неизвестно, когда он умер, но в сухом воздухе подземелья тление не коснулось его. Он лежал спокойно и был похож на статую. Мокрица лихорадочно копался в памяти. Откуда он знает этого человека? Мокрице стало страшно оставаться с этим человеком в одной комнате. Судьба и смерть человека почему-то были связаны с его судьбой...

– Инженер Лемень, – прошептал Мокрица. – Это ты, инженер Лемень?

Калгар включил аппаратуру.

Остальные директора стояли за его спиной и наблюдали за тем, как нагреваются красные волоски ламп.

Калгар отошел в сторону, и Спел вставил ключ в отверстие над рядом кнопок. Из отверстия он вынул микрофон.

Все было готово.

Директор шахт незаметно выскользнул из комнаты и на цыпочках поспешил к двери. И погиб первым.

Четверо агентов Мокрицы, получившие последний приказ начальника, встретили его в дверях.

Остальных директоров они расстреливали в упор в маленькой комнате у передатчика, и каждая пуля настигала цель, потому что спрятаться было негде.

И потому первыми звуками, которые слышались в зашумевших, оживших громкоговорителях, установленных на всех перекрестках, были короткие и частые звуки выстрелов, стоны и крики.

Выполнив приказ, агенты спокойно повернулись и ушли.

– Тебе надо уходить, – сказал Круминьш.

– Я должен остаться, – Крони висел под потолком машинного зала теплостанции и вместе с двумя рабочими заdraивал вентиляционные люки. Вообще-то рабочие могли справиться и без него, но лишняя пара умелых рук пригодилась.

– Ты очень нужен наверху, – сказал Круминьш.

– Рази должен был послать людей, чтобы они обеспечили работу лифтов.

– К нему спускается Станчо. Он подсоединит к подъемникам автономное питание от нашей станции. Воды там нет?

– Пока все сухо, – сказал Крони. – О Мокрице не слышали?

– Нет.

– Надеюсь, он сгинул, – сказал Крони, спускаясь по веревочной лестнице вслед за рабочим. Последние люки были заdraены, и если вода придет сюда, потребуется немало времени, прежде чем она проникнет в машинный зал.

– Выключаем свет на жилых уровнях, – сказал дежурный инженер. Он говорил утвердительно, но в любом случае это был вопрос, и решить его следовало Крони. Его решения ждали десятки людей, мечтавших о том, чтобы поспешить к лифтам, чтобы вырваться из этой ловушки – машинного отделения тонущего корабля. Но пока Крони не скажет, что так сделать можно, они останутся на своих местах. Работники теплостанции, более чем другие в городе, привыкли к постоянной опасности – они жили на вулкане, и их объединяло чувство товарищества, редкое в других местах разобщенного подземного мира.

– Попроси его подождать, – понял, о чем идет речь, Круминьш. – Если люди начнут

уходить из кварталов в темноте, страшно подумать, что случится.

– Сейчас, – сказал Крони инженеру, – наши люди переносят к лифтам прожектора. Их установят минут через пятнадцать. Вы сможете продержаться?

В этот момент зашуршал репродуктор над их головами – репродуктор общего оповещения.

– Это Спел, – сказал Крони с облегчением. – Директора все-таки решились обратиться к людям. Я боялся, что они предпочтут погубить город.

Крони ощущал, как текут секунды, и представил себе, как в городе, не ведающем о событиях последних часов, люди бросают дела и оборачиваются к репродукторам.

И тут шуршание было прервано выстрелами... Крики, стоны, хрипы умирающих и снова выстрелы, как бы ставящие серию точек над страшной и непонятной сценой наверху.

Несколько секунд все стояли неподвижно. Замер весь город, и даже самые неосведомленные связывали выстрелы с далеким гулом взрыва, который слышали только что. Память о землетрясении, погубившем несколько лет назад часть города, просыпалась в подсознании первобытным страхом, стремлением вырваться наружу, но слово «наружу» означало лишь другой уровень.

– Что там произошло? – спросил Крони у Круминьша, но и Круминьш ничего не знал.

И тут шуршание в репродукторах было прервано тихим, срывающимся голосом инженера Рази.

– Сограждане, – сказал он.

Не было времени объяснять, что произошло. Как стражники продолжали исполнять приказы исчезнувшего Мокрицы, так и Рази именем мертвых директоров обращался к людям.

– Совет директоров приказывает: всем без вещей выходить из кварталов...

Рази вспоминал расположение лифтов и лестниц и старался представить самые короткие пути к спасению.

– Кварталы 1, 2, 3, 4 каждого жилого уровня поднимаются вверх по лестницам и служебным лифтам левой стороны. Остальные сектора подходят к главным лифтам. В первую очередь садятся в лифты те, кто живет на самых нижних уровнях. Наблюдение за порядком поручается квартальным. Вещи брать с собой запрещено. Каждый, кто попытается бежать, отталкивать других, будет наказан. Квартальные уходят последними, когда уровень освобожден от людей. Каждый берет с собой зажженный светильник и ставит на улице у своего дома. Сообщение будет повторено.

Рази бросил микрофон. В дверях переговорной стоял пожилой инженер со свитком в руке.

– Кладите планы на стол.

Инженер начал раскладывать листы на столе директоров, где лежали колокольчики и карандаши членов Совета.

– Мне некогда повторять оповещение, – растерянно сказал Рази. – И как назло, никого нет.

– Я буду говорить, – сказала бледная девушка.

Рази не видел, как она вошла в переговорную. Девушка смотрела на труп Спела.

Рази с облегчением протянул ей микрофон. Он не знал, кто она, а потому при первых словах ее вздрогнул.

– Говорит Гера Спел. Я говорю по поручению моего отца. Совет директоров приказывает...

Рази несколько секунд стоял рядом, потом вышел к инженеру.

Мокрица хотел жить. Он метнулся к стене. Стена была сложена из неровных каменных глыб. Ее, видно, соорудил сам Лемень. Мокрица бился о ту же стену, о которую, но с другой стороны, бился недавно трубарь Крони.

Он вытащил глыбу. Для этого пришлось подняться на цыпочки. Глыба была тяжелой,

и, толкнув ее, Мокрица покатиł ее в сторону придвигавшихся привидений. Они расступились и снова замерли.

Вода может заполнять бесконечные коридоры долго, день, второй, и он успеет наверх и снова обманет всех, он будет жить, потому что он не может умереть. Умирают слабые – умирают лемени и спелы.

Он прополз на животе сквозь дыру в камнях и вывалился на пол следующего помещения, ушиб локти, но фонарь сохранил. И с облегчением поднял голову, потому что ощутил движение воздуха, и это значило, что он уже в городе Предков.

И в луче фонаря он увидел крысиные морды. Десятки крысиных морд располагались полукругом, как будто крысы собрались со всех концов подземелья, чтобы приветствовать его выход из-за кулис. И если бы Крони мог видеть эту сцену, последнюю в жизни Мокрицы, он подумал бы, что за неделю крысы, проводившие его до той стены, так и не сдвинулись с места. Но крысы пришли сюда недавно, потому что знали: человек закончит свой бег по туннелям именно здесь...

Такаси искал Мокрицу, чтобы остановить его.

Он пришел в опустевший дом стражи, заглянул в кабинет Мокрицы, увидел камеры пыток, зашел в архив, где хранились карточки на каждого жителя города, и даже в спальню директора, где тот обычно ночевал, потому что не любил спать дома. Мокрицы нигде не было. Неизвестно было, что он еще задумал. Об этом Такаси сообщил Круминьшу.

– А мы расширили выход из подземелья, – сказал Круминьш. – Теперь здесь дыра метров в десять. Скоро будем готовы.

– А что еще происходит? – спросил Такаси, направляясь к выходу из логова Мокрицы.

– Что происходит? – Такаси узнал голос Наташи. Наташа старалась говорить весело и беззаботно, чтобы скрыть страх за Такаси, который там, внизу, где с ним может произойти что-то ужасное. – Анита разбивает лазарет.

– А почему ты не там?

– Мы с Кирочкой остались здесь, – сказала Наташа. – Мы должны принимать беженцев и отводить их в безопасное место.

– Понимаю, – сказал Такаси. И он не смел сказать ей, что хочет, чтобы она была подальше от подземелья.

– Гюнтер ушел вниз, на шестой уровень, к прорыву, – сказала Наташа. – И Станчо ушел. Знаешь, все просто проваливаются под землю, а мне страшно за вас.

– Я пойду к Гюнтеру, – сказал Такаси.

– Ой, не надо! Ты ничем не можешь. Спроси у Круминьша.

– Крони! – перебил ее голос Круминьша. – У вас нет воды?

– По стенам лифтовой шахты текут ручейки. Но это бывает иногда, если прорвет трубу, – услышал Такаси ответ Крони.

В эти минуты Крони поднимался в лифте с энергетиками.

– Мы остановились, – сказал Крони, – тут много детей и женщин. Их не успевают вывозить. Придется выйти.

– Эх, Крони, – сказал Круминьш в сердцах. – Ты так нужен наверху!

Перед ним на экране была сцена, запечатленная телепередатчиком Крони, лифтовая площадка и женские руки, царапающие решетку, чтобы остановить лифт – единственное звено между жизнью и неумолимой загадочной смертью. Решетка отодвинулась, и обнаружилась сумятица тел и поднятых рук – колеблющаяся картина ада, освещенная слишком ярким лучом прожектора. Прожектор покачивался под напором толпы, и два мрачных электрика отталкивали людей, чтобы толпа не опрокинула единственный источник света. Затем Крони повернулся, глазок на его груди взглянул назад – на медленно уползающее наверх, изрезанное вертикальными полосами решетки светлое пятно лифта.

На площадке оставалось еще много людей, подходили новые.

Круминьш понимал, что Крони оказался в западне нижнего, самого бедного, самого

набитого народом уровня подземного города.

Крони послал двух рабочих посмотреть, можно ли подняться по служебной лестнице. Неизвестно, удастся ли еще раз лифту прорваться так низко – ведь на пути его другие уровни и на каждом толпы перепуганных людей ждут спасения. Хотя Крони знал, что до шестого яруса далеко и лестницы, которыми редко пользовались, пришли во многих местах в негодность. Пока не вернутся посланные на разведку, он не отпускал людей к лестнице – на улицах стояла крошечная тьма, кое-где разрываемая лишь светильниками, вынесенными из домов. У лифта оставалась какая-то надежда.

Гюнтер шел по шестому ярусу, толкая перед собой тележку с баком, полным ремонтного пласта, и распылителем. Пласт затвердевал почти мгновенно и заполнял пеной любое отверстие. За спиной Гюнтера был ранец со взрывчаткой. Взрыв настиг Гюнтера, швырнул о вагонетку. Он с трудом поднялся. Рвануло впереди. Минут через пять Гюнтер остановился на развилке туннелей.

Наверху Макс склонился над локатором, пытаясь разобраться в тусклой сетке зеленых линий – туннелей.

– Правильно идешь, – сказал он.

– Вижу человека, – сказал Гюнтер.

Человек выбежал из широкого туннеля. Он налетел на тележку, зажмурил от боли единственный глаз, метнулся к стене и, перебирая по ней руками, побежал дальше.

Через сто шагов Гюнтер увидел, как по углублению в центре пола журчит растущий на глазах ручеек воды.

Гюнтер уже понял, что взрыв еще не до конца разрушил перемычку, но вернее всего это случится через несколько минут, и Гюнтер мог, по крайней мере, отсрочить катастрофу.

Воды прибавилось, и Гюнтеру приходилось выше поднимать ноги. Подошвы башмаков скользили по мокрому камню.

Туннель расширился и превратился в зал старого водозаборника. Дальнюю стену зала пересекала трещина, и струи воды забили с такой силой, что пролетали через весь зал, разбивались о противоположную стену и стекали потоком вниз. Вода под ногами бурлила и закручивалась водоворотами. Гюнтер мрачно поглядел на трещины, бороздившие стены, и сказал:

– Боюсь не справиться.

Говоря так, он уже поднимал распылитель. Тележка качнулась, и Гюнтер ее с трудом удержал. Вода доставала до колен.

Гюнтер включил распылитель. Пена встречалась со струями воды и разлеталась клочьями, застывая на лету.

Наконец первые клочья пены приклеились к стене, превращались в светлые комья и вздувались, как пузыри, под напором струй.

Первый лифт застрял у верхних ярусов, и Станчо висел над ним на проводах, рискуя получить смертельный удар током, и пытался надежнее переключить его управление на свою, верхнюю станцию. В лифте плакали дети, и стражник, который управлял клетью, ругал снизу Станчо, которого считал одним из электриков. Макс Белый помогал автоматам растаскивать камни, оставшиеся после взрыва верхнего прохода, и мостить пологий выход. Круминыш дежурил у экранов, поддерживая связь с теми, кто был внизу, и проклинал судьбу, не дающую ему права броситься к темному провалу.

Вернулся один из людей, посланных Крони по лестнице.

– Лестницу можно расчистить, – сказал он. – Только не знаю, на сколько уровней.

Гюнтер упорно держал распылитель, и пена постепенно заваливала зал.

И вдруг распылитель пискнул и дернулся в руке Гюнтера. Пена кончилась.

– Все, – сказал Гюнтер.

Половина зала была набита застывшей пеной, и вода, вытекающая из-под нее, как будто потеряла часть своей злости. Пена плотнела и лишь вздрагивала, как будто кто-то с той стороны размеренно бил по ней тяжелым молотом.

– Маленькая передышка. Пластырь на тонущем фрегате, – сказал Гюнтер. – Надо взрывать туннель.

Гюнтер оставил тележку и побежал по туннелю. Через несколько десятков шагов, в том месте, где потолок туннеля навис, он вытащил заряды, потом начал методично приклеивать их по периметру туннеля, словно впереди у него была вечность.

Круминьш молчаливо молил его: скорей же! Но ничего не сказал вслух, потому что вмешиваться было нельзя. Он только подумал, какое счастье, что Макс Белый крошит вездеходом дорогу к госпиталю и ничего не слышит. Они же с Гюнтером проработали рядом двадцать лет.

И тут раздался грохот: пластырь, лопнув, разорвался на множество клочков.

Гюнтер бросился на землю и в то же мгновение привел все заряды в действие.

Он успел в полной темноте увидеть стену рычащей воды, несущую впереди себя клочья разорванного пластыря. И успел увидеть, как навстречу воде обрушивается потолок туннеля, смыкаются стены, камень и вода ударяются друг о друга с невероятной силой стихий.

И где-то в самом центре этого бешеного столкновения остался и он.

Звук прервался. Во всех динамиках. И нельзя было надеяться на чудо. Крони все смотрел на стену лифта и ждал, пока ручеек либо превратится в поток, либо исчезнет.

Но не случилось ни того, ни другого. Ручеек продолжал литься.

Круминьш думал: хорошо бы Макс еще некоторое время не возвращался. Он видел, что Наташа с Кирочкой вдруг исчезли под землей, будто увидели там что-то важное.

– Пошли первые люди, – сказал Круминьш Крони, а затем переключился на госпиталь и спросил Аниту: – У тебя готово к приему?

– Ты с ума сошел? – воскликнула Анита. – погоди немного.

– Я не могу остановить людей и попросить их остаться под землей, потому что у тебя не все готово.

– Ты меня неправильно понял, – сказала Анита, – просто я растерялась. Как там дела у других?

– Все нормально, – ответил сухо Круминьш, потому что она спрашивала о Гюнтере, а он не мог сказать ей о нем.

Наташа стояла в широкой яме. Дождь мерно сыпался сверху, и Наташа подумала: хорошо, что нет солнца, оно не будет слепить людей, которые никогда его не видели. А скоро начнет темнеть. В глубине были видны человеческие лица.

Это было странное и жуткое зрелище.

Девушки стояли наверху наклонного хода, который уходил метров на десять вниз, к площадке, туда Станчо провел первую партию беженцев, высвободив их из застрявшей ниже клетки. И люди эти – в основном женщины и дети – остановились, как только увидели над головой светлое пятно, и больше не смогли сделать ни шагу.

Они стояли, сбившись в кучку, и смотрели туда, где был незнакомый, холодный и слишком белый свет.

Эта сцена тянулась бесконечно долго. Может быть, минуту или больше. Никто не двигался. И люди снизу смотрели на две фигурки в обтягивающих гладких комбинезонах, которые силуэтами вырисовывались на фоне слишком светлого пятна.

Капли дождя иногда залетали вглубь, но никто из беженцев не вытирал их, и они казались людям подземного города каплями, падающими с высокого потолка мира наверху.

Тогда, чтобы нарушить эту тишину и оцепенение, Кирочка сбегала вниз, приблизилась к кучке людей и протянула руку к растрепанной и страшно грязной девчонке, истощенной до безумия, в громадных, прикрученных проволокой башмаках и в обрывках серой тряпки на

бедах.

Девчонка смотрела на нее внимательно и серьезно. И затем ее паучья ручка дернулась и начала медленное путешествие длиной в несколько сантиметров.

Рука Кирочки была теплой, и ладонь девочки уютно утонула в ней.

– Пошли, – сказала Кирочка и чуть потянула за руку.

Девочка оглянулась. Все остальные смотрели на нее, как будто от ее следующего шага зависела их жизнь.

Девочка пошла за Кирочкой. Остальные сначала сделали один шаг, как будто общий, – движение прошло по всей группе.

Они не смели обогнать Кирочку с девочкой. И боялись отстать от них. С каждым шагом становилось все светлее, люди стали оглядываться друг на друга и удивляться тому, что видят, потому что они никогда еще не видели своих соседей при свете дня.

Наташа стояла в растерянности и наконец, когда мимо прошла последняя женщина, таща за руку мальчишку и взвалив на спину грязный узел, рванулась к ней, чтобы помочь, но женщина огрызнулась и вцепилась в узел. Наташа не стала пугать ее. И тут же услышала снизу знакомый голос:

– Это ты, Наташа? Не убегай от меня, не оставляй меня на произвол судьбы в этом подземном царстве.

– Ой, – сказала Наташа с облегчением. – Ты опять фиглярничаешь, Така.

Такаси вел следующую группу. Люди шли, держась за руки, длинной цепочкой, словно слепцы, и первым в цепочке был Такаси. Им пришлось пройти несколько верхних, пустых и темных уровней, и лишь фонарь Такаси служил им ориентиром.

– Где здесь возвращают зрение? – спросил Такаси.

Он не знал, что Гюнтер погиб. Но как только цепочка людей вышла наружу, он спросил:

– Наташа, а как Гюнтер?

– Что Гюнтер? – удивилась Наташа, которая не могла оторвать глаз от страшной картины человеческой немощи.

– Гюнтер должен был взорвать туннель, – сказал Такаси.

– Ой! – испугалась Наташа. – А я не знала.

Такаси в два прыжка, обогнав группу, выскочил наверх и побежал к тенту, где у пульта связи сидел Круминьш. Он подумал, подбегая, что Круминьш стал старше с утра, куда старше.

– Как Гюнтер? – спросил Такаси.

Круминьш положил ладонь на выключатель связи.

– Ты пришел, Такаси, это хорошо.

– Я вывел человек тридцать. Это немного, но пришлось расчищать завал. Как Гюнтер?

– Гюнтер погиб. Но перемычка пока держит воду. Сколько это будет продолжаться, я не знаю. Наверно, недолго.

Такаси не мог представить Гюнтера мертвым.

– Слушай, Така, – сказал Круминьш. – Во-первых, об этом еще не знают ни Анита, ни Макс. Во-вторых, времени осталось мало и тебе придется вернуться к выходу. Пускай девушки отводят беженцев по дороге к госпиталю, а потом останутся в помощь Аните.

Такаси побежал обратно, к выходу. Люди из подземелья уже стояли наверху, жмурили глаза и закрывались руками от света, хотя день был сумеречный и клонился к вечеру.

– Девушки! – крикнул на бегу Такаси. – Я остаюсь здесь за вас. Ведите их к Аните.

– А как Гюнтер? – спросила тогда Наташа.

– Скорей, – ответил Такаси. – Там уже идут новые!

И девушки послушно пошли к дороге, пробитой в кустах, как утки, ведущие за собой выводки утят.

Такаси включил связь. И сразу множество звуков зазвенело в наушнике.

Голос Геры:

– Уважаемые сограждане. Не забывайте, что зажженный светильник на улице поможет и вам, и вашим соседям быстрее найти дорогу к лифту и лестнице...

Голос Крони:

– Да, Вилис, я знаю, что Станчо пошел вниз. Но боюсь, что его лифт к нам не прорвется. Ты не представляешь, что творится выше. Мы поднимаемся по лестнице.

Голос Круминьша:

– А как вода?

Голос Крони:

– Опять ее стало больше. Хорошо, что изолирована станция. А то бы взорвались котлы.

Такаси сказал:

– Круминьш, я пойду на шестой ярус.

– Нет, – ответил Круминьш. – Ходьбы туда полчаса. И если бы Гюнтер был жив, он дал бы о себе знать.

– А если он ранен?

– Мы потеряем и тебя.

– Здесь останется Макс.

К Круминьшу пришел Макс.

– С Гюнтером плохо? – спросил он.

– Да, – сказал Круминьш.

– Никакой надежды?

– Никакой. Но я не смог удержать Такаси. Он побежал туда.

– А что с водой?

Макс говорил очень спокойно, но голос его был мертвым.

– Вода пробивается снова. И сколько выдержит завал, неизвестно.

– Жалко, что я не успел, – сказал Макс. – Я бы ушел вместо Такаси. У меня больше шансов.

– Никому не надо было идти.

– Знаю, – сказал Макс. – Знаю, что никому, но кто-то должен был пойти. Теперь мне придется остаться здесь.

– Да, – сказал Круминьш. – Тебе придется остаться.

Когда Такаси добрался до завала, из-под которого, как из-под кромки ледника, вырывался поток, он понял, что путешествие было напрасным. Но его надо было совершить. Если бы он не пришел сюда, на всю жизнь осталась бы боль от сознания, что они не сделали того, что сделал бы ради любого из них следопыт Гюнтер.

– Завал держит, – произнес Такаси.

– Гюнтера нет, – сказал утвердительно Круминьш.

– Нет. Много народу поднялось?

– Много. Но никто не знает, сколько осталось.

– А как дела у Крони?

– Он поднялся только на один уровень. А там и своих беженцев много. Дальше снова камни. Станчо пытается добраться до них.

Такаси в последний раз оглянулся на завал. Поток увеличивался на глазах.

– Времени осталось немного, – сказал Такаси. Он думал, что сказал это про себя, но Круминьш слышал.

– Уходи же оттуда! – крикнул он.

Такаси повернул обратно. Поток толкал сзади и норовил свалить с ног. Приходилось бежать, высоко поднимая ноги.

Такаси отыскал лестницу на уровень выше и выбрался в город. Этот ярус был почти пуст. На улицах у домиков, лишь фасады которых выдавались из скал, стояли светильники. Какие-то темные фигуры метнулись в тень при виде Такаси, волоча мешки, – оказалось, что даже в такие моменты находится место и время для грабителей.

Такаси представлял себе расположение улиц и знал, где находится та лестница,

которую он недавно расчищал... Туда он и шел.

Шел и слушал голоса в динамике.

Голос Геры:

– Уважаемые сограждане. Есть места в служебном лифте третьей секции. Те, кто находится вблизи этого яруса, могут пройти к нему...

Голос Круминьша:

– Крони, иди к большому лифту. Туда прорывается Станчо.

Голос Крони:

– На улице, которой мы идем, появилась вода.

Голос Макса, который взял у Круминьша запасной передатчик:

– Вилис, надвигается дождь. Есть запасные тенты?

Голос Круминьша:

– Если они промокнут, это не худшее, что может случиться. Важнее их сейчас накормить.

Голос Аниты:

– Вилис, ты не понимаешь, что уже половина их простужена. Они не приспособлены к свежему воздуху.

Неожиданно перед Такаси упала стена воды. Как занавес. Брызги разлетелись во все стороны. Стена была тонкой – сквозь нее дальше по улице мерцали огоньки светильников.

Такаси поспешил к лестнице, догнал испуганную группу беженцев, которая, если бы Такаси не увидел их, промахнулась мимо поворота и вскоре оказалась в тупике. И Такаси представил, как сотни людей в ужасе мечутся по улицам и туннелям.

В этот момент земля вновь содрогнулась. Прорвало завал Гюнтера.

Такаси успел привести группу беженцев к лестнице и шел сзади. Они успевали. Вначале вода по лифтовым шахтам и вентиляционным люкам рухнула вниз, к теплостанции. И, заполнив уровень теплостанции и шахт, она начала подниматься. Скоро она достигнет туннеля, ведущего к Огненной Бездне.

Такаси казалось, что лестницы между ярусами бесконечны. Все время приходилось останавливаться, толкать, тащить отстающих. Приближение очередного уровня можно было угадать по звуку репродукторов. Хриплый голос Геры, прерываемый тяжелым кашлем, звучал как пульс в умирающем теле.

По другой лестнице на несколько уровней ниже поднимался Крони. Толпа, окружавшая его, была в несколько раз больше и двигалась куда медленнее, чем группа Такаси. И у нее почти не было шансов выбраться наверх, хотя понимал это лишь сам Крони и те, кто следил за продвижением людей сверху. И помочь им было нельзя: Станчо вынужден был трижды возвращаться, потому что на каждой площадке еще были люди, и эти люди не менее других заслуживали спасения.

Такаси вывел очередную партию беженцев на верхний ярус, откуда уже обжитой, наполненный запахами и звуками туннель вел к выходу.

Он остановился, прислушиваясь к звукам умирающего города...

Голос Аниты:

– Вилке, я вынуждена укладывать людей на землю.

Голос Макса:

– Где Станчо?

Голос Круминьша:

– Станчо пошел вниз. И я не слышал его уже минут пять.

Молчание. Все ждут, не возникнет ли голос Станчо. Но вот он отозвался:

– Я поднимаюсь.

Голос Геры:

– Пожалуйста, спешите. Времени осталось мало...

Такаси представил себе тонущий корабль и радиста, который не уходит из рубки, хотя на полу уже бурлит вода.

Голос Круминьша:

– Ты почему задерживаешься, Крони?

Голос Крони:

– Тут больные. И старухи. Я их подгоняю, но мы отстали.

Внимание Такаси было отвлечено странным зрелищем. В отверстии туннеля показались два полуобнаженных человека с факелами в руках. За ними, подождав, пока факелonosцы замрут по обе стороны выхода, выплыл мелкими шажками бритый старец в длинном одеянии, расшитом языками пламени. Он нес, прижав к груди, массивную шкатулку. За ним шествовали еще три или четыре старика – эти были нагружены солиднее. Один сгибался под тяжестью позолоченной статуи в метр высотой, другой волочил мешок с какими-то угловатыми предметами – мешок подпрыгивал по полу, в нем позвякивало. Такаси сделал было несколько шагов, чтобы помочь старикам, но, заметив это, первый старик жестом остановил его. Факелonosцы возобновили движение вперед. Здесь, в вечерющем, влажном воздухе, нужды в факелах не было, и огонь их сразу стал тусклым и незначительным. Налетевший ветерок принялся рвать пламя. В глубине туннеля видны были лица следующей партии людей, но никто не двигался – они ждали, пока старики пройдут вперед. Жрецы, понял Такаси.

– Я иду вниз, – сказал Такаси. – Надо вывести Геру Спел.

– Такаси... – это был голос Круминьша.

Такаси понял, что Круминьш хотел остановить его. И не посмел.

Земля чуть дрогнула под ногами. Там, в глубине, в темноте, земля старается приспособиться, упрочиться, заполнить пустоты... Жрецы вдруг побежали дальше от входа. Такаси проводил их взглядом и бросился вниз. Туда, где возникал, все слабее и реже, голос Геры Спел.

Дорога была знакома, лестница почти пуста. Лишь изредка встречались отставшие люди, прижимались к стене, услышав топот башмаков Такаси. Он представил себе, сколько ярусов подземелья отделяет его от Крони, подгоняющего стариков и больных в самом хвосте процессии, муравьев, заблудившихся в горе.

Такаси выбежал на Главный ярус. Вода медленно текла, неся сор, она казалась черной и густой под лучом фонаря, лениво закручивалась водоворотами над люками и с занудным звуком всасывалась в щели.

Никто не встретился Такаси на этом ярусе. Навстречу плыла крыса. Белое слепое существо размером с кошку, безглазое, с длинной острой мордой. Такаси шагнул в сторону, чтобы не столкнуться с ней.

В Совете директоров горел свет. Еще работал автономный блок.

Зал заседаний был очень длинным, и стол казался низким – его ножки наполовину ушли в воду. В воде плавал труп толстого человека.

– Гера! – позвал Такаси.

Из дальней комнаты, дверь в которую была приоткрыта, донесся кашель. Такаси добрался до двери. Гера сжимала в руке круглый микрофон, но говорить не могла.

– Крони, – сказал Такаси. – Крони.

И показал пальцем вверх.

Гера смотрела на него, не понимая.

– Крони, ты меня слышишь? – спросил Такаси.

Ответ пришел не сразу.

– Слышу, – ответил Крони.

– Я сейчас дам Гере наушник. Скажи ей, чтобы шла со мной.

Такаси протянул наушники девушке. Та отшатнулась. Наушник тихо верещал. Такаси понял, что церемониться некогда. Он резко отвел тонкую руку Геры и приложил наушник к ее уху. Она замерла, как испуганный зверек. Потом поняла. Узнала. Кивнула головой. Медленно, с трудом поднялась, сделала шаг к Такаси. Тот взял у нее из руки микрофон.

– Внимание, – сказал он на терра-лингве. Он понимал, что никто из тех, кто остался в городе, его не поймет. – Говорит Накаяма Такаси. Станция заканчивает работу. Она возобновит работу завтра, в Городе Наверху.

Гера шла с трудом. Такаси поднял ее на руки, она была легкой.

Голос Круминьша:

– Такаси, почему не отвечаешь?

– Я иду наверх. Я близко. Не беспокойтесь. Что нового?

Голос Круминьша:

– Напор воды ослаб. Наверное, озеро выплеснулось, но радоваться рано...

Крони ненавидел этих стариков – как только они выжили в городе? И беременную женщину с ребенком на руках, которого она не хотела доверить трубарю. И хромого ткача. Все остальные давно уже ушли вверх по лестницам, может, уже вышли наружу. А Крони должен помирать из-за этих уродов. Он подгонял их, ругал, беженцы огрызались, словно только ему нужно было, чтобы они оказались наверху. Дважды камни начинали дрожать, и тогда, вместо того чтобы спешить наверх, слабосильная команда Крони замирала. Потом к ним присоединился худой, горбатый жрец-отшельник. Он был в рваной хламиде, на шее ожерелье из тяжелых камней. Это ожерелье тянуло его голову вниз, он шел, согнувшись в дугу, и все время кричал о конце света.

Крони знал, что Такаси ведет Геру наверх. И это было хорошо. У следующего пролета старики, как по команде, сели на каменный пол. Крони хотел избить их, чтобы заставить встать. Может, месяц назад и прибил бы. А сейчас уже не мог.

От лестницы шел широкий жилой туннель к лифтовой шахте. По лестнице лилась вода и растекалась по полу. Старики сидели в воде. Младенец вопил. Вода шла все сильнее. Один он бы еще пробился, но со стариками ему не пройти. Старики молились.

Крони включил связь.

– Круминьш, – сказал он. – Наверное, нам не выбраться. Вода.

– Напор ослаб, – повторил Круминьш. – Подождите немного. Макс Белый поехал в лагерь за скафандром высокой защиты. Он пойдет к тебе.

– Поздно, – сказал Крони. – Не надо.

Он пошел по коридору к лифтовой шахте, чтобы поглядеть, как там. Кружась в воде, перед ним плыла горящая плошка. Это было красиво.

Крони заглянул в шахту. Вода хлестала по ее стенам. Он наклонился. Луч фонаря уперся в воду, бурлившую метрах в десяти. Значит, нижние ярусы уже затоплены и вода пошла к Огненной Бездне.

Крони сказал об этом Круминьшу. Тот ответил, что всех людей отводят от выхода на восток, как можно дальше. Но это трудно.

Крони показалось, что сверху раздается какой-то шум. Он поднял голову и увидел, что на него надвигается грязный, в путанице кабелей, низ лифта. Вода пробивалась в щели и била сильными струями. Крони закричал старикам, чтобы они поднимались, побежал к ним и потащил к лифту беременную бабу, которая отбивалась и стонала. Он успел вернуться к шахте в тот момент, когда лифт поравнялся с уровнем. Мокрый, измученный Станчо крутил ржавую рукоять колеса – лифты в нижнем городе были снабжены такими рукоятками, чтобы можно было добраться до следующего яруса, если нет электричества или что-то сломалось. Но никто еще не гнал вручную лифт на несколько ярусов вниз.

Когда лифт поравнялся с ярусом, Станчо увидел свет фонаря.

– Крони? – спросил он. – Черт тебя побери. Хорошо, что ты здесь.

– Хорошо? – сказал Крони.

– Без тебя бы мне не вытащить эту штуку наверх, – сказал Станчо.

Они втащили в лифт стариков, инвалида и жреца. Станчо буквально валился с ног. Но Крони смог подменить его лишь минут на пять – на один ярус. Потом Станчо взял рукоять. Потом им помог немного хромо́й ткач.

Они выбрались на верхний уровень последними. Далеко не все жители города успели. А кое-кто и не захотел. Думал, что в городе безопасней. Или думал, что ничего, кроме города, в мире нет. Они вышли из туннеля, и здесь старики окончательно выдохлись.

Прибежали Кирочка с Такаси. Общими усилиями начали поднимать обессиленных беженцев, и это было нелегким делом. Помогла неожиданность. Вдруг беременная баба вскрикнула, подхватила ребенка и побежала прочь от входа, за ней стали подниматься, отползать, бежать старики... Такаси обернулся.

Из черного зева туннеля выскакивали крысы – тысячи крыс. Они давили друг дружку, царапались, кусались – они спасались из обреченного города. Вырвавшись на волю, крысы веером рассыпались по кустам... А когда поток крыс оборвался, в глубине туннеля возникло сияние – светящимися облаками выплывали наверх привидения и сливались с синим вечерним воздухом...

Город взорвался через пятьдесят шесть минут.

Земля на том месте, где был выход из туннеля, начала со скрипом и нутряным гулом вспучиваться, будто наружу рвался громадный зверь. И потом ринулась к небу грозным столбом камней, пыли и пара. И еще не успели долететь до низких облаков мелкие камешки и брызги, как она стала проваливаться внутрь, сминая в ничто упорядоченный и нерушимый мир города... На следующее утро на том месте образовалось глубокое, почти круглое озеро. Порой на его поверхности вспучивался пузырь газа или начинал крутиться водоворот.

Когда с неба перестали сыпаться камни и земля лишь неровно дышала и всхлипывала, люди стали подниматься на ноги. Макс смотрел назад, туда, где остался Гюнтер Янц. Крони не сразу нашел Геру, которая лежала в лазарете у Аниты. Он бестолково, растерянно искал ее в шевелящемся, крикливом, перепуганном скопище людей.

Такаси хотелось побыть одному. Чтобы ничего не слышать и ни о чем не думать. Он спустился с холма и лег на траву. Гул лагеря доносился, как далекое жужжание пчел. Там были тысячи людей, которых надо было накормить, успокоить, разместить, а ведь никто из них не подозревал о существовании Гюнтера Янца, который задержал наводнение на полчаса.

Такаси лежал на траве и глядел на вечернее небо, которое не может обрушиться.

Тут его и отыскала Наташа. Она села рядом и положила ладонь на его исцарапанный, горящий лоб.